ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

М. Е. САЛТЫКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. Н. Кривенко

Съ портретомъ Салтыкова, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ., 39

1891

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.
МІРЪ ГРЕЗЪ. Д ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ. гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.
РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графкины Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис Ц. 1 р. 50 к
ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер съ 5-го итальян. изд. Ц 1 р. 50 к.
ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к
УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к
КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч часовъ. Съ 13 рис Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к
СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.
ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В Чиколева Ц. 30 к.
О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В Чиколева. Ц. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В Черкасова и С. Степанова Съ 340 рис. Ц 1 р. 50 к
СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпитальe. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ Д ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2 е изд. Ц. 1 р.
ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р
ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.
ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. съ 8 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго Съ 72-мя рис. Ц. 60 к
ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Тисандье. Съ рис. Переводъ съ францув. Ц. 50 к.
СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц Ф Павленковъ. 500 стр. Ц 2 р. 50 к.
ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста Съ нѣм 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к
ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф Павленкова. 2-е изд. Ц 2 р. 50 к

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ". Со многими рисунками. Цѣна 2 руб.
ТЕЛЕФОНЪ и ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейера и Прис а. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Ніоде. Перев. съ франц. Со многими рис. Ц. 2 р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Д. Саломенса. Пер. съ англ. Д. Головъ. Со мног. рис. Ц. 1 р.
НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмедингена. Ц. 50 к.
ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев, съ франц. Со мног. рисун. Ц. 1 р.
ДАРВИНИЗМЪ, Э. Ферьера. Пер. съ фран Попул. излож. ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растен. животн. и чел. Ц. 60 к.

М. Е. Салтыковъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

М. Е. САЛТЫКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. Н. Кривенко

Съ портретомъ М. Е. Салтыкова, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ. № 39.
1891.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 12 ФЕВРАЛЯ 1891 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", Б. ПОДЪЯЧ., 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Дѣтство и юность.

Розга, какъ первое дѣтское воспоминаніе Салтыкова.—„Нѣжное“ воспитаніе.—Отсутствіе родительской ласки.—Недостатокъ общенія съ природой.—Вліяніе евангелія на дѣтскую душу Салтыкова.—Живописецъ Павелъ и первые учителя.—Московскій дворянскій институтъ —Лицей.—Преслѣдованіе за чтеніе книгъ и сочиненіе стиховъ.—Лицейскіе „продолжатели Пушкина“.—Нѣсколько юношескихъ стихотвореній Салтыкова. Нелюдимость лицеиста.—Увлеченіе Франціей.

Близость смерти не позволяетъ обыкновенно видѣть настоящей величины заслугъ человѣка, и въ то время, какъ заслуги однихъ преувеличиваются, заслуги другихъ представляются несомнѣнно въ уменьшенномъ видѣ, хотя бы въ наличности ихъ никто не сомнѣвался и даже враги воздавали имъ молчаливо извѣстную дань уваженія. Послѣднее относится и къ Михаилу Евграфовичу Салтыкову.

Мало на Руси именъ, которыя говорили бы такъ много уму и сердцу, какъ его имя; мало писателей, которые имѣли при жизни такое вліяніе и оставили обществу такое обширное литературное наслѣдство, наслѣдство богатое и разнообразное, какъ въ отношеніи внутренниго содержанія, такъ и со стороны внѣшней формы и совсѣмъ особаго языка, который при жизни еще началъ называться «салтыковскимъ». Примыкая, по роду творчества, непосредственно къ Гоголю, онъ нисколько не уступаетъ ему ни въ оригинальности, ни въ силѣ дарованія. Мало, наконецъ, людей, которые отличались бы такимъ цѣль-

нымъ характеромъ и прошли бы съ такою честью жизненное поприще, какъ онъ.

Родился Михаилъ Евграфовичъ 15 января 1826 года, въ селѣ Спасъ-Уголъ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи. Родители его — отецъ, коллежскій совѣтникъ, Евграфъ Васильевичъ, и мать, Ольга Михайловна, урожденная Забѣлина, купеческаго рода, — были довольно богатые мѣстные помѣщики; крестили же его тетка Марья Васильевна Салтыкова и угличскій мѣщанинъ—Дмитрій Михайловъ Курбатовъ. Послѣдній попалъ воспріемникомъ въ дворянскій домъ по довольно исключительному предшествовавшему обстоятельству, о которомъ Салтыковъ разсказывалъ въ шутливомъ тонѣ и лично, и потомъ въ «Пошехонской Старинѣ», гдѣ Курбатовъ выведенъ подъ фамиліей Бархатова. Этотъ Курбатовъ славился своею набожностью и прозорливостью и, ходя постоянно на богомолье по монастырямъ, заходилъ по пути и гостилъ довольно подолгу у Салтыковыхъ. Случилось ему такимъ же образомъ зайти къ нимъ и въ 1826 году, незадолго передъ тѣмъ, какъ родиться Михаилу Евграфовичу.—На вопросъ Ольги Михайловны, что у нея родится—сынъ или дочь, онъ отвѣчалъ: «пѣтушокъ, пѣтушокъ, востеръ ноготокъ! Многихъ супостатовъ покоритъ и будетъ женскимъ разгонникомъ». Когда родился дѣйствительно сынъ, то его и назвали Михаиломъ, въ честь Михаила-архангела, а Курбатова пригласили въ крестные отцы.

Воспитаніе помѣщичьихъ дѣтей велось въ ту пору по довольно распространенному шаблону, носило какой-то сокращенный, точно заводскій, характеръ и не изобиловало родительскою внимательностью: дѣтей ростили и воспитывали обыкновенно на особой половинѣ сначала кормилицы, а потомъ няньки и гувернантки или дядьки и гувернеры, потомъ учили ихъ лѣтъ до десяти приходскіе священники и какіе нибудь «домашніе учителя», не-

рѣдко изъ своихъ же крѣпостныхъ, а затѣмъ ихъ сбывали въ учебныя заведенія, преимущественно въ казенныя, или въ какіе нибудь приготовительные пансіоны. Воспитаніе это и вообще-то нельзя назвать раціональнымъ, а Салтыковское тѣмъ болѣе, благодаря суровости домашняго режима и той довольно исключительной семейной обстановкѣ, какая создалась на почвѣ крѣпостного права и подчиненія безхарактернаго отца практическою, дѣловитою матерью, которая больше всего думала о хозяйственныхъ дѣлахъ. Много видѣлъ маленькій Салтыковъ и крѣпостной, и семейной неправды, оскорблявшей человѣческое достоинство и угнетавшей впечатлительную дѣтскую душу; но даровитая натура его не сломилась, а напротивъ точно закалялась въ испытаніи и собиралась съ силами, чтобы впослѣдствіи широко расправить крылья надъ человѣческою неправдою вообще. Однажды мы заговорили съ нимъ о памяти, — съ какого возраста человѣкъ начинаетъ помнить себя и окружающее,—и онъ мнѣ сказалъ: «а, знаете, съ какого момента началась моя память? Помню, что меня сѣкутъ, кто именно не помню, но сѣкутъ какъ слѣдуетъ, розгою, а нѣмка — гувернантка старшихъ моихъ братьевъ и сестеръ—заступается за меня, закрываетъ ладонью отъ ударовъ и говоритъ, что я слишкомъ еще малъ для этого. Было мнѣ тогда, должно быть, года два, не больше». Вообще дѣтство Салтыкова не изобилуетъ свѣтлыми впечатлѣніями.

«Пошехонская Старина», имѣющая несомнѣнно автобіографическое значеніе, переполнена самыми грустными красками и даетъ если не буквально точную, то во всякомъ случаѣ довольно близкую картину его домашняго воспитанія въ періодъ до десятилѣтняго возраста. Михаилу Евграфовичу пришлось рости и учиться отдѣльно отъ старшихъ братьевъ, которые были въ то время уже въ учебныхъ заведеніяхъ, но все таки онъ помнилъ и ихъ дѣтство и испыталъ на себѣ, хотя и въ меньшей степени, тотъ же воспитательный укладъ, въ которомъ тѣлесныя наказанія въ разныхъ видахъ и формахъ явля-

лись главнымъ педагогическимъ пріемомъ. Дѣтей ставили на колѣни, рвали за вихры и за уши, сѣкли, а чаще всего кормили подзатыльниками и колотушками, какъ способомъ болѣе сподручнымъ.

«Припоминается безпрерывный дѣтскій плачъ, неумолкаемые дѣтскіе стоны за классным столомъ, — заставляетъ онъ говоритъ своего Затрапезнаго,—припоминается цѣлая свита гувернантокъ, слѣдовавшихъ одна за другой и съ непонятною для нынѣшняго времени жестокостью сыпавшихъ колотушками направо и налѣво... Всѣ онѣ безчеловѣчно дрались, а Марью Андреевну (дочь московскаго нѣмца-сапожника) даже строгая наша мать называла фуріей. Такъ что во все время ея пребыванія уши у дѣтей постоянно бывали покрыты болячками».

Родители оставались ко всему этому равнодушны, а мать обыкновенно даже усиливала наказаніе. Она являлась высшею карательною инстанціею. Салтыковъ не любилъ вспоминать своего дѣтства, а когда вспоминалъ какія нибудь отдѣльныя его черты, то вспоминалъ всегда съ большою горечью. Никого лично онъ при этомъ не винилъ, а говорилъ, что тогда весь строй, весь порядокъ жизни и отношеній былъ такимъ. Ни сами каравшіе и расточавшіе кары не сознавали себя жестокими, ни посторонніе такъ не смотрѣли на нихъ; тогда просто говорилось: «съ дѣтьми безъ этого нельзя», и въ этомъ-то и былъ весь ужасъ, гораздо бо̀льшій личныхъ ужасовъ, потому что онъ-то и дѣлалъ ихъ возможными и давалъ имъ право гражданства. Внѣшнею обстановкою дѣтства, въ смыслѣ гигіены, опрятности и питанія, также нельзя было похвалиться. Хотя въ домѣ было достаточно большихъ и свѣтлыхъ комнатъ, но это были комнаты *парадныя*; дѣти же постоянно тѣснились днемъ въ небольшой классной комнатѣ, а ночью въ общей дѣтской, тоже маленькой и съ низенькимъ потолкомъ, гдѣ стояло нѣсколько дѣтскихъ кроватокъ, а на полу, на войлокахъ, спали няньки. Лѣтомъ дѣти еще сколько нибудь оживлялись, подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, но зимой ихъ поло-

жительно закупоривали въ четырехъ стѣнахъ и ни единой струи свѣжаго воздуха не доходило до нихъ, потому что форточекъ въ домѣ не водилось и комнатная атмосфера освѣжалась только топкою печей. Одно только знали — топить пожарче и хорошенько закутывать. Это называлось *нѣжнымъ* воспитаніемъ. Очень возможно, что вслѣдствіе именно такихъ гигіеническихъ условій Салтыковъ и оказался впослѣдствіи такимъ хилымъ и болѣзненнымъ, какимъ былъ. Опрятность также плохо соблюдалась: дѣтскія комнаты нерѣдко оставались неметеными; одежда на дѣтяхъ была плохая, чаще всего перешитая изъ чего нибудь стараго или переходившая отъ старшихъ къ младшимъ. Прибавьте къ этому еще прислугу, одѣтую въ какую-то вонючую, заплатанную рвань. Тоже можно сказать и о питаніи: оно было очень скуднымъ. Въ этомъ отношеніи помѣщичьи семьи дѣлились на двѣ категоріи: въ однѣхъ ѣда возводилась въ какой то культъ, ѣли цѣлый день, проѣдали цѣлыя состоянія и дѣтей тоже пичкали, перекармливали и дѣлали обжорами; въ другихъ, наоборотъ, господствовала не то чтобы скупость, а какое-то непонятное скопидомство: всегда казалось мало и всего было жаль. Сараи, ледники, подвалы и кладовыя ломились отъ провизіи, готовилось много кушаній, но не для себя, а для гостей; себѣ же на столъ подавались остатки и то, что начинало уже портиться и залеживалось; на скотномъ дворѣ стояло по ста и болѣе коровъ, а къ чаю подавалось снятое, синее молоко, и т. п.

Такого рода порядокъ, да еще въ усиленной степени, былъ и въ семьѣ Салтыковыхъ. Но нравственно-педагогическій элементъ былъ еще ниже физическаго. Между отцомъ и матерью происходили постоянныя ссоры. Подчинившись матери и сознавая свою приниженность, отецъ отплачивалъ за это тѣмъ, что при всякомъ случаѣ осыпалъ ее безсильною руганью, упреками и укоризнами. Дѣти были невольными свидѣтелями этой брани, ничего въ ней не понимали, а видѣли только, что сила на сторонѣ матери, но что она чѣмъ-то кровно обидѣла отца,

хотя обыкновенно и выслушиваетъ молча его брань, и чувствовали поэтому къ ней безотчетный страхъ, а къ нему, какъ къ человѣку безхарактерному и не могшему защитить не только ихъ, но и себя, полное безучастіе. Салтыковъ говорилъ, что ни отецъ, ни мать не занимались ими, что росли они какъ посторонніе и что онъ по крайней мѣрѣ совсѣмъ не зналъ того, что называется родительскою лаской. Любимчиковъ еще своеобразно ласкали, остальныхъ нѣтъ. Самое это подраздѣленіе дѣтей на любимыхъ и нелюбимыхъ должно было портить первыхъ и глубоко оскорблять вторыхъ. Затѣмъ, если несправедливыя и суровыя наказанія дѣйствовали ожесточающимъ образомъ на дѣтей, то поступки и разговоры, при нихъ происходившіе, распахивали передъ ними всю изнанку жизни; а старшіе, къ сожалѣнію, даже на короткое время не считали нужнымъ сдерживаться и безъ малѣйшаго стѣсненія выворачивали и крѣпостную, и всякую иную тину.

Не разъ Салтыковъ жаловался на отсутствіе въ дѣтствѣ общенія съ природою, на отсутствіе непосредственной и живой связи съ ея привольемъ, съ ея тепломъ и свѣтомъ, оказывающими такое благотворное вліяніе на человѣка, которое наполняетъ все его существо и проходитъ потомъ черезъ всю его жизнь. И вотъ что мы читаемъ въ «Пошехонской Старинѣ» отъ лица Затрапезнаго: «съ природою мы знакомились случайно и урывками—только во время переѣздовъ на долгихъ въ Москву или изъ одного имѣнія въ другое. Остальное время все кругомъ насъ было темно и безмолвно». Ни о какой охотѣ никто и понятія не имѣлъ: изрѣдка собирали грибы и ловили карасей въ пруду, но «ловля эта имѣла характеръ чисто хозяйственный и съ природой не имѣла ничего общаго»; затѣмъ, ни звѣрей, ни птицъ въ живомъ видѣ въ нашемъ домѣ не водилось, такъ что и звѣрей, и птицъ «мы знали только въ соленомъ, вареномъ и жареномъ видѣ». Сказалось это и на его произведеніяхъ: описанія природы у него рѣдко встрѣчаются, и онъ далеко

не такой мастеръ на подобныя описанія, какъ напримѣръ Тургеневъ, Лермонтовъ, Аксаковъ и др. Впрочемъ не особенно много радостей могла дать ребенку и сѣверная природа, природа бѣдная и угрюмая, производившая въ свою очередь удручающее впечатлѣніе не какою-нибудь величественною суровостью, а именно бѣдностью, непривѣтливостью и сѣренькимъ колоритомъ. Мѣстность, гдѣ родился Салтыковъ и гдѣ протекло его дѣтство, даже въ захолустной сторонѣ было захолустьемъ. Это была равнина, покрытая хвойнымъ лѣсомъ и болотами, тянувшимися безъ перерыва на многіе десятки верстъ. Лѣса горѣли, гнили на корню и загромождались валежникомъ и буреломомъ; болота заражали окрестность міазмами дороги не просыхали въ самые сильные лѣтніе жары, а текучей воды было мало. Небольшія рѣчушки еле брели среди топкихъ болотъ, то образуя стоячіе бочаги, то совсѣмъ теряясь подъ густою пеленой водяной заросли. Лѣтомъ воздухъ былъ насыщенъ испареніями и наполненъ тучами насѣкомыхъ, которыя не давали покоя ни людямъ, ни животнымъ.

Въ дѣтствѣ Салтыкова было два обстоятельства, благопріятствовавшихъ его развитію и сохраненію въ немъ той искры Божіей, которая потомъ такъ ярко горѣла. Одно изъ этихъ обстоятельствъ въ сущности отрицательнаго свойства—то, что онъ росъ отдѣльно и что за нимъ нѣкоторое время было меньше надзора, — дало однако положительный результатъ: онъ больше думалъ, сосредоточивался мыслью на себѣ и окружающемъ и сталъ самостоятельно читать и заниматься, пріучаясь къ самодѣятельности и самостоятельности, къ тому, чтобы полагаться на себя и вѣрить въ свои силы. Читать было почти нечего, такъ какъ въ домѣ почти не было книгъ, а потому онъ читалъ оставшіеся отъ старшихъ братьевъ учебники. Среди нихъ особенное впечатлѣніе произвело на него евангеліе. Это-то вотъ и было вторымъ обстоятельствомъ, оказавшимъ на него самое рѣшительное вліяніе. Вспоминалъ онъ о немъ потомъ, какъ о жи-

вотворномъ лучѣ, внезапно ворвавшемся въ его жизнь и освѣтившемъ и собственное его существованіе, и окружавшій его мракъ. Познакомился онъ съ евангеліемъ не схоластически, а воспринялъ его непосредственно дѣтскою душою. Ему было тогда 8—9 лѣтъ. Мы не сомнѣваемся, что въ лицѣ Затрапезнаго онъ вспоминаетъ именно о своемъ знакомствѣ съ «Чтеніемъ изъ четырехъ евангелистовъ». Вотъ эти чудныя строки:

„Главное, что я почерпнулъ изъ чтенія евангелія, заключалось въ томъ, что оно посѣяло въ моемъ сердцѣ зачатки общечеловѣческой совѣсти и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, *свое*, благодаря которому господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко порабощалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я пріобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ совершавшихся въ окружающей меня средѣ... началъ сознавать себя человѣкомъ. Мало того: право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ. Доселѣ я ничего не зналъ ни объ алчущихъ, ни о жаждущихъ и обремененныхъ, а видѣлъ только людскія особи, сложившіяся подъ вліяніемъ несокрушимаго порядка вещей; теперь эти униженные и оскорбленные встали передо мной, осіянные свѣтомъ, и громко вопіяли противъ прирожденной несправедливости, которая ничего не дала имъ, кромѣ оковъ.. И возбужденная мысль невольно переносилась къ конкретной дѣйствительности въ дѣвичью, въ застольную, гдѣ задыхались десятки поруганныхъ и замученныхъ человѣческихъ существъ... Я даже съ увѣренностью могу утверждать, что моментъ этотъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на весь позднѣйшій складъ моего міросозерцанія. Въ этомъ признаніи человѣческаго образа тамъ, гдѣ, по силѣ общеустановившагося убѣжденія, существовалъ только поруганный образъ раба, состоялъ главный и существенный результатъ, вынесенный мною изъ тѣхъ попытокъ самообученія, которымъ я предавался втеченіе года“.

Не могу удержаться, чтобы не привести еще слѣдующаго замѣчательнаго по глубинѣ чувства мѣста, которое показываетъ процессъ сочувствія и тяготѣнія Салтыкова къ народу, процессъ, показывающій пониманіе народнаго настроенія и близкую, органическую связь этого настроенія съ его собственнымъ душевнымъ состояніемъ:

„Я понимаю, что религіозность самая горячая можетъ быть доступна не только начетчикамъ и богословамъ, но и

людямъ, не имѣющимъ яснаго понятія о значеніи слова: „религія“. Я понимаю, что самый неразвитый, задавленный яр момъ простолюдинъ имѣетъ полное право называть себя религіознымъ, не смотря на то, что приноситъ въ храмъ, вмѣсто формулированной молитвы, только измученное сердце, слезы и переполненную вздохами грудь. Эти слезы и вздыханія представляютъ собой безсловную молитву, которая облегчаетъ его душу и просвѣтляетъ его существо. Подъ наитіемъ ея онъ искренно и горячо вѣритъ. Онъ вѣритъ, что въ мірѣ есть нѣчто высшее, нежели дикій произволъ, что есть въ мірѣ Правда и что, въ нѣдрахъ ея кроется Чудо, которое придетъ къ нему на помощь и изведетъ его изъ тьмы. Пускай каждый новый день удостовѣряетъ его, что колдовству нѣтъ конца; пускай вериги рабства съ каждымъ часомъ все глубже и глубже впиваются въ его изможденное тѣло... Онъ вѣритъ, что злосчастіе его не безсрочно, и что наступитъ минута когда Правда осіяетъ его, наравнѣ съ другими алчущими и жаждующими. И вѣра его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ не изсякнетъ источникъ слезъ и не замретъ въ груди послѣдній вздохъ. Да! колдовство рушится, цѣпи рабства падутъ, явится свѣтъ, котораго не побѣдитъ тьма! Ежели не жизнь, то смерть совершитъ это чудо. Недаромъ у подножія храма, въ которомъ онъ молится, находится сельское кладбище, гдѣ сложили кости его отцы. И они молились тою же безсловною молитвой, и они вѣрили въ то же чудо. И чудо свершилось: пришла смерть и возвѣстила имъ свободу. Въ свою очередь она придетъ и къ нему, вѣрующему сыну вѣровавшихъ отцовъ, и свободному, дастъ крылья, чтобы летѣть въ царство свободы, на встрѣчу свободнымъ отцамъ...“

Въ другомъ мѣстѣ, отъ лица того же Затрапезнаго, Салтыковъ говоритъ еще опредѣленнѣе:

„Крѣпостное право сближало меня съ подневольной массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только переживъ всѣ его фазисы, я могъ придти къ полному сознательному и страстному отрицанію его“.

Вообще «Пошехонская Старина» имѣетъ большой интересъ по отношенію къ автору, потому что бросаетъ свѣтъ не только на дѣтскую, но и на всю послѣдующую его жизнь. Хотя онъ тамъ и появляется только эпизодически, на фонѣ общей бытовой картины, хотя мы и не можемъ слѣдить за нимъ день за днемъ, но все таки видно, какъ, подъ какими вліяніями и изъ какихъ эле-

ментовъ слагался его характеръ, его умственный и нравственный обликъ. Повторяемъ: нельзя разумѣется, утверждать, что все именно такъ и было, какъ тамъ разсказано, но многое изъ того, что Салтыковъ лично разсказывалъ при жизни, воспроизведено имъ съ буквальною точностью, даже нѣкоторыя имена сохранены (напр. принимавшей его повивальной бабки, калязинской мѣщанки Ульяны Ивановны, перваго его учителя Павла и т. п.) или только отчасти измѣнены.

Первымъ его учителемъ былъ свой же крѣпостной человѣкъ, живописецъ Павелъ, которому въ самый день рожденія Михаила Евграфовича, 15 января 1833 года, т. е. когда ему исполнилось семь лѣтъ, приказано было приступить къ обученію его грамотѣ, что онъ и сдѣлалъ, придя въ классъ съ *указкою* и начавъ съ азбуки. Тутъ есть нѣкоторая неточность: разсказывая о первомъ урокѣ Павла Затрапезному, онъ говоритъ, что до этого онъ ни читать, ни писать—ни по каковски, даже по русски, не умѣлъ, а выучился только около старшихъ братьевъ и сестеръ болтать по французски и по нѣмецки да заучивать, по настоянію гувернантокъ, и говорить въ дни именинъ и рожденій родителей поздравительные стихи; между тѣмъ приведенное въ V-й главѣ «Пошехонской Старины» французское стихотвореніе оказалось между бумагами Салтыкова и было написано дѣтскимъ почеркомъ и подписано такъ: «écrit par votre très humble fils Michel Saltykoff, le 16 octobre 1832». Мальчику тогда не было еще и семи лѣтъ, слѣдовательно можно сдѣлать одно изъ двухъ предположеній: или что онъ читалъ и писалъ по французски раньше, чѣмъ по русски, или что стихотвореніе было написано отъ его имени кѣмъ-нибудь изъ старшихъ дѣтей. Но это—незначительная неточность, на которой не стоитъ и останавливаться.

Въ 1834 году вышла изъ Московскаго Екатерининскаго института старшая сестра будущаго Салтыкова, Надежда Евграфовна, и дальнѣйшее обученіе его было ввѣрено ей и ея товаркѣ по институту, Авдотьѣ Пет-

ровнѣ Василевской, поступившей въ домъ въ качествѣ гувернантки. Имъ помогали священникъ села Заозерья, о. Иванъ Васильевичъ, обучавшій Салтыкова латинскому языку по грамматикѣ Кошанскаго, и студентъ Троицкой Духовной Академіи, Матвѣй Петровичъ Салминъ, котораго приглашали два года сряду на лѣтнія вакаціи. Занимался Салтыковъ усердно и настолько хорошо, что въ августѣ 1836 года былъ принятъ въ третій классъ шестикласснаго въ то время Московскаго дворянскаго института, только что преобразованнаго изъ университетскаго пансіона. Однако въ третьемъ классѣ ему пришлось пробыть два года; но это не вслѣдствіе дурныхъ успѣховъ, а исключительно по малолѣтству. Учился онъ попрежнему хорошо и въ 1838 году былъ переведенъ, въ качествѣ *отличнѣйшаго* ученика, въ лицей. Московскій дворянскій институтъ пользовался преимуществомъ отправлять въ лицей каждые полтора года двухъ лучшихъ учениковъ, куда они поступали на казенное содержаніе, и однимъ изъ таковыхъ и былъ Салтыковъ.

Въ лицеѣ, уже въ первомъ классѣ, онъ почувствовалъ влеченіе къ литературѣ и сталъ писать стихи. За это, а также и за чтеніе книгъ онъ терпѣлъ всевозможныя преслѣдованія какъ со стороны гувернеровъ и лицейскаго начальства, такъ и въ особенности со стороны учителя русскаго языка, Гроздова. Таланта его, очевидно, не признавали. Онъ вынужденъ былъ прятать стихи, особенно если содержаніе ихъ было не совсѣмъ одобрительно, въ рукава куртки и даже въ сапоги, но контрабанда отыскивалась и это оказывало сильное вліяніе на отмѣтки изъ поведенія: втеченіе всего времени пребыванія въ лицеѣ, онъ почти не получалъ, при 12 бальной системѣ, свыше 9 балловъ, до самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ передъ выпускомъ, когда обыкновенно всѣмъ ставился полный баллъ. Поэтому въ выданномъ ему аттестатѣ значится: «при *довольно* хорошемъ поведеніи», а это значитъ, что средній баллъ въ поведеніи, за послѣдніе два года, былъ ниже восьми. И все это на-

чалось со стиховъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединились «грубости», т. е. разстегнутая пуговица на курткѣ или мундирѣ, ношеніе треуголки съ поля, а не по формѣ (что было необыкновенно трудно и составляло само по себѣ цѣлую науку), куреніе табаку и иныя школьныя преступленія.

Начиная со 2-го класса, въ лицеѣ дозволялось воспитанникамъ выписывать на свой счетъ журналы. Такимъ образомъ при Салтыковѣ получались: «Отѣч. Записки», «Библіотека для чтенія» (Сенковскаго), «Сынъ Отечества» (Полевого), «Маякъ» (Бурачка) и «Revue Etrangère». Журналы читались воспитанниками съ жадностью; особенно сильно было вліяніе «Отеч. Зап.», гдѣ писалъ критическія статьи Бѣлинскій. Вообще вліяніе литературы было тогда очень сильно въ лицеѣ: воспоминаніе о недавно погибшемъ Пушкинѣ какъ будто обязывало нести его знамя и въ каждомъ курсѣ предполагался его продолжатель. Такими продолжателями считались: В. Р. Зотовъ, Н. П. Семеновъ (сенаторъ), Л. А. Мей, В. П. Гаевскій и др., а въ томъ числѣ и Салтыковъ. Первое стихотвореніе его: «Лира» было напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1841 года, за подписью *С—въ*. Въ 1842 г. появилась тамъ же другая его пьеса: «Двѣ жизни», за подписью *С*. Затѣмъ, стихотворенія его появляются въ «Современникѣ» (Плетнева): въ 1844 г. — «Нашъ вѣкъ», «Весна» и два перевода, изъ Гейне и Байрона; въ 1845 г.—«Зимняя элегія», «Вечеръ» и «Музыка». Подъ всѣми этими стихотвореніями подпись: *М. Салтыковъ*. Онъ въ это время уже вышелъ изъ лицея, но стихотворенія эти были написаны еще тамъ. Вновь въ стихотворной формѣ онъ, повидимому, ничего больше не писалъ, по крайней мѣрѣ не печаталъ, а отдавалъ въ печать только то, что уже было въ портфелѣ, и отдавалъ не въ порядкѣ написанія, а какъ случится: позже написанныя вещи раньше, а раннія—позже. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, какъ для того, чтобы показать, какъ Салтыковъ писалъ стихи, такъ и для того, чтобы

видѣть отражавшееся въ нихъ душевное настроеніе юноши—будущаго выдающагося писателя.

Рыбачкѣ.

(Изъ Гейне) 1841 г.

О, милая дѣвочка! быстро
Челнокъ свой направь ты ко мнѣ!
Сядь рядомъ со мною, и тихо
Бесѣдовать будемъ во тьмѣ.
И къ сердцу страдальца ты крѣпко
Головку младую прижми—
Вѣдь морю себя ты ввѣряешь
И въ бурю, и въ ясные дни.
А сердце мое то же что море—
Бушуетъ оно и кипитъ,
И много сокровищъ безцѣнныхъ
На днѣ своемъ ясномъ хранитъ.

Музыка.

(1843 г.)

Я помню вечеръ: ты играла,
Я звукамъ съ ужасомъ внималъ,
Луна кровавая мерцала—
И мраченъ былъ старинный залъ.
Твой мертвый ликъ, твои страданья,
Могильный блескъ твоихъ очей,
И устъ холодное дыханье,
И трепетаніе грудей—
Все мрачный холодъ навѣвало.
Играла ты... я весь дрожалъ,
А эхо звуки повторяло,
И страшенъ былъ старинный залъ...
Играй, играй: пускай терзанье
Наполнитъ душу мнѣ тоской;
Моя любовь живетъ страданьемъ
И страшенъ ей покой!

Нашъ вѣкъ.

(1844 г.)

Въ нашъ странный вѣкъ все грустью поражаетъ.
Не мудрено: привыкли мы встрѣчать
Работой каждый день; все налагаетъ
Намъ на душу особую печать.

Мы жить спѣшимъ. Безъ цѣли, безъ значенья
Жизнь тянется, проходитъ день за днемъ—
Куда, къ чему? Не знаемъ мы о томъ.
Вся наша жизнь есть смутный родъ сомнѣнья.
Мы въ тяжкій сонъ живемъ погружены.
Какъ скучно все: младенческія грезы
Какой-то тайной грустію полны,
И шутка какъ-то сказана сквозь слезы!
И лира наша вслѣдъ за жизнью вѣетъ
Ужасной пустотою: тяжело!
Усталый умъ безвременно коснѣетъ
И чувство въ немъ молчитъ, усыплено.
Что жъ въ жизни есть веселаго? Невольно
Нѣмая скорбь на душу набѣжитъ
И тѣнь сомнѣнья сердце омрачитъ...
Нѣтъ, право, жить и грустно, да и больно!..

Меланхолическое настроеніе автора, грусть и вопросы, зачѣмъ жизнь идетъ такъ печально и что этому причиной—слышатся опредѣленно и звучатъ искренностью и глубиною. Тогдашняя жизнь, дѣйствительно, мало представляла отраднаго и изобиловала тяжелыми картинами безправія и произвола. Для этого не надо было долго жить и далеко ходить, а достаточно было видѣть одно крѣпостное право. Но вы чувствуете, что настроеніе это не отдаетъ разочарованіемъ, которое складываетъ руки, не похоже также и на безплодную меланхолію, а, напротивъ, въ немъ слышится уже нота дѣйственной любви («моя любовь живетъ страданьемъ и страшенъ ей покой!»), которая потомъ все ярче и ярче разгоралась и не потухала до самыхъ послѣднихъ его дней. Стихи писать онъ скоро пересталъ,—потому ли, что они ему не давались, или что самая форма несоотвѣтствовала складу его ума,—но настроеніе осталось, и мысль продолжала работать въ томъ же направленіи.

«Еще въ стѣнахъ лицея—говоритъ г. Скабичевскій— Салтыковъ оставилъ свои мечты сдѣлаться вторымъ Пушкинымъ. Впослѣдствіи онъ даже не любилъ, когда кто либо напоминалъ ему о стихотворныхъ грѣхахъ его молодости, краснѣя, хмурясь при этомъ случаѣ и стараясь всячески замять разговоръ. Однажды онъ высказалъ даже о поэтахъ парадоксъ, что всѣ они, по его мнѣнію, сумасшедшіе люди.—Помилуйте,

объяснялъ онъ, развѣ это не сумасшествіе, по цѣлымъ часамъ ломать голову, чтобы живую, естественную человѣческую рѣчь втискивать, во что бы то ни стало, въ размѣренные риѳмованныя строчки! Это все равно, что кто нибудь вздумалъ бы вдругъ ходить не иначе, какъ по разостланной веревочкѣ, да непремѣнно еще на каждомъ шагу присѣдая».—«Конечно,—добавляетъ г. Скабичевскій,—это была не больше какъ одна изъ сатирическихъ гиперболъ великаго юмориста, потому что на самомъ дѣлѣ онъ былъ тонкій знатокъ и цѣнитель хорошихъ стиховъ, и Некрасовъ постоянно ему одному изъ первыхъ читалъ свои новыя стихотворенія».

Ко времени, о которомъ мы говоримъ, относятся нѣсколько строкъ А. Я. Головачевой о Салтыковѣ-лицеистѣ въ ея литературныхъ «Воспоминаніяхъ»: «я видѣла его въ началѣ сороковыхъ годовъ въ домѣ М. Я. Языкова. Онъ и тогда не отличался веселымъ выраженіемъ лица. Его большіе сѣрые глаза сурово смотрѣли на всѣхъ и онъ всегда молчалъ. Онъ всегда садился не въ той комнатѣ, гдѣ сидѣли всѣ гости, а помѣщался въ другой, противъ дверей, и оттуда внимательно слушалъ разговоры». Улыбка «мрачнаго лицеиста» считалась чудомъ. По словамъ Языкова, Салтыковъ ходилъ къ нему, «чтобы посмотрѣть на литераторовъ». Мысль сдѣлаться и самому литераторомъ, очевидно, глубоко засѣла въ него. Кромѣ того, какъ мы уже сказали, въ лицеѣ того времени интересовались литературой и много читали, чтеніе само собою вызывало вопросы, которые волновали и мучили, требовали отвѣтовъ и порождали естественное желаніе слышать живое слово умныхъ людей. Кромѣ выписывавшихся періодическихъ изданій, въ лицеѣ читали и многое другое. К. К. Арсеньевъ говоритъ въ «Матеріалахъ для біографіи М. Е. Салтыкова», что «даже въ концѣ сороковыхъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, послѣ грозы 1848 г., послѣ дѣла петрашевцевъ, въ которомъ не случайно оказались замѣшанными многіе изъ бывшихъ лицеистовъ (Петрашевскій, Спѣшневъ, Кашкинъ, Европеусъ), между воспитанниками лицея бродили еще идеи, вдохновлявшія юношу Салтыкова».

Вышелъ Салтыковъ изъ лицея не по первому разря-

ду. Въ то время, какъ и теперь, изъ лицея выпускали окончившихъ курсъ съ чиномъ IX, X и XII классовъ, смотря по успѣхамъ въ наукахъ и «поведенію». Такъ какъ Салтыковъ получалъ плохіе баллы *изъ поведенія* и *изъ предметовъ* особенно не старался, то и вышелъ съ чиномъ X класса, семнадцатымъ по списку. Изъ 22 учениковъ выпуска 1844 года 12 человѣкъ было выпущено IX классомъ, 5—X-мъ и 5—XII-мъ. Къ средней группѣ и принадлежалъ нашъ лицеистъ. Любопытно, что съ чиномъ X-же класса вышли изъ лицея и Пушкинъ, и Дельвигъ, и Мей. Изъ товарищей Салтыкова по лицею, бывшихъ въ одно время съ нимъ какъ въ его, такъ и въ другихъ курсахъ, никто ве составилъ себѣ такого крупнаго литературнаго имени, какъ онъ, хотя многіе писали и пробовали писать; въ отношеніи общественной дѣятельности также нѣтъ болѣе выдающагося имени; а по службѣ многіе достигли высокихъ положеній; напр., гр. А. П. Бобринскій, кн. Лобановъ-Ростовскій (посолъ въ Вѣнѣ) и др. По окончаніи курса, Салтыковъ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства, при гр. Чернышовѣ.

Онъ не сохранилъ о лицеѣ хорошихъ воспоминаній и не любилъ вспоминать о немъ: «помню я школу,—писалъ онъ лѣтъ черезъ десять послѣ выпуска въ одномъ изъ своихъ очерковъ, — но какъ-то угрюмо и непривѣтливо воскресаетъ она въ моемъ воображеніи»... Наоборотъ, время юности, юношескія надежды и вѣрованія, страстное стремленіе изъ непроглядной тьмы къ свѣту и правдѣ, товарищи, стремившіеся къ тѣмъ-же идеаламъ, съ которыми онъ вмѣстѣ думалъ и волновался, вспоминаются имъ не разъ и съ удовольствіемъ. Сравнивая то, что было въ тогдашней, дореформенной Россіи, съ тѣмъ, что было въ Европѣ, молодежь особенно увлекалась Франціей.

„Съ представленіемъ о Франціи и Парижѣ,—читаемъ мы въ другомъ очеркѣ Салтыкова, — для меня неразрывно связывается воспоминаніе о моемъ юношествѣ, то есть о сороковыхъ годахъ. Да и не только для меня лично, но и для всѣхъ насъ, сверстниковъ, въ этихъ двухъ словахъ заключалось нѣ-

что лучезарное, свѣтоносное, что согрѣвало нашу жизнь и въ извѣстномъ смыслѣ даже опредѣляло ея содержаніе. Какъ извѣстно, въ сороковыхъ годахъ русская литература (а за нею конечно и молодая читающая публика) подѣлилась на два лагеря: западниковъ и славянофиловъ. Былъ еще третій лагерь, въ которомъ копошились Булгарины, Бранты, Кукольники и т. п., но этотъ лагерь уже не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на подростающее поколѣніе, и мы знали его лишь настолько, насколько онъ являлъ себя прикосновеннымъ къ вѣдомству управы благочинія. Я въ то время только что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно примкнулъ къ западникамъ".

Разсказывая дальше, что примкнулъ онъ собственно не къ наиболѣе обширному и *единственно авторитетному* тогда въ литературѣ кружку западниковъ, который занимался нѣмецкой философіей, а къ кружку безвѣстному, инстинктивно прилѣпившемуся къ французскимъ идеалистамъ, къ Франціи не оффиціальной, а къ той, которая стремилась къ лучшему и ставила широкія задачи человѣчеству, Салтыковъ говоритъ: во Франціи «все было ясно какъ день... все какъ будто только что начиналось. И не только теперь, въ эту минуту, а больше полустолѣтія сряду все начиналось, и опять, и опять начиналось, и не заявляло ни малѣйшаго желанія кончиться. Мы съ неподдѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ упоеніемъ зачитывались «Исторіей десятилѣтія»... Луи-Филиппъ и Гизо, и Дюшатель, и Тьеръ—все это были какъ бы личные враги, успѣхъ которыхъ огорчалъ, неуспѣхъ радовалъ. Процессъ министра Теста, агитація въ пользу избирательной реформы, высокомѣрныя рѣчи Гизо... все это и теперь такъ живо встаетъ въ моей памяти, какъ будто происходило вчера». «Франція казалась страною чудесъ. Можно ли было, имѣя въ груди молодое сердце, не плѣняться этою неистощимостью жизненнаго творчества, которое, вдобавокъ, отнюдь не соглашалось сосредоточиться въ опредѣленныхъ границахъ, а рвалось захватить все дальше и дальше?»

Если къ этому прибавить, что Салтыковъ былъ рус-

скимъ человѣкомъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, крѣпко былъ связанъ всѣмъ своимъ существомъ съ русскою жизнью и горячо любилъ родную страну и народъ, любилъ ихъ не сантиментальною вовсе, а живою и дѣйственною любовью, которая не закрываетъ глазъ на недостатки и темныя стороны, а ищетъ способовъ къ ихъ устраненію и путей къ счастью, то увидимъ, что онъ вступилъ въ жизнь, если не вполнѣ готовымъ человѣкомъ, то человѣкомъ во всякомъ случаѣ уже съ довольно опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и довольно опредѣленнымъ критеріемъ, которымъ оставалось только развиться дальше и окрѣпнуть. Любовь Салтыкова къ Россіи рѣдко высказывалась въ какихъ-нибудь славословіяхъ, но сказывалась такъ часто и въ столькихъ произведеніяхъ, что я затруднилъ бы читателя доказательствами и цитатами. Жалуясь на недостатокъ общенія съ природою въ дѣтствѣ, описывая скудную сѣверную природу того захолустья, въ которомъ ему суждено было родиться, онъ и къ ней проникается совсѣмъ особенною нѣжностью и любовью. Еще въ «Губернскихъ очеркахъ» мы читаемъ слѣдующее:

„Я люблю эту бѣдную природу, можетъ быть потому, что, какова она ни есть, она все-таки принадлежитъ мнѣ; она сроднилась со мной точно также, какъ и я сжился съ ней; она лелѣяла мою молодость; она была свидѣтельницей первыхъ тревогъ моего сердца, и съ тѣхъ поръ ей принадлежитъ лучшая часть меня самого. Перенесите меня въ Швейцарію, въ Индію, въ Германію, окружите какою хотите роскошною природою, накиньте на эту природу какое хотите прозрачное и синее небо—я все-таки вездѣ найду милые сѣренькіе тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу ихъ въ моемъ сердцѣ, потому что душа моя хранитъ ихъ, какъ лучшее свое достояніе“.

II.

Подневольное житье.

Въ канцеляріи военнаго министра. — Первыя двѣ повѣсти: „Противорѣчія“ и „Запутанное дѣло“.—Отпускъ, замѣненный ссылкой въ Вятку.—Чиновникъ особыхъ порученій и совѣтникъ губернскаго правленія.—Дѣло о прекращеніи безпорядковъ въ Трушниковской волости. — Докладъ Салтыкова о бѣдственномъ положеніи крестьянъ и ходатайство о надѣленіи ихъ достаточнымъ количествомъ земли.—Вятское общество временъ Салтыкова.—Недовольство провинціей. Краткая исторія Россіи, написанная Салтыковымъ для дочерей Болтина.—Біографія Беккаріа.—Замѣтка объ идеѣ права.—

23 августа 1844 года Салтыковъ былъ зачисленъ въ канцелярію военнаго министра, а черезъ два года, въ августѣ 1846 г., получилъ тамъ мѣсто помощника секретаря и конечно не думалъ, что скоро ему предстоитъ проститься съ Петербургомъ и отправиться на службу въ Вятку. Причиною послѣдняго была тоже литература, къ которой его продолжало тянуть. Первыми его произведеніями были рецензіи нѣкоторыхъ новыхъ книгъ въ отдѣлѣ библіографической хроники «Отеч. Зап» (преимущественно учебниковъ и для дѣтскаго возраста). До 1846 г. отдѣломъ этимъ завѣдывалъ Бѣлинскій, потомъ, до половины 1847 г., главную роль игралъ въ немъ Валерьянъ Майковъ, а послѣ его смерти дѣло велось, повидимому, коллективно. Въ 1847 г., въ ноябрьской книжкѣ тѣхъ же «От. Зап.», была напечатана первая повѣсть Салтыкова «Противурѣчія», подъ псевдонимомъ М. Непанова, посвященная В. А. Милютину, родному брату Нико-

лая и Дмитрія Алексѣевичей. В А Милютинъ и В. Майковъ, оба рано умершіе, были талантливыми и многообѣщавшими молодыми писателями, первый —въ области политическихъ и соціальныхъ наукъ, второй—въ критикѣ. Салтыковъ вспоминалъ о нихъ не разъ, когда заходила рѣчь о томъ времени.

Первому своему беллетристическому опыту онъ не придавалъ серьезнаго значенія и не включалъ повѣсть «Противурѣчія» ни въ одно изъ изданій своихъ произведеній, не исключая и послѣдняго, которое хотя и вышло уже послѣ его смерти, но составъ котораго былъ точно опредѣленъ имъ самимъ. Затѣмъ, въ мартѣ 1848 года, появилась въ «Отеч. Записках» вторая его повѣсть: «Запутанное дѣло», которая и послужила поводомъ къ высылкѣ его въ Вятку. Можетъ быть этого и не случилось-бы, еслибы не произошло во Франціи февральской революціи и мартовскаго движенія въ Германіи, потому что основная мысль повѣсти—сочувствіе бѣднымъ и униженнымъ—только съ большою натяжкою могла быть истолкована въ смыслѣ прямого и непозволительнаго порицанія общественнаго строя. Къ этому присоединилось еще то, что находили нѣкоторое сходство между дѣйствительными лицами и изображенными. Въ повѣсти усматривалось вліяніе Ж. Зандъ и другихъ французскихъ писателей, проповѣдовавшихъ свободу и соціалистическія ученія и распространеніемъ идей которыхъ главнымъ образомъ объяснялось революціонное броженіе въ Европѣ.

По словамъ біографическаго очерка «Русской Библіотеки», просмотрѣннаго и одобреннаго самимъ Салтыковымъ, было обращено особое вниманіе на обѣ его повѣсти, хотя онѣ и были пропущены цензурой и не носили его подписи (вторая была подписана только иниціалами М. С.). Очень возможно, что были приняты въ соображеніе обѣ повѣсти, но главные пункты обвиненія все-таки были направлены противъ второй. Самъ Салтыковъ говоритъ: «въ мартѣ мѣсяцѣ я написалъ повѣсть («Запутанное дѣло»), а въ маѣ ужъ былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія». Самое же дѣло

происходило такъ: «надо было случиться, говоритъ г. Скабичевскій, чтобы однимъ изъ первыхъ распоряженій комитета было строгое замѣчаніе военному министру за цензурныя неисправности въ «Русск. Инвалидѣ». Это обстоятельство вооружило гр. Чернышева противъ литераторовъ, и, какъ нарочно, въ то время какъ гр. Чернышевъ находился еще подъ впечатлѣніемъ полученнаго имъ замѣчанія, явился къ нему Салтыковъ, какъ подчиненный, проситься въ отпускъ»... Упустивши совсѣмъ изъ вида, что чиновникъ его занимается литературой, гр. Чернышевъ тутъ только вспомнилъ объ этомъ и спросилъ Салтыкова: «вы, кажется, въ журналахъ пишете?» На утвердительный отвѣтъ, гр. Чернышевъ потребовалъ, чтобы онъ представилъ ему свои сочиненія, а потомъ, молъ, «мы и посмотримъ, можно ли васъ отпустить»... Салтыковъ представилъ ему свои два разсказа, а тотъ поручилъ Н. Кукольнику написать о нихъ докладъ. Заклятый врагъ натуральной школы, Кукольникъ представилъ ему такой докладъ, что «гр. Чернышевъ только ужаснулся, что такой опасный человѣкъ служитъ въ его министерствѣ», и тотчасъ же препроводилъ докладъ въ Бутурлинскій комитетъ, а Салтыкова уволилъ изъ министерства.

28 апрѣля 1848 года онъ былъ отправленъ въ Вятку.

О жизни М. Е. въ Вяткѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало извѣстно. Одно только можно сказать, что жизнь онъ велъ дѣятельную и что выдающіяся его способности не заглохли и нашли и тамъ приложеніе. Сначала онъ былъ зачисленъ въ канцелярскіе чиновники при губернскомъ правленіи, т. е. пониженъ по службѣ, поставленъ въ самые послѣдніе ея ряды; но съ осени того же года положеніе его улучшилось — онъ былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Губернаторомъ въ то время въ Вяткѣ былъ Середа. Онъ не могъ не оцѣнить молодого чиновника, рѣзко выдѣлявшагося изъ среды провинціальной бюрократіи и образованіемъ своимъ, и знаніемъ дѣла. Салтыковъ два раза при немъ исправлялъ должность правителя гу-

бернаторской канцеляріи; сверхъ того ему было поручено составленіе по городамъ Вятской губерніи инвентарей недвижимыхъ имуществъ, статистическихъ описаній и соображеній о мѣрахъ къ лучшему устройству городскихъ дѣлъ. 5 августа 1850 г. Салтыковъ былъ назначенъ совѣтникомъ вятскаго губернскаго правленія. Въ 1851 г. Середа былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ оренбургскаго казачьяго войска и оставилъ Вятку, а на его мѣсто пріѣхалъ Семеновъ. При новомъ губернаторѣ дѣятельность Салтыкова становится еще разнообразнѣе. Помимо вышеупомянутой работы и одновременно съ нею, онъ состоитъ еще дѣлопроизводителемъ въ трехъ комитетахъ: о рабочемъ и смирительномъ домахъ, о порядкѣ отдачи въ аренду почтовыхъ станцій и о выставкѣ сельскихъ произведеній въ Петербургѣ, а затѣмъ на него же возлагается и распоряженіе вятской очередной сельско-хозяйственной выставкой *). Въ 1852 г. Салтыковъ, въ качествѣ совѣтника губ. правленія, былъ посланъ губернаторомъ, вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, въ Слободской уѣздъ, для принятія мѣръ къ прекращенію безпорядковъ между государственными крестьянами Путейскаго и Нелѣсовскаго сельскихъ обществъ Трушниковской волости; въ 1853 году былъ командированъ въ Нолинскъ для обревизованія дѣлопроизводства тамошняго земскаго суда.

Всѣ эти порученія, — какъ и многія другія, не попавшія въ его формулярвый списокъ, — исполнялись имъ далеко не заурядным, чиновничьимъ образомъ: онъ тщательно изучалъ дѣло, выяснялъ всѣ его обстоятельства, старался раскрыть причину тѣхъ или другихъ явленій и найти средства къ предупрежденію ихъ. И дѣлалъ все это онъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ, а когда нужно было, то и съ гражданскимъ мужествомъ, не боясь высказывать прямо непріятную правду или предлагать мѣры, которыя легко могли быть поставлены на

*) Такую же дѣятельную роль по устройству мѣстной выставки въ Вяткѣ, лѣтъ за 15 передъ тѣмъ, игралъ Герценъ.

счетъ его неблагонамѣренности. Лучше всего это можно видѣть изъ сохранившейся въ его бумагахъ копіи съ донесенія, представленнаго имъ въ ноябрѣ 1852 г. губернатору, по вышеупомянутому дѣлу о прекращеніи безпорядковъ въ Трушниковской волости. Дѣло это, окончившееся при участіи Салтыкова миролюбиво, представляетъ значительный интересъ, какъ образчикъ положенія крестьянъ и дореформенныхъ административныхъ порядковъ.

Вкратцѣ состояло оно въ слѣдующемъ: существовала Камская казенная оброчная статья, смежная съ Путейскимъ и Нелѣсовскимъ сельскими обществами и сдававшаяся въ аренду то имъ, то частнымъ лицамъ (если тѣ платили хоти бы только 12 рублями дороже), которыя устраивали изъ нея источникъ наживы и притѣсненія крестьянъ. Въ точности ни размѣръ, ни границы этой статьи опредѣлены не были (въ 1836 г. въ ней числилось 1846 дес., въ 1846—720, въ 1850—991 дес.), вслѣдствіе чего между крестьянами и арендаторами происходили постоянныя недоразумѣнія. Крестьянамъ крайне необходима была эта земля, потому что своей было мало; они расчистили ее изъ подъ лѣса, привыкли владѣть ею и считали если не всю, то часть ея своею, а арендаторы требовали съ нихъ оброка даже за такія мѣста, которыя, по мнѣнію крестьянъ, не входили въ оброчную статью, а принадлежали сельскимъ обществамъ. Лѣсничіе не опредѣляли и не соблюдали границъ, а только доносили палатѣ гос. имуществъ, что камская статья заросла порослью и не имѣетъ межевыхъ знаковъ; землемѣры, не смотря на предписанія, либо отказывались возобновить знаки подъ какими нибудь предлогами, либо ссылались (какъ это было въ 1852 г.) на нежеланіе понятыхъ указать границы, которыхъ тѣ можетъ быть и не знали; палата втеченіе 16 лѣтъ ограничивалось «отпиской» и ни разу не потрудилась вникнуть какъ слѣдуетъ въ положеніе крестьянъ; судя по контракту съ послѣднимъ арендаторомъ, она даже *совершенно была незнакома съ предметомъ сдѣлки*. Словомъ, шла обычная канцелярская волокита, пере-

писка и отписка. Крестьяне то соглашались платить арендаторамъ оброкъ, то отказывались. Когда послѣдній арендаторъ отказался отъ дальнѣйшаго содержанія камской статьи и палата предписала лѣсничему принять ее въ свое хозяйственное распоряженіе, то послѣдній, вмѣсто того, возобновилъ вновь, съ своей еще стороны, переписку о взысканіи съ крестьянъ. Поѣхало на мѣсто дѣйствія временное отдѣленіе земскаго суда; крестьяне не только отказались отъ платежа взыскиваемыхъ денегъ, но и вынудили становогo, помощника окружнаго начальника и самого арендатора дать оправдывающую ихъ дѣйствія подписку; послано было за военной командой.

И вотъ какъ разъ въ это время былъ командированъ Салтыковъ. Изъ разспросовъ крестьянъ онъ узналъ еще о новомъ обстоятельствѣ, объясняющемъ ихъ *неповиновеніе* и *упорство*: въ 1844 г. спорная земля была нарѣзана имъ землемѣромъ по числу душъ и была предназначена къ отводу въ составъ земельнаго ихъ надѣла, что было крайне необходимо, потому что надѣлъ, которымъ они пользовались, былъ произведенъ еще по генеральному межеванію, а не по числу душъ 8-й ревизіи, и, достаточный тогда, сталъ недостаточенъ впослѣдствіи. Хотя нарѣзка эта и не была еще утверждена въ установленномъ порядкѣ, а была лишь предварительной,—почему-то этимъ медлили, — но крестьяне считали дѣло поконченнымъ, принимали нарѣзку за актъ окончательный. Убѣдить ихъ при такихъ условіяхъ въ необходимости исполненія предъявляемыхъ къ нимъ требованій было задачею не легкою, но Салтыковъ въ этомъ успѣлъ до прибытія военной команды.

Другой на этомъ и остановился бы: отрапортовалъ бы начальству, что «безпорядки прекращены и бунтовщики приведены въ надлежащее повиновеніе», и считалъ бы миссію свою блистательно исполненной; но не таковъ былъ М. Е.: взявшись за дѣло, онъ считалъ необходимымъ довести его до конца, по крайней мѣрѣ до конца логическаго, т. е. до выясненія причинъ извѣстнаго явленія и мѣръ, какія должны быть приняты, если не желаютъ

чтобы явленіе повторялось. И вотъ мы видимъ, что онъ тщательно описываетъ крестьянскій бытъ, до мелочей входитъ въ подробности хозяйства и промысловъ «бунтовщиковъ», не оставляетъ положительно ни одного обстоятельства не замѣченнымъ и не обслѣдованнымъ. Это приводитъ его къ убѣжденію, что крестьяне «находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи», что удобной земли у нихъ «едва-едва приходится на душу отъ 2 до 3 десятинъ» и что земля эта «самаго посредственнаго качества», такъ какъ хлѣбъ родится «едва самъ третій, а большею частію самъ другъ»; что это, вѣроятно, «и понудило крестьянъ дѣлать въ свободныхъ казенныхъ земляхъ расчистки, которыя впослѣдствіи были введены въ составъ камской оброчной статьи»; что хорошихъ сѣнокосовъ у нихъ «нѣтъ вовсе» и что лучшіе поемные луга по р. Камѣ также «введены въ составъ оброчной статьи и изъ пользованія крестьянъ изъяты»; что «скотоводство поэтому находится въ самомъ жалкомъ положеніи», а отъ этого страдаетъ и хлѣбопашество, что промысловъ, которыми занимаются крестьяне (бурлачество, поставка дровъ и угля на сосѣдніе желѣзодѣлательные и пермскіе солеваренные заводы), «едва достаточно на уплату государственныхъ податей», и т. д. А убѣдившись, что «причины, побудившія крестьянъ къ возмущенію», заключаются: во 1) въ самомъ ихъ положеніи, которое «представляется столь бѣдственнымъ, что съ перваго взгляда обращаетъ на себя особенное вниманіе», и 2) въ недоразумѣніи, возникшемъ «отъ неотграниченія и неприведенія въ извѣстность камской статьи», онъ приходитъ въ концѣ своего рапорта къ слѣдующему выводу:

«По моему мнѣнію, единственный способъ водворить между крестьянами прочный порядокъ и тишину заключается въ скорѣйшемъ надѣленіи ихъ землею по числу душъ 8-й ревизіи, причемъ, такъ какъ почти всѣ свободныя казенныя земли этого края таковы, что нарѣзка ихъ крестьянамъ нисколько не послужитъ къ улучшенію ихъ быта, а напротивъ того потребуетъ отъ нихъ же значительнаго труда и издержекъ, которые могутъ вознаградиться развѣ черезъ весьма долгое время,

то я полагалъ бы въ число земель, предполагаемыхъ къ надѣлу крестьянамъ по 8-й ревизіи, включить и камскую статью въ полномъ ея составѣ. Тѣмъ болѣе, по мнѣнію моему, предположеніе это заслуживаетъ уваженія, что статья сія составилась изъ лѣсныхъ полянъ, на расчистку которыхъ этими же крестьянами употребленъ не одинъ десятокъ лѣтъ».

Чтобы высказывать подобныя вещи въ 1852 году, да еще въ исключительномъ положеніи Салтыкова, дѣйствительно, надо было имѣть извѣстную долю гражданскаго мужества. Не щадилъ онъ при этомъ и многочисленныхъ упущеній со стороны вѣдомства государственныхъ имуществъ, въ которомъ частенько тогда попадались «озорники», «чиновники хозяйственнаго управленія» и Удодовы, выведенные имъ потомъ въ «Губ. очеркахъ» и «Благонамѣренныхъ рѣчахъ».

Однако провинціальная жизнь, хотя бы и очень дѣятельная, не могла удовлетворить Салтыкова. У него были другія духовныя потребности, кромѣ служебныхъ, у него были товарищи, друзья, отношенія и связи съ людьми, которыхъ онъ уважалъ и живая бесѣда съ которыми становилась тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ ниже было окружающее общество и чѣмъ онъ въ глубинѣ души чувствовалъ себя болѣе одинокимъ. «Вятскій чиновный міръ пятидесятыхъ годовъ,—говоритъ г. К. Арсеньевъ—состоялъ, большею частью, изъ оригиналовъ портретной галереи, наполняющей «Губернскіе очерки». Съ постояннымъ ихъ сосѣдствомъ онъ никакъ примириться не могъ». Были нѣкоторыя исключенія, какъ напр. А. И. Тиховидовъ, котораго онъ изъ учителей гимназіи убѣдилъ перейти на гражданскую службу и потомъ рекомендовалъ Муравьеву (сыну министра), когда тотъ, уже по возвращеніи его изъ Вятки, былъ назначенъ туда губернаторомъ; было и еще нѣсколько человѣкъ хорошихъ людей, съ которыми можно было «по человѣчески переговорить»; но все таки это было не то, что нужно было Салтыкову, и не они — нѣсколько человѣкъ — придавали окраску и тонъ жизни. Онъ скучалъ, боялся опуститься въ тину провинціальныхъ мелочей и вотъ что писалъ въ своей «Скукѣ:»

«О, провинція! ты растлѣваешь людей, ты истребляешь всякую самодѣятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!.. Какая возможность развиваться, когда горизонтъ мышленія такъ обидно съуживается? Какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего вызывающаго на мысль?... «Были у меня иныя времена, окружали меня иные люди, все иное! Были глубокія вѣрованія, горячія убѣжденія, была страсть къ добру!.. Гдѣ-то вы, друзья и товарищи моей молодости?.. Помню я долгіе зимніе вечера и наши дружескія, скромныя бесѣды, заходившія далеко за полночь. Какъ легко жилось въ это время, какая глубокая вѣра въ будущее, какое единодушіе надеждъ и мысли оживляло всѣхъ насъ!»

Положеніе его еще смягчалось тѣмъ, что къ нему очень хорошо относилось мѣстное общество. Его всюду звали, начиная съ высшихъ административныхъ лицъ, и вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Чаще другихъ онъ бывалъ въ домѣ вятскаго вице-губернатора Болтина, гдѣ скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ и на одной изъ дочерей котораго, Елизаветѣ Аполлоновнѣ, впослѣдствіи женился. Вспоминая тѣ годы, Елизавета Аполлоновна говоритъ, что онъ чувствовалъ себя у нихъ вполнѣ хорошо, подолгу разговаривалъ съ ихъ матерью, шутилъ и разговаривалъ съ ними (она и сестра ея были въ то время еще дѣвочками), вообще, бывалъ веселъ, хотя и тогда она не помнитъ, чтобы онъ смѣялся, какъ другіе: «у него смѣялись только глаза». Отправляясь семьею кататься, они почти всегда заѣзжали за нимъ и брали его съ собою; при этомъ иногда находили его въ забавномъ положеніи: онъ не могъ ѣхать, потому что оказывался запертъ и не могъ выйти изъ дома; старый человѣкъ, который жилъ у него, отлучаясь не на долго куда нибудь въ лавку, обыкновенно запиралъ домъ и его тамъ. И Салтыковъ на это не сердился, а только въ комическомъ видѣ сообщалъ изъ окна о своемъ положеніи. Обращалъ онъ вниманіе и на учебныя занятія молодыхъ дѣвушекъ, и такъ какъ въ то время не было хорошаго учебника по русской исторіи, то онъ и составилъ спеціально для нихъ «Краткую исторію Россіи». Написанная по разнымъ источникамъ и доведенная до Петра I, рукопись эта со-

стоитъ изъ сорока довольно мелко написанныхъ листовъ и стоила не малаго труда. Хотя это есть простое сжатое изложеніе событій, но Салтыковъ старался не упустить въ немъ ничего существеннаго и отмѣтить самый духъ событій и значеніе ихъ для народа. Такимъ образомъ, напр., у него изложено царствованіе Іоанна Грознаго, общее направленіе внутреннихъ реформъ котораго, особливо въ лучшую эпоху (1547—60 гг.), имѣло въ виду подавленіе боярскаго произвола и озлобленіе котораго онъ объясняетъ постояннымъ противудѣйствіемъ, корыстолюбіемъ и непониманіемъ государственныхъ интересовъ со стороны окружавшей его среды. Писалъ Салтыковъ «Краткую исторію Россіи» отчасти въ Вяткѣ, а отчасти въ тверской своей деревнѣ, куда ему позволили на нѣкоторое время съѣздить, и посылалъ ее оттуда въ Вятку по частямъ.

О внутренней его жизни въ этотъ періодъ даютъ еще нѣкоторое представленіе сохранившіяся въ его бумагахъ замѣтки, выписки изъ прочитанныхъ книгъ, краткіе наброски мыслей, которыя потомъ предполагалось «развить» и т. п. Все это, не смотря на свою отрывочность, показываетъ, чѣмъ онъ интересовался, что думалъ и чѣмъ собирался заниматься. Сохранился, напр., приступъ къ біографіи Беккаріи и замѣтки «Объ идеѣ права». Къ начатой біографіи Беккаріи приложено нѣсколько выписокъ изъ него и противъ одной изъ нихъ, гдѣ онъ говоритъ, что «люди согласились, молчаливымъ контрактомъ, пожертвовать частью своей свободы, чтобы пользоваться остальнымъ спокойно» и т. д., Салтыковъ замѣчаетъ: «нельзя себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ добровольно отказаться отъ части свободы, да и нѣтъ въ томъ никакой надобности». Въ замѣткахъ «Объ идеѣ права» бѣгло набросано нѣсколько мыслей, которыя повидимому должны были лечь въ основу этой работы: о важности сравнительнаго изученія уголовныхъ законовъ, о связи между законодательствомъ и нравами, о преступленіи вообще, о полныхъ любви и снисхожденія взглядахъ на

него у народовъ цивилизованныхъ, когда «въ сознаніи народномъ живетъ идея правды» и законодатель изучаетъ «глубочайшіе тайники природы человѣческой», о взглядѣ на преступленіе, какъ на дѣйствіе воли человѣка, направленное къ увеличенію суммы личнаго его благосостоянія и которое было бы вполнѣ законнымъ, еслибы не было сопряжено съ ущербомъ для другихъ, о причинахъ, вліяющихъ на мѣру наказанія, и несправедливости спеціальныхъ наказаній (напр. тѣлесныхъ) для цѣлыхъ сословій, о различіи преступленій противъ права естественнаго, противъ личности, отъ преступленій противъ права гражданскаго (искусственнаго). На особомъ листѣ начато было еще разсужденіе на тему: имѣетъ ли всякій членъ общества право требовать отъ него насущнаго хлѣба.

Мы едва ли ошибемся,—замѣчаетъ по этому поводу К. К. Арсеньевъ, по разсмотрѣніи этого наброска,—если скажемъ, что Салтыковъ хотѣлъ выставить въ этой работѣ «въ самомъ яркомъ свѣтѣ крайности мальтузіанства—и затѣмъ перейти къ его опроверженію...» Сохранились еще между Салтыковскими бумагами нѣсколько страницъ выписокъ изъ Токвиля («De la démocratie en Amérique»), Вивьена («Etudes administratives)» и Шерюеля («Histoire de l'administration monarchique en France»). Наконецъ о литературныхъ занятіяхъ свидѣтельствуютъ «Губернскіе очерки», сразу доставившіе ему громкую извѣстность и оказавшіеся, какъ скоро самъ онъ убѣдился при знакомствѣ съ другими, внутренними губерніями, настолько типичными, что въ далекомъ Крутогорскѣ какъ бы отразилась вся провинціальная Россія. Потому-то «Губернскіе очерки» и имѣли такое большое значеніе.

III.

Служба и литература.

Возвращеніе изъ Вятки въ Петербургъ подъ тяжелыми предчувствіями. — „Губернскіе очерки". — Женитьба. — Чиновникъ особыхъ порученій Министер. Внутр. Дѣлъ. — Докладъ Салтыкова о злоупотребленіяхъ по ополченскому дѣлу и записка о полиціи. — Журнальная дѣятельность Салтыкова. — Полемика со Ржевскимъ по крестьянскому вопросу. — Выходъ въ отставку. — Салтыковъ получаетъ отказъ въ просьбѣ издавать журналъ. — Сотрудничество въ „Современникѣ". — Недовольство литературой и перемѣна журнальной дѣятельности на административную. — Отношеніе къ служащимъ. — Воспоминанія рязанскихъ старожиловъ о служебной дѣятельности Салтыкова въ ихъ губерніи. — Салтыковъ окончательно оставляетъ службу и всецѣло отдается литературѣ.

Въ ноябрѣ 1855 г. Салтыкову было позволено выѣхать изъ Вятки, а 12 февр. 1856 г. онъ былъ отчисленъ отъ должности совѣтника вятскаго губ. правленія и причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, почти восьмилѣтняя ссылка кончилась. Обязанъ онъ былъ этимъ, по словамъ Михайлова, новому вятскому губернатору, Ланскому, а всего вѣроятнѣе въ лицѣ его—новымъ вѣяніямъ и перемѣнѣ взглядовъ послѣ крымской кампаніи. Но возвращался онъ въ Петербургъ не съ радостнымъ, а скорѣе съ стѣсненнымъ сердцемъ. Хотя въ дорогѣ ему и снилась погребальная процессія «прошлыхъ временъ», но надежды на будущее смѣшивались съ опасеніями, что въ дѣйствительности получится нѣчто гораздо меньшее ожиданій. Это было уже плодомъ горькаго опыта жизни, плодомъ близкаго знакомства

съ оффиціальнымъ Крутогорскомъ и невольныхъ отсюда обобщеній. Кромѣ того у него образовалась привычка къ далекому краю, къ его зыбучимъ пескамъ, большимъ хвойнымъ лѣсамъ и въ особенности къ населяющему его люду, «простодушному, смирному, слегка унылому, или, лучше сказать, какъ бы задумавшемуся надъ разрѣшеніемъ какой-то непосильной задачи», а затѣмъ были сомнѣнія въ собственныхъ силахъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Салтыковъ всегда преувеличивалъ опасенія. Къ счастью, это не оказывало парализующаго вліянія на его дѣятельность, не переходило въ разочарованіе и безплодное нытье, а являлось въ такой мѣрѣ, чтобы браться за дѣло всѣми силами и дѣлать его со всѣмъ тщаніемъ. О настроеніи его въ это время можно отчасти судить по очерку «Въ дорогѣ»:

«Передо мною растворяются двери новой жизни, — писалъ онъ, — той полной жизни, о которой я мечталъ, къ которой устремлялся всѣми силами души своей... И между тѣмъ внутри меня совершается странное явленіе! Я слышу, я чувствую, что какое то неизъяснимое тайное горе сосетъ мое сердце... Я огорченъ, я подавленъ, я уничтоженъ.. Мнѣ кажется, что меня тяжело оскорбили, что внезапно погибло все, что я любилъ, чѣмъ былъ счастливъ, что я неожиданно очутился одинъ, отторгнутый отъ всего живого... И въ самомъ дѣлѣ, что меня ждетъ впереди? Новая борьба, новыя хлопоты, новыя искательства? А я такъ усталъ ужъ, такъ разбитъ жизнью, какъ разбита почтовая лошадь ежечасною ѣздою по каменистой дорогѣ! И не то, чтобъ я, въ самомъ дѣлѣ, много жилъ, много извѣдалъ, много выстрадалъ... Нѣтъ... между тѣмъ сознаю, что душа моя дѣйствительно огрубѣла, а въ сердцѣ царствуетъ преступная вялость. Ужели же я погибну, не живши? спрашиваю я себя, и вдругъ чувствую нестерпимый приливъ крови въ жилахъ. Мнѣ хочется бѣжать-бѣжать, кричать-кричать... Но вмѣстѣ съ тѣмъ я, какъ выздоравливающій больной, ощущаю, что мнѣ сильный моціонъ еще не по силамъ, что одно желаніе моціона порождаетъ уже разслабленіе и усталость»...

Разумѣется, настроеніе это сейчасъ же прошло, какъ только онъ пріѣхалъ и взялся за дѣло. И дѣла у него сразу явилось по горло, какъ служебнаго, такъ и литературнаго (въ 1856 г. начали печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ» его

«Губернскіе очерки») и частнаго, такъ какъ въ этомъ же году онъ женился и долженъ былъ устраивать свои домашнія дѣла. По службѣ мы видимъ слѣдующее: 12 мая на надворнаго совѣтника Салтыкова возлагается составленіе свода распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, относящихся къ войнѣ 1853—56 г.г.; 20 іюня онъ назначается въ томъ же министерствѣ исправляющимъ должность чиновника особыхъ порученій VI класса, а 5 августа командируется въ губерніи Тверскую и Владимірскую, для обозрѣнія на мѣстѣ письменнаго дѣлопроизводства губернскихъ комитетовъ ополченія. Результатомъ этой командировки явилась обширная записка, черновая рукопись которой сохранилась въ бумагахъ Салтыкова и въ которой онъ яркими чертами обрисовалъ закулисную сторону и многочисленныя злоупотребленія ополченскаго дѣла. Безобразія внутреннихъ губерній едва ли не превосходили вятскихъ. Кромѣ этихъ порученій, на него возлагались и другія, напр.: составленіе предположеній объ улучшеніи устройства земскихъ повинностей; объ устройствѣ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ; объ устройствѣ градскихъ и земскихъ полицій, и т. п. По послѣднимъ двумъ предметамъ также сохранились въ бумагахъ служебныя записки. Обширная записка о полиціи отлично рисуетъ административные взгляды Салтыкова и замѣчательна какъ по знанію и изученію предмета не только у насъ, но и въ европейской практикѣ, такъ и по той прямотѣ, съ какою онъ высказывалъ свои широкіе взгляды.

Къ сожалѣнію, объемъ этой записки не позволяетъ намъ остановиться на ней болѣе подробно, но все таки мы не можемъ не сказать, что Салтыковъ въ ней съ рѣзкостью изображаетъ неудовлетворительное состояніе тогдашней полиціи, разсматриваетъ вопросъ о централизаціи и децентрализаціи и является сторонникомъ послѣдней, защищаетъ самодѣятельность и самостоятельность «земства», а по пути затрогиваетъ и вопросъ о судѣ, говоря о необходимости общаго переустройства губернской и уѣздной администраціи.

Положительная сторона предложеній Салтыкова теперь можетъ, пожалуй, показаться нѣсколько странной (напр. составъ земскаго совѣта, послѣ изданія земскаго положенія), но тогда это было бы большимъ шагомъ впередъ, а многое изъ высказаннаго имъ и до сихъ поръ еще имѣетъ самое современное значеніе, напр.: упущенная изъ виду и потомъ только въ 80-хъ годахъ всплывшая въ земскихъ проектахъ мысль о необходимости объединенія уѣзднаго управленія, пріуроченіе этого управленія къ земской почвѣ, съ подчиненіемъ земству полиціи исполнительной, и вообще взглядъ на отношенія между земствомъ и центральной властью, который высказывается теперь лучшими представителями государственнаго права *).

Нужно замѣтить, что записка эта была писана раньше 1860 года, когда Салтыковъ, бывшій тогда уже вице-губернаторомъ (съ 6 марта 1858 года), участвовалъ въ занятіяхъ учрежденной при министерствѣ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, и тѣмъ больше, конечно, она дѣлаетъ ему чести, какъ человѣку, который, едва вернувшись изъ Вятки, не остановился, ради истины и интересовъ общественныхъ, передъ соображеніями о личныхъ интересахъ и рѣшился съ такою прямотою высказывать свои взгляды. А если мы сличимъ эти взгляды съ тѣми выписками, какія онъ дѣлалъ въ Вяткѣ, то увидимъ и всю послѣдовательность и устойчивость его міросозерцанія и убѣжденій.

Въ 1858 году Салтыковъ былъ назначенъ въ Рязань вице-губернаторомъ. Въ 1860 году его перевели на ту же должность въ Тверь, гдѣ ему нѣсколько разъ пришлось исполнять должность губернатора. Хотя служебныхъ занятій у него было достаточно, но все таки онъ могъ удѣлять нѣкоторое время и литературѣ. Окончивъ въ 1857 г. «Губернскіе очерки»,

*) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ содержаніемъ этой любопытной записки отсылаемъ къ статьѣ К. К. Арсеньева, которою мы пользуемся при изложеніи свѣдѣній о служебной дѣятельности Салтыкова и приложенной къ IX тому его сочиненій (изд. 1890 г.)

вышедшіе вскорѣ отдѣльнымъ изданіемъ, онъ въ томъ же году напечаталъ еще нѣсколько произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя не вошли въ полное собраніе его сочиненій (комедія — «Смерть Пазухина», появившаяся въ «Русск. Вѣстникѣ», и «Женихъ», картина провинціальныхъ нравовъ, въ «Современникѣ»). Въ 1858—59 г.г. Салтыковъ появляется въ «Русск. Вѣстникѣ», въ «Атенеѣ», въ «Современникѣ», въ «Библіотекѣ для чтенія» и въ «Московскомъ Вѣстникѣ». Почти все написанное въ это время вошло потомъ въ «Невинные разсказы». Съ 1860 г. Салтыковъ примыкаетъ къ «Современнику» и дѣлается постояннымъ его сотрудникомъ. Въ другихъ изданіяхъ появляются только нѣсколько сценъ его и разсказовъ во «Времени» 1862 года да нѣсколько публицистическихъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г., когда ихъ издавалъ Коршъ. Первые потомъ были перепечатаны въ «Сатирахъ въ прозѣ», вторыя никуда не вошли и, къ сожалѣнію, совсѣмъ забыты, не смотря на представляемый ими интересъ. Это однѣ изъ наиболѣе горячихъ его статей, за полною его подписью, по поводу крестьянской реформы, когда противъ нея стали подниматься голоса консервативно-дворянской партіи и такихъ господъ, какъ Ржевскій, съ которымъ онъ полемизировалъ. Статьи эти: «Объ истинномъ значеніи недоразумѣній по крестьянскому дѣлу, «Объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ», «Гдѣ истинные интересы дворянства» и нѣсколько другихъ замѣтокъ и возраженій Ржевскому положительно заслуживаютъ того, чтобы войти вмѣстѣ съ другими интересными документами и работами, въ слѣдующее изданіе его сочиненій.

Онъ чувствовалъ и зналъ, что начинается реакція противъ реформы, что, выступая горячимъ защитникомъ ея, онъ не понравится многимъ и что это можетъ повліять на дальнѣйшую его службу, но тѣмъ не менѣе писалъ, такъ какъ трудно было переживать нечестивыя усилія молча.

Литература тянула его къ себѣ все сильнѣе и сильнѣе и

вѣроятно главнымъ образомъ подъ вліяніемъ этой притягательной силы онъ вышелъ въ 1862 году въ первый разъ въ отставку. Сначала онъ хотѣлъ было поселиться въ Москвѣ и основать тамъ двухнедѣльный журналъ; но когда это ему не удалось *), то переѣхалъ въ Петербургъ и вошелъ съ начала 1863 г. въ редакцію «Современника», гдѣ и сталъ дѣятельно работать.

За это время (1863—64 г.г.) онъ пишетъ очень много и въ разныхъ отдѣлахъ: пишетъ разсказы, очерки, московскія письма, отдѣльныя статьи, обозрѣнія общественной жизни, участвуетъ въ «Свисткѣ», разбираетъ и дѣлаетъ отзывы о новыхъ книгахъ; нѣкоторыя статьи подписываетъ прежнимъ псевдонимомъ Н. Щедрина, другія— К. Гурина (московскія письма), третьи—Михаила Змієва-Младенцева (въ «Свисткѣ»), а большинство оставляетъ совсѣмъ безъ подписи. Только незначительная часть изъ написаннаго имъ въ это время вошла въ отдѣльныя изданія и въ полное собраніе его сочиненій («Невинные разсказы», «Признаки времени», «Помпадуры и помпадурши»), остальное до сихъ поръ лежитъ подъ журнальнымъ спудомъ и было бы вѣроятно совсѣмъ забыто, еслибы А. Н. Пыпинъ не сдѣлалъ списка того, что принадлежало его перу **). Если не больше чѣмъ теперь, то во всякомъ случаѣ и тогда литература

*) Въ бумагахъ Салтыкова сохранилась рукопись: «Замѣчанія на проэктъ устава о книгопечатаніи», выработанный въ то время особой коммисіей при министерствѣ нар. просв., подъ предсѣдательствомъ кн. Д. А. Оболенскаго. Разбирая этотъ проэктъ (впослѣдствіи пересмотрѣнный другою коммисіею при министерствѣ внутр. дѣлъ, и тогда уже послужившій основаніемъ закона 1865 г.) Салтыковъ сообщаетъ между прочимъ и объ отказѣ ему въ изданіи журнала. Отказъ мотивировался министромъ народ. просвѣщенія, къ которому тогда поступали прошенія объ изданіяхъ, тѣмъ, что «такъ какъ разсматриваются новыя законоположенія о книгопечатаніи, то и принято за правило до окончанія этого дѣла не разрѣшать новыхъ журналовъ». Между тѣмъ, замѣчаетъ Салтыковъ «съ тѣхъ поръ разрѣшено не мало таки новыхъ журналовъ», не смотря на то, что новыя законоположенія все еще не разсмотрѣны.

**) «Вѣстн. Европы», 1889 г. № 10, 11 и 12.

была переполнена разными терніями, начиная отъ чисто нравственныхъ и кончая матеріальными. Салтыковъ зависѣлъ отъ журнальной работы, «Современникъ» много платить не могъ, приходилось, какъ самъ Салтыковъ однажды выразился, «перебиваться рецензіями», которыхъ больше всего имъ и писалось, а библіографическая работа самая неблагодарная. Не хорошо чувствовалъ себя Салтыковъ въ это время и сталъ подумывать опять о службѣ. Вотъ что говоритъ о немъ въ ту пору г-жа Головачева въ своихъ воспоминаніяхъ («Истор. Вѣстн.» № 11, 1889 г.):

«Сумрачное выраженіе лица еще болѣе усилилось. Я замѣтила, что у него появилось нервное движеніе шеи, точно онъ желалъ высвободить ее отъ туго завязаннаго галстуха (это осталось на всю жизнь). Изъ молчаливаго онъ сдѣлался очень говорливъ... Я была однажды свидѣтельницей страшнаго раздраженія Салтыкова противъ литературы. Не могу припомнить названія его очерка или разсказа, запрещеннаго цензоромъ. Салтыковъ явился въ редакцію въ страшномъ раздраженіи и нещадно сталъ бранить русскую литературу, говоря, что можно поколѣть съ голоду, если писатель разсчитываетъ жить литературнымъ трудомъ. что одни дураки могутъ посвящать себя литературному труду, что чиновничья служба имѣетъ передъ литературой преимущество. Салтыковъ увѣрялъ, что онъ навсегда прощается съ литературой, и набросился на Некрасова, который, усмѣхнувшись, замѣтилъ ему, что не вѣритъ этому».

Разумѣется, Некрасовъ, какъ большой знатокъ человѣческаго сердца и писательской психологіи въ особенности, былъ правъ; но Салтыковъ дѣйствительно оставилъ на нѣкоторое время литературу и опять поступилъ на службу: 6 ноября 1864 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ пензенской казенной палаты. Черезъ два года его перевели на ту же должность въ Тулу, а въ октябрѣ 1867 г. въ Рязань. Къ сожалѣнію, о времени его службы въ министерствѣ финансовъ, а равнымъ образомъ и о времени вице-губернаторства почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній, между тѣмъ этотъ періодъ его дѣятельности особенно интересенъ, такъ какъ онъ былъ уже совсѣмъ въ иной роли, чѣмъ въ Вяткѣ.

Г. Скабичевскій разсказываетъ («Новости», № 116, 1889 г.), что ему приходилось слышать отъ провинціальныхъ чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ, что «начальникъ онъ былъ рѣдкій: какъ они ни робѣли порою отъ его, повидимому, грозныхъ окриковъ, но никто его не боялся, а, напротивъ того, всѣ очень любили его за то, что онъ входилъ въ нужды каждаго мелкаго чиновника и былъ крайне снисходителенъ ко всѣмъ его слабостямъ, которыя не приносили прямого вреда службѣ». Мнѣ тоже приходилось слышать объ его снисходительности и внимательности къ мелкимъ чиновникамъ и ихъ экономическому положенію; такъ, напримѣръ, при распредѣленіи наградныхъ денегъ къ праздникамъ, онъ всегда стоялъ за то, чтобы больше давать тѣмъ, кто получалъ меньше жалованья, и сокращать слишкомъ большія награды имѣвшимъ и безъ того хорошіе оклады. Слышалъ я, между прочимъ, и такой разсказъ: однажды Салтыкову во время служебной поѣздки нужно было во что́ бы то ни стало приготовить къ утренней почтѣ нѣсколько бумагъ, поэтому онъ и бывшій съ нимъ какой-то маленькій чиновникъ сѣли работать на ночь, — Салтыковъ въ одной комнатѣ, а тотъ рядомъ въ другой. Не долго выдержалъ чиновникъ и заснулъ на диванѣ. Услышавъ храпъ, Салтыковъ вышелъ и, видя его усталое лицо, взялъ и подложилъ ему подушку, а самъ сѣлъ на его мѣсто и кончилъ къ разсвѣту и его, и свою работу. Утромъ, когда бѣдный чиновникъ проснулся, то прежде всего испугался, что проспалъ и не кончилъ работы, но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что работа кончена рукою Салтыкова. Страхъ, разумѣется, еще увеличился. А Салтыковъ между тѣмъ еще не спалъ: изъ сосѣдней комнаты слышался скрипъ его пера, — онъ что́-то поправлялъ и доканчивалъ въ своихъ бумагахъ. Но вотъ онъ кончилъ и выходитъ на цыпочкахъ, чиновникъ ни живъ ни мертвъ, а онъ самымъ обыкновеннымъ образомъ говоритъ: «ну, батюшка, должно быть вы вчера очень устали, я ужъ подушку вамъ подложилъ да боялся все

разбудить, но куда тамъ — спите, какъ убитый, ничего не слышите». Тотъ, разумѣется, сталъ извиняться, а этотъ и не думалъ сердиться. Подобное отношеніе къ людямъ было совершенно въ характерѣ Салтыкова. Не мало было подобныхъ же фактовъ и изъ журнальныхъ отношеній, когда онъ обнаруживалъ рѣдкую деликатность и внимательность къ людямъ; входилъ въ такія положенія, въ какія, право, никто не вошелъ бы; когда вы ждали, что вотъ онъ разсердится, а онъ вдругъ начиналъ сочувствовать вамъ, или, начавъ на кого-нибудь сердиться и замѣтивъ ошибку, вдругъ замолкалъ и принимался ухаживать за человѣкомъ, ухаживать по своему, по неумѣлому, иногда даже съ воркотней, но такъ все-таки, что для васъ было очевидно стараніе загладить свой промахъ.

Въ два періода служебной дѣятельности (вицегубернаторомъ и предсѣдателемъ трехъ казенныхъ палатъ), о которыхъ мы говоримъ, у Салтыкова должно было быть особенно много столкновеній. Это время его дѣятельности, повторяемъ, очень интересно, такъ какъ, будучи въ иномъ положеніи, онъ и тамъ вносилъ въ дѣло ту же прямоту, ту же искренность и ничѣмъ не подкупную честность, какими отличался въ литературѣ. Разсказы его изъ этого времени полны тяжелыхъ впечатлѣній и самыхъ мрачныхъ красокъ. Ему приходилось видѣть воочію и переходную эпоху 60-хъ годовъ, со всѣми изворотами и ухищреніями недовольныхъ реформами, и всѣ прелести дореформенныхъ порядковъ: крѣпостное право, откупъ, судебную волокиту и взяточничество, самоуправство, насиліе и грубость, бюрократическое всевластіе, лѣнь и формализмъ, и, само собою разумѣется, что онъ не оставался ко всему этому равнодушенъ. Я какъ сейчасъ помню его разсказы о ревизіи тюремъ и мѣстъ заключенія: «Вы не можете представить, какіе ужасы мнѣ приходилось видѣть; я вѣдь засталъ еще застѣнки и деревянныя колодки, изъ которыхъ заставлялъ при себѣ вынимать людей». Имъ было возбуждено нѣсколько дѣлъ о жестокомъ обращеніи съ

крестьянами. Доклады, отзывы, заключенія и вообще переписка его по такимъ поводамъ, хранящаяся гдѣ-нибудь въ архивахъ, должна представлять большой интересъ. Писалъ онъ бумаги, по всей вѣроятности, не обычнымъ форменнымъ языкомъ, а языкомъ литературнымъ, живымъ и страстнымъ.

Кое-какія свѣдѣнія о пребываніи Салтыкова въ Рязани были сообщены нѣсколькими рязанскими старожилами г-ну Мачтету и попали въ печать *).

Пріѣхалъ Салтыковъ въ Рязань (15 апр. 1858 г.), на должность вице-губернатора, самымъ скромнымъ образомъ, въ простомъ дорожномъ тарантасѣ, какъ самый простой обыватель, чѣмъ несказанно удивилъ ожидавшее его мѣстное общество, которое уже знало его, какъ автора «Губернскихъ очерковъ». Зажилъ онъ также просто и скромно: у себя принималъ и изрѣдка самъ бывалъ въ гостяхъ, со всѣми просто обращался, кое когда игралъ въ карты, но большую часть времени посвящалъ служебнымъ дѣламъ. Работы было много. Въ качествѣ вице-губернатора онъ былъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, гдѣ дореформенные порядки были особенно не казисты. «Безграмотность была до того велика, напр., что одного бывшаго семинариста, горчайшаго пьяницу, держали, не смотря ни на что, въ канцеляріи только за то, что онъ въ трезвомъ видѣ умѣлъ кое-какъ справляться съ буквою *ѣ* и знаками препинанія.» Имъ дорожили и «берегли его для особо важныхъ бумагъ». Служащіе получали крохотное содержаніе; взятки были не только обычаемъ, но и правомъ и назывались «доходомъ». Прямо такъ и говорилось: жалованья столько то, а дохода столько то. Напр. стряпчему жалованья полагалось всего 480 р. въ годъ, а доходъ его опредѣлялся въ 2000 р. Обыватели также смотрѣли на это какъ на нѣчто установленное, какъ на «кормленіе», и безропотно дѣлали приношенія. «Взяткой» тогда называлось только грубое вымогательство. Поэтому

*) «Газета Гатцука», 1890 г., № 16.

назначеніе Салтыкова было многимъ непріятно; но большинство все-таки надѣялось, что все останется по старому, что сначала онъ можетъ быть и поусердствуетъ, а потомъ усядется, такъ что можно будетъ его проводить и дѣлать что́ угодно. Но Салтыковъ, при первомъ же пріемѣ служащихъ, сказалъ имъ: «брать взятокъ, господа, я не позволю и съ болѣе обезпеченныхъ жалованьемъ буду взыскивать строже. Кто хочетъ со мною служить—пусть оставитъ эту манеру и служитъ честно. Къ тому же, господа, я долженъ сказать вамъ правду: я обстрѣленный уже въ канцелярской кабалистикѣ гусь и провести меня трудно».

Одинъ изъ старожиловъ говоритъ въ присланныхъ воспоминаніяхъ: «въ короткое время бо́льшая часть состава служащихъ губ. правленія обновилась, вошли новые элементы, желавшіе служить честно». Затѣмъ Салтыковъ добился наконецъ, что чиновники научились хоть мало-мальски грамотно писать и излагать свои мысли. Стоило это ему не малыхъ усилій и времени: ему приходилось просматривать лично каждую бумагу, самому корректировать орѳографическія ошибки, вводить смыслъ въ безграмотную тарабарщину и снова возвращать бумагу въ столъ для приведенія въ должный видъ. Помимо этой кропотливой и скучной работы въ канцеляріи, Салтыковъ нерѣдко увозилъ съ собою «цѣлые вороха такихъ бумагъ» и просиживалъ за ихъ исправленіемъ дома иногда цѣлыя ночи. Отношеніе Салтыкова къ служащимъ было самое простое, безъ всякаго подраздѣленія ихъ на ранги. Съ перваго взгляда, по обыкновенію, онъ казался сердитымъ и грубоватымъ, но «всѣ скоро свыкались съ этимъ и понимали, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ добрымъ, участливымъ, въ глубинѣ души крайне деликатнымъ, безусловно простымъ и честнымъ». Выведенный изъ себя, онъ иногда выкрикивалъ что нибудь рѣзкое, но всѣ видѣли, что собственно гнѣва тутъ гораздо меньше, чѣмъ горя.

Вотъ два случая, характеризующіе его отношенія, о которыхъ тогда долго́ и много говорилось въ Рязани.

Разъ одинъ столоначальникъ, человѣкъ не молодой,

безусловно честный, но въ то же время и безусловно безграмотный, поднесъ Салтыкову къ подписи бумагу по довольно важному дѣлу. Прежде составлявшіяся имъ бумаги Салтыковъ частенько рвалъ и затѣмъ, ворча и ругаясь, самъ писалъ ихъ. Бѣдняга былъ уже не разъ въ такомъ положеніи и, будучи человѣкомъ «амбиціоннымъ», вошелъ въ кабинетъ довольно взволнованнымъ. Салтыковъ прочелъ бумагу разъ, другой, поднялъ въ изумленіи плечи и воскликнулъ:

— Что это такое вы тутъ намудрили?

— Докладъ-съ, ваше п—ство!—отвѣчалъ тотъ, волнуясь еще болѣе.

— Докладъ!! Ахинея-съ, а не докладъ. Тутъ ни одинъ дьяволъ не разберетъ вашего доклада... Вы-то понимаете сами, что написали?

— Я понимаю-съ, ваше п—ство! сконфуженно сказалъ столоначальникъ.

Салтыковъ вспыхнулъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ, батюшка, извините,—одинъ изъ насъ несомнѣнный дуракъ.

Чиновникъ обидѣлся и сказалъ что-то о своемъ самолюбіи. Салтыковъ тоже сконфузился, взялъ его за руку, усадилъ, прочиталъ бумагу и спросилъ—можно ли понять. Чиновникъ согласился, что нельзя, простилъ обиду и сознался, что бумаги для него всегда были «дѣломъ темнымъ», такъ какъ онъ служилъ все по счетоводству, болѣе 25 лѣтъ служилъ, и столоначальникомъ сталъ за старшинство. Узнавъ это, Салтыковъ обѣщалъ и вскорѣ досталъ ему болѣе подходящее мѣсто; а чиновникъ всю жизнь потомъ разсказывалъ про этотъ случай и въ Михайловъ день всегда служилъ молебенъ за Салтыкова.

Другой случай былъ съ экзекуторомъ губ. правленія, когда Салтыковъ замѣнялъ уѣхавшаго въ отпускъ губернатора. Въ страшную, снѣжную бурю старикъ-экзекуторъ, по установленному обычаю, явился къ нему съ рапортомъ, что въ губернскомъ правленіи «все обстоитъ

благополучно», а тотъ, увидѣвъ, что старикъ опушенъ снѣжинками и, весь синій, дрожитъ отъ холода, принялся его отогрѣвать чаемъ съ ромомъ, совершенно забывъ о рапортѣ, и въ концѣ концовъ сказалъ ему, чтобы тотъ въ другой разъ не рапортовалъ въ такую погоду, такъ какъ онъ и самъ знаетъ, что «ни мятежа, ни глада, ни мора въ губ. правленіи быть не можетъ».

— Душа человѣкъ, что и говорить! разсказывалъ потомъ экзекуторъ, но, какъ строгій формалистъ, втихомолку ворчалъ и добавлялъ: а все таки не по формѣ это!.. Какъ это безъ рапортовъ! хоть и благополучно, а все таки слѣдуетъ.

Относясь къ сослуживцамъ просто, душевно, съ охотой исполняя ихъ законныя желанія, Салтыковъ однако былъ очень требователенъ въ работѣ. Онъ и себя не щадилъ и не баловалъ, самъ просиживалъ за работою цѣлыя ночи,—и отъ сослуживцевъ своихъ требовалъ большого труда. По важнымъ дѣламъ, въ особенности по дѣламъ о притѣсненіяхъ крестьянъ, по дѣламъ раскольничьимъ,—онъ всегда самъ составлялъ резолюціи и писалъ постановленія, не говоря уже о томъ, что самъ перечитывалъ и пересматривалъ каждую бумажку, каждое донесеніе. Эти резолюціи и постановленія представляютъ собою несомнѣнно очень цѣнный матеріалъ. Всегда и вездѣ Салтыковъ являлся горячимъ защитникомъ прятѣсняемыхъ, и не только защитникомъ, а прямымъ ходатаемъ. Послѣднее давало поводъ ко всякаго рода непріятнымъ столкновеніямъ, породило недружелюбное отношеніе къ нему со стороны многихъ, довольно сильныхъ лицъ въ губерніи, служило предметомъ толковъ и пищей для клеветъ и инсинуацій, и въ концѣ-концовъ повлекло за собою даже переводъ Салтыкова въ Тверь, — но онъ не сдавался, а твердо и неуклонно шелъ своею дорогой.

— «Я не дамъ въ обиду мужика! Будетъ съ него, господа... Очень, слишкомъ даже будетъ» — сказанное Салтыковымъ по поводу одного дѣла, гдѣ несчастныхъ крестьянъ желали выставить чуть-ли не бунтовщиками,—

передавалось во враждебныхъ ему кружкахъ изъ устъ въ уста, какъ нѣчто крайне вредное, опасное, угрожающее. Въ такомъ же видѣ оно достигло и до столицы, гдѣ однако на эти слова взглянули, кажется, иначе.

Въ губерніи же онѣ послужили одному зоилу изъ «бѣлыхъ» поводомъ для передѣлки по отношенію къ Салтыкову слова *вице-губернаторъ* въ *вице-Робеспьера.*

Работы въ губернскомъ правленіи было по горло. Предшественниками Салтыкова дѣла были очень запущены, нѣкоторыя лежали безъ движенія цѣлые годы, другія тянулись десятки лѣтъ.

«Искореняя взяточничество,—пишетъ одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ Салтыкова — и внушая своимъ подчиненнымъ строгое отношеніе къ дѣлу, М. Е. невольно впалъ въ крайность, свойственную впрочемъ всякому усиленно работающему и относящемуся добросовѣстно къ работѣ человѣку. Запущенныя дѣла, доставшіяся ему отъ предшественниковъ, и желаніе хоть нѣсколько привести въ порядокъ канцелярію побудили его потребовать отъ своихъ подчиненныхъ и вечернихъ занятій. Онъ распорядился, чтобы служащіе, работавшіе и безъ того много, отъ 8 до 9 ч., приходили еще и по вечерамъ съ 8 часовъ». Въ правленіи поднялся горячій ропотъ на такое распоряженіе, и главнымъ образомъ роптала бѣднота, всѣ маленькіе чиновники, жившіе за городомъ. Мелкій чиновникъ того времени, при незначительности получавшагося имъ жалованія, принужденъ былъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ селиться въ немощенной окраинѣ города, среди страшнѣйшей грязи въ такъ называемой «Солдатской слободѣ», представлявшей собою колонію бѣднаго чиновничьяго міра. «Черезъ невылазныя грязи бѣдному чиновничьему классу приходилось ходить подъ дождемъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ. Со снятыми ради экономіи сапогами, повѣшенными на плечи, съ подсученными по колѣни брюками, бѣднякъ-чиновникъ принужденъ былъ переправляться черезъ лужи, чтобы не портить обуви и платья, и тогда только рѣшался надѣть

сапоги, когда, обмывъ ноги въ послѣдней лужѣ, выбирался наконецъ въ мощеную часть города».

Ропотъ бѣдняковъ, отъ которыхъ вдругъ потребовали двойной работы, не увеличивая за нее платы, былъ вполнѣ понятенъ; и за нихъ вступился мѣстный корреспондентъ, выступившій съ негодующей статьею въ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ одномъ изъ іюльскихъ номеровъ. Корреспонденція подписана была псевдонимомъ Сбоева и, горячо ратуя за бѣдноту, на голову которой вѣчно валятся шишки, осуждала произвольное распоряженіе Салтыкова относительно вечерней работы и совѣтовала ему прежде, чѣмъ требовать отъ людей крайняго напряженія силъ, присмотрѣться къ ихъ быту, посмотрѣть, какъ и гдѣ они живутъ.

Салтыковъ, какъ только прочиталъ это, такъ сейчасъ же отмѣнилъ свое распоряженіе и, ни мало не конфузясь, поѣхалъ въ Солдатскую слободу посмотрѣть, какъ дѣйствительно живутъ его подчиненные. Но этимъ дѣло не ограничилось. Онъ позвалъ къ себѣ одного изъ чиновниковъ, нѣкоего Иванова, и спросилъ его: не знаетъ ли онъ, кто этотъ Сбоевъ?

— Не знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ.

— Да вы не думайте, что я со зла спрашиваю. Хоть онъ меня и отдѣлалъ,—я не сержусь, а очень ему благодаренъ, напротивъ. Я не злопамятенъ, какъ другіе,— говорилъ ему Салтыковъ, думая, что тотъ нарочно скрываетъ. Но Ивановъ увѣрилъ его, что дѣйствительно не знаетъ Сбоева.

— Жаль, искренно жаль!—повторялъ Салтыковъ. Я очень благодаренъ этому Сбоеву... Честный, видно, человѣкъ, — и я хотѣлъ бы съ нимъ познакомиться... Онъ написалъ правду, — свое распоряженіе я сдѣлалъ не подумавши...

Салтыковъ однако не успокоился, а поѣхалъ въ Москву и узналъ тамъ въ редакціи адресъ корреспондента. Оказалось, что Сбоевымъ подписался Смирновъ, инспекторъ Александровскаго дворянскаго заведенія. Воз-

вратившись изъ Москвы, Салтыковъ немедленно же поѣхалъ къ нему съ визитомъ. «Внезапное посѣщеніе вице-губернаторомъ,—пишетъ одинъ изъ стариковъ, хорошо знавшій обоихъ,—квартиры Смирнова смутило хозяина, тѣмъ болѣе, что онъ нечаянно встрѣтилъ гостя въ халатѣ.

— Пожалуйста не стѣсняйтесь! Я радъ съ вами познакомиться, какъ съ человѣкомъ, который оказалъ мнѣ услугу!—быстро заговорилъ Салтыковъ, замѣтивъ смущеніе Смирнова и крѣпко сжимая его руку. — Вы напечатали въ «Моск. Вѣд.» статью подъ псевдонимомъ Сбоева... Я читалъ ее... Нарочно ѣздилъ въ Москву, чтобы узнать имя автора, и теперь пріѣхалъ къ вамъ, чтобы поблагодарить васъ... Вы поступили честно и написали правду... Надѣюсь, что на этомъ наше знакомство не кончится...

Вскорѣ послѣ этого Смирновъ, съ которымъ Салтыковъ искренно подружился, принялъ на себя по его просьбѣ завѣдываніе неоффиціальною частью «Губернскихъ Вѣдомостей». Такимъ образомъ завязавшіяся хорошія отношенія продолжались до самой смерти Салтыкова. Когда его перевели въ Тверь, то онъ писалъ оттуда Смирнову, характеризуя тогдашнее тверское общество; переписывался съ нимъ также и изъ Петербурга, когда редактировалъ «Отеч. Записки».

Не менѣе любопытны также свѣдѣнія, сообщаемыя рязанскими старожилами о положеніи Салтыкова въ обществѣ въ то интересное время. Время тогда было дѣйствительно интересное: Россія была чуть не наканунѣ освобожденія крестьянъ. Общественное оживленіе и подъемъ духа не миновали конечно и Рязани: и тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, лучшіе элементы говорили о намѣченныхъ уже реформахъ, сплочивались и готовились послужить имъ. Одинъ изъ старожиловъ пишетъ:

«Однообразіе провинціальной жизни, со всегдашними ея спутниками: скукою, картами и сплетнями, къ концу 50-хъ годовъ нѣсколько оживилось у насъ. Слухи о предстоящихъ реформахъ стали волновать умы въ Рязани». «Въ клубѣ и во многихъ частныхъ домахъ, — продолжаетъ г. Ма-

чтетъ, цитируя полученныя имъ письма,—гдѣ преферансъ является до сихъ поръ исключительнымъ времяпровожденіемъ, карты все болѣе и болѣе забывались. Люди стали думать, читать, интересоваться судьбою своей родины, а вмѣсто обычныхъ „пасъ“ или „безъ козырей“ стали слышаться умныя рѣчи и страстные споры. Все живое, молодое и честное рвалось на встрѣчу подготовлявшейся реформѣ и, полное вѣры въ будущее, въ жизнь, въ себя, считало прошлое похороненнымъ, исчезнувшимъ безъ слѣда, безъ возможности воскрешенія. Городской садъ весною и лѣтомъ наполнялся теперь не только дамами и кавалерами, но и почтенными, степенными отцами семействъ, до сихъ поръ вѣчно сидѣвшими за зелеными столиками. Этотъ садъ превратился въ клубъ, куда сходились люди для обмѣна мыслями, для толковъ и споровъ. „На террасѣ, за столомъ, — пишутъ намъ,— каждый вечеръ можно было видѣть Салтыкова, окруженнаго лучшими, интеллигентными людьми Рязани того времени: Офросимовымъ, кн. Волконскимъ (котораго Салтыковъ въ шутку называлъ „Жюль-Фавромъ съ затылка“) и др. передовыми впослѣдствіи дѣятелями земской реформы“. Въ этомъ кружкѣ каждый вечеръ шли толки и обсужденія основаній готовившейся реформы и онъ невольно приковывалъ къ себѣ общее вниманіе. Молодежь обыкновенно незамѣтно и тихо располагалась на ближайшихъ скамейкахъ или пряталась въ кусты и за стволы деревьевъ, „чтобы послушать, что говоритъ *онъ*, нашъ незабвенный М. Е.“, какъ онъ смотритъ, чего ждетъ.—„Выберетъ себѣ мѣстечко поближе, — говорилъ намъ одинъ изъ старожиловъ — обопрется о дерево и стоитъ человѣкъ цѣлые часы, не шелохнется, чтобы не пропустить ни словечка, точно соловья слушаетъ... И сердце у него бьется, и глаза горятъ, и весь онъ живетъ.. Глядишь и себѣ не вѣришь,— тотъ-ли это самый Иванъ Ивановичъ, что до сихъ поръ только за поповнами ухаживалъ да банты голубые на шею нацѣплялъ?... Всѣ тогда какъ-то мѣняться стали!».

Но Салтыкову не долго пришлось оставаться въ Рязани и группировать около себя лучшіе элементы общества. Уже въ апрѣлѣ 1860 г. его вызвали въ Петербургъ для личныхъ объясненій по поводу возникшихъ у него столкновеній съ губернаторомъ, покойнымъ М., и затѣмъ перевели его въ Тверь. Столкновенія Салтыкова съ губернаторомъ начались давно и тянулись долго, пока не дошли до открытой ссоры, поводомъ къ которой послужило одно крестьянское дѣло. Губернаторъ былъ человѣкъ суровый, нетерпимый, съ крутымъ и тяжелымъ характеромъ. Его

ссору съ Салтыковымъ описываетъ одинъ изъ бывшихъ рязанскихъ чиновниковъ слѣдующимъ образомъ:

«Столкновеніе Михаила Евграфовича съ губернаторомъ произошло вслѣдствіе того, что послѣдній непремѣнно хотѣлъ провести одно дѣло въ губернскомъ правленіи, а Михаилъ Евграфовичъ на-отрѣзъ отказался подписать формальное постановленіе, которое безусловно противорѣчило его внутреннему убѣжденію и совѣсти». Губернаторъ все таки приказалъ написать постановленіе и прислать ему, что̀ и было исполнено. «Не видя подписи вице-губернатора, губернаторъ снова направилъ журналъ къ Салтыкову для подписи, но Салтыковъ остался непоколебимъ и возвратилъ его не подписаннымъ». Тогда губернаторъ вызвалъ Салтыкова къ себѣ и между ними произошелъ нижеслѣдующій разговоръ. Губернаторъ былъ очень сердитъ и въ возбужденіи прохаживался скорыми шагами, когда вошелъ къ нему Михаилъ Евграфовичъ, на видъ совершенно спокойный.

— Такъ вы не хотите подписать журналъ? — крикнулъ ему губернаторъ, какъ только его увидѣлъ.

— Повторяю, ваше пр-ство, не намѣренъ! — спокойнымъ, недопускавшимъ сомнѣній тономъ отвѣчалъ Салтыковъ.

Послѣ этого и тотъ, и другой сказали другъ другу нѣсколько колкостей, о чемъ ходило по городу много различныхъ варіантовъ.

Вызванный для личныхъ объясненій въ Петербургъ, Салтыковъ былъ переведенъ на ту же должность въ Тверь Въ октябрѣ 1867 г. Салтыковъ опять появился въ Рязани уже въ должности предсѣдателя казенной палаты. Его перевели съ той же должности изъ Тулы. Это вторичное его пребываніе тамъ было кратковременнѣе перваго, такъ какъ въ 1868 году онъ уже совсѣмъ вышелъ въ отставку и отдался литературѣ, но, не смотря на это, все таки успѣлъ пріобрѣсти ту же любовь и уваженіе своихъ новыхъ сослуживцевъ и точно также, какъ и раньше, «являлся защитникомъ всѣхъ честныхъ людей, ходатаемъ за

*

всѣхъ обездоленныхъ, нуждавшихся въ помощи и въ участіи». Не смотря на свое общественное положеніе и литературную извѣстность, которая возросла настолько, что превратилась уже въ настоящую славу, «онъ оставался все тѣмъ же простымъ, доступнымъ всѣмъ, душевнымъ человѣкомъ, какимъ и былъ. Его правдивость, его простота, его участливое отношеніе къ *низшимъ* ставились въ образецъ и сами собою, помимо литературной славы, окружали его ореоломъ». Много случаевъ, рисующихъ съ этой стороны Салтыкова, разсказывалось и до сихъ поръ еще живетъ въ памяти стариковъ. Вотъ что, напр., разсказываютъ о разборѣ имъ ссоры между казначеемъ и бухгалтеромъ въ г. Спасскѣ. Казначей былъ старикъ изъ «высиженныхъ», т. е. получившій мѣсто не за заслуги, а за долголѣтіе, и дѣло свое плохо зналъ, но показать этого не желалъ и былъ упрямъ и заносчивъ; а бухгалтеръ былъ изъ молодыхъ и изъ новыхъ, книжки читалъ, въ газетахъ пописывалъ и дѣло свое зналъ отлично. Сцѣпились они сразу же: казначей дѣлаетъ какое нибудь незаконное распоряженіе, а тотъ не исполняетъ и суетъ, въ свое оправданіе, статью закона или циркуляръ; казначей настаиваетъ, а тотъ требуетъ письменнаго приказанія на бумагѣ и только такія предписанія и исполняетъ, по обязанности подчиненнаго. Казначей началъ писать Салтыкову доносъ за доносомъ, обвиняя своего противника «чуть ли не во всѣхъ преступленіяхъ и въ полномъ незнаніи дѣла». Салтыковъ не вытерпѣлъ и поѣхалъ на мѣсто дѣйствія. Пріѣхалъ онъ въ Спасскъ въ простой почтовой кибиткѣ, чѣмъ несказанно смутилъ выѣхавшаго ему на встрѣчу исправника и удивилъ все спасское общество; а по пріѣздѣ немедленно же запечаталъ кладовую и принялся, не говоря никому ни слова, за ревизію дѣлъ. Разсмотрѣвъ книги и дѣла, онъ, въ изумленіи, позвалъ бухгалтера и сталъ ему указывать на цѣлый рядъ неправильностей и ошибокъ.

— Что это?—сурово сказалъ онъ ему—рекомендовали мнѣ васъ хорошо, человѣкъ вы грамотный, книжки чи-

таете, въ газетахъ пишете и столько глупостей надѣлали!...

— По предписанію, ваше пр-ство! отвѣтилъ спокойно бухгалтеръ.

— По какому предписанію?

Бухгалтеръ досталъ всѣ письменныя предписанія казначея. Дѣло такимъ образомъ выяснилось сразу. Салтыковъ позвалъ казначея и тутъ же объявилъ ему, что не можетъ допустить его къ дальнѣйшему отправленію должности.

— Доносы, доносы и доносы, — сказалъ онъ ему, — все я, я да я!.. А вотъ и выходитъ, гдѣ вы — тамъ и вранье... И доносить-то нужно умѣючи, а то вѣдь иной доносъ на русскомъ языкѣ и клеветой называется...

Однако казначея онъ все таки не оставилъ безъ мѣста и только перевелъ его куда-то бухгалтеромъ, а бухгалтера назначилъ казначеемъ, причемъ, говорятъ, сказалъ ему, чтобы онъ не особенно то увлекался служебными перспективами и ради нихъ не забывалъ книжекъ.

Разсказывали также люди «вполнѣ достовѣрные» такую еще черту Салтыковскаго прямодушія: «переводъ его изъ Тулы въ Рязань былъ крайне непріятенъ бывшему тогда губернаторомъ Б., который хлопоталъ объ этой должности для своего родственника М., и потому Салтыкову пришлось стать съ нимъ сразу въ натянутыя отношенія. Этимъ натянутымъ отношеніемъ поспособствовалъ и первый визитъ Салтыкова къ губернатору, рѣзко обрисовавшій его правдивый, искренній характеръ и нелюбовь къ дѣланнымъ любезностямъ. Дежурный чиновникъ, бывшій въ тотъ день у губернатора, разсказывалъ, что Салтыковъ вошелъ къ нему со словами: «ну, вотъ и я, ваше пр-ство». Губернаторъ разсыпался въ любезностяхъ, сталъ увѣрять, что очень радъ его видѣть, познакомиться съ нимъ и служить въ одной губерніи.

— Спасибо, спасибо, ваше пр-ство, — тѣмъ же хмурымъ тономъ перебилъ его Салтыковъ, причемъ губы его слегка улыбнулись, — очень благодаренъ и тронутъ!... А вотъ министръ просилъ меня передать вамъ, что хода-

тайство вашего пр-ства о назначенiи на мою должность г. М. уважено имъ, къ сожалѣнiю, быть не можетъ.

Губернаторъ вспыхнулъ и совсѣмъ растерялся.

Послѣ второй отставки, въ iюнѣ 1868 года, Салтыковъ на службу уже не возвращался и сталъ всецѣло принадлежать литературѣ. Съ января этого года начали выходить подъ новою редакцiею «От. Записки», куда онъ уже посылалъ статьи, а теперь сдѣлался фактически однимъ изъ редакторовъ ихъ, вмѣстѣ съ Некрасовымъ и Елисеевымъ. За время службы его въ министерствѣ финансовъ, въ продолженiи трехъ лѣтъ (1865—7), имъ была напечатана, кажется, только одна статья: «Завѣщанiе моимъ дѣтямъ» (Современникъ», № 1, 1866 г.), вошедшая потомъ въ сборникъ «Признаки времени», такъ что можно было думать, что онъ и въ самомъ дѣлѣ рѣшилъ разстаться съ литературой, но, къ счастью, этого не произошло, а сбылось предсказанiе Некрасова.

IV.

Салтыковъ—редакторъ «Отеч. Записокъ».

Совмѣстная дѣятельность Салтыкова съ Некрасовымъ и Елисѣевымъ.—Переходъ „Отеч. Записокъ" въ руки Салтыкова послѣ смерти Некрасова.—Замѣчательное трудолюбіе. — Артистическія передѣлки рукописей и необыкновенный художественный тактъ новаго редактора.—Предоставленіе широкой свободы талантамъ и постояннымъ сотрудникамъ.—Внимательность къ мнѣніямъ и замѣчаніямъ близкихъ лицъ о его статьяхъ.—Строгое разграниченіе домашнихъ и литературныхъ знакомствъ. — „Semper manent in secula seculorum!"

Хотя Салтыковъ создалъ себѣ почетное имя въ литературѣ еще со времени «Губернскихъ очерковъ», хотя онъ былъ извѣстенъ также и какъ одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Современника», но все главное, что сдѣлало его Щедринымъ—Салтыковымъ, какимъ войдетъ онъ въ исторію русской литературы, къ ея вящшей славѣ, относится ко второму періоду его литературной дѣятельности. Въ эти годы имъ были написаны: окончаніе «Помпадуровъ и помпадуршъ», окончаніе «Признаковъ времени», затѣмъ «Письма изъ провинціи», «Исторія одного города», «Господа ташкентцы», «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ», «Благонамѣренныя рѣчи», «Господа Головлевы», «Недоконченныя бесѣды», «Въ средѣ умѣренности и аккуратности», «Культурные люди», «Итоги», «Современная идилія», «Убѣжище Монрепо», «Круглый годъ», «За рубежомъ», «Сказки», «Письма къ тетенькѣ», «Пошехонскіе разсказы», «Пестрыя письма», «Мелочи жизни», «Пошехонская старина» и нѣсколько очерковъ и статей

вошедшихъ въ «Сборникъ» (т. VI) и совсѣмъ не вошедшихъ въ отдѣльныя изданія. Появилось все это главнымъ образомъ на страницахъ «Отеч. Записокъ». Послѣ смерти Некрасова (въ 1877 году) онъ былъ утвержденъ отвѣтственнымъ редакторомъ журнала и стоялъ во главѣ его до самаго его запрещенія (въ апрѣлѣ 1884 г.), а затѣмъ долженъ былъ появляться въ чужихъ изданіяхъ: въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Недѣлѣ» и главнымъ образомъ въ «Вѣстникѣ Европы». Произведенія свои, писавшіяся въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ, но связанныя между собою общею идеею, а иногда и однѣми и тѣми же дѣйствующими лицами, онъ издавалъ въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, подъ общимъ заглавіемъ. Большинство ихъ выдержало по нѣскольку изданій, а предпринятое имъ незадолго передъ смертью полное собраніе сочиненій, въ девяти большихъ томахъ, разошлось въ числѣ 6,500 экземпляровъ гораздо прежде, нежели завершился годъ послѣ его кончины.

Мы пишемъ біографическій очеркъ, а потому критическая оцѣнка произведеній Салтыкова не входитъ въ нашу задачу, да это и потребовало-бы отъ насъ гораздо больше мѣста, чѣмъ мы располагаемъ, а потому посмотримъ лучше, какъ онъ работалъ, какъ относился къ литературѣ и въ частности къ журналу, съ которымъ такъ тѣсно былъ связанъ.

Въ арендованныхъ у Краевскаго «Отеч. Запискахъ» сначала главная роль принадлежала Некрасову: онъ вѣдался, какъ съ самимъ Краевскимъ, такъ и съ типографіей, съ цензурой, съ конторой и вообще со всею внѣшнею стороною изданія, читая въ то же время нѣкоторыя рукописи и, въ качествѣ отвѣтственнаго редактора, корректуры всего журнала. Внутреннее свое значеніе онъ дѣлилъ и съ виду даже какъ-то подчинялъ Салтыкову и Елисееву, которые также читали редакторскую корректуру всего журнала и завѣдывали: первый, вмѣстѣ съ Некрасовымъ, беллетристикой, а второй—такъ называемыми серьезными статьями и вторымъ отдѣломъ,

за исключеніемъ переводныхъ романовъ. Краевскій въ литературную сторону совсѣмъ не вмѣшивался и никогда въ редакцію не ходилъ, такъ что многіе изъ сотрудниковъ и въ глаза никогда его не видали. Послѣ смерти Некрасова, отвѣтственнымъ редакторомъ сдѣлался Салтыковъ. Сначала онъ, по обыкновенію, опасался новой роли и принялъ ее неохотно, послѣ неоднократныхъ убѣжденій Елисеева. Ему казалось, что и не утвердятъ его, что и нареканій будетъ много на журналъ и что—главное—подписка упадетъ. Когда-же число подписчиковъ превысило 10 т., чего при Некрасовѣ не было, то я живо помню, какъ онъ былъ этимъ удивленъ и насколько этотъ успѣхъ былъ для него дѣйствительно неожиданностью.

Сколько самыхъ неусыпныхъ трудовъ, тревогъ и заботъ доставляли ему «Отеч. Записки»,—объ этомъ хорошо знаютъ всѣ сотрудники. Онъ читалъ рукописи по беллетристикѣ, правилъ ихъ и готовилъ къ печати, просматривалъ корректуры всѣхъ отдѣловъ журнала, велъ переписку съ нѣкоторыми изъ иногородныхъ сотрудниковъ, самъ писалъ статьи (иногда по двѣ въ мѣсяцъ, т. е. статью и маленькій фельетонъ), имѣлъ объясненія съ цензурой, и т. д., словомъ, онъ весь былъ въ журналѣ, всего себя въ него вкладывалъ и жилъ въ немъ душою. Работалъ онъ очень много, такъ много, какъ можетъ работать только очень привычный и сильный работникъ. Трудно даже понять, какъ это согласовалось и уживалось со слабостью его физическихъ силъ и давно уже начавшимися разными болѣзнями и недомоганіями; а объяснить себѣ это можно развѣ только однимъ: необыкновенною его любовью къ литературѣ и тою тѣсною связью, какая существовала между нею и личною его жизнью. Весь досугъ, всѣ передышки между приступами болѣзни и ночныя безсоницы, всѣ печали и радости, мечты и помыслы—все отдавалось литературѣ. Жить для него значило писать или что нибудь дѣлать для литературы. Какъ Некрасовъ говоритъ старику - разсыльному, у котораго болятъ ноги отъ ходьбы:

«жить тебѣ, пока ты на ходу», такъ можно было бы сказать тоже самое и Салтыкову относительно литературы. Литература была для него тѣмъ-же, чѣмъ земля для извѣстнаго миѳа, получавшаго силу отъ земли, или сказочная, чудесная вода для изрубленныхъ въ куски богатырей, которые, будучи ею окроплены, опять оживали, становились еще болѣе сильными и отправлялись на новые подвиги.

Сказать, что онъ просто читалъ и приготовлялъ къ печати рукописи, значитъ, мало еще сказать, потому что надо знать, какъ это дѣлалось: въ противоположность Некрасову и Елисееву, онъ сильно маралъ и исправлялъ рукописи, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ поступали въ типографію всѣ перемаранными, а иныя страницы и совсѣмъ вновь бывали переписаны на поляхъ его рукою. Что это была за египетская работа не всякій знаетъ и не можетъ представить себѣ, не зная близко журнальнаго дѣла. Кромѣ главной стороны:—чтобы не испортить вещи и не столкнуться съ авторскимъ самолюбіемъ,—тутъ много еще чисто техническихъ затрудненій: при соединеніи оставшихся частей, при измѣненіи оставшагося текста, согласно выпущеннымъ или измѣненнымъ мѣстамъ (чтобы не вышло несообразностей и противорѣчій), при соблюденіи архитектуры цѣлаго и отдѣльныхъ главъ, при вписываніи вставокъ, и т. д. и т. д. Н. К. Михайловскій разсказываетъ, напр., о такой операціи, произведенной Салтыковымъ надъ повѣстью Котелянскаго «Чиншевики»: онъ вытравилъ цѣликомъ на всемъ протяженіи повѣсти одно изъ дѣйствующихъ лицъ, со всѣми его довольно сложными отношеніями къ другимъ, оставшимся, дѣйствующимъ лицамъ. И Котелянскій потомъ былъ благодаренъ Салтыкову за эту операцію, такъ какъ она скрасила повѣсть, и только удивлялся, какъ онъ ухитрился это сдѣлать, какъ хватило у него на это терпѣнья и внимательности.

Но тутъ, кромѣ труда и внимательности, требовалось еще много чисто художественнаго такта, умѣнья и тщательности въ работѣ. Насколько успѣшно все это достигалось

Салтыковымъ, лучше всего, мнѣ кажется, можно видѣть изъ того, что большинство авторовъ, болѣе или менѣе постоянно появлявшихся въ «Отеч. Запискахъ», подобно Котелянскому, оставались довольны исправленіями и не только не вступали съ нимъ въ какія бы то ни было пререканія, но именно понимали, что произведенія ихъ выигрывали отъ его опытной руки. Случались конечно иногда и обиды, когда авторами были слишкомъ самомнительные люди, требовавшіе, чтобы ни одного слова у нихъ не было выпущено и измѣнено, или когда Салтыковъ, увлеченный работой и художественной правдой, дѣлалъ въ произведеніяхъ слишкомъ крутые перевороты. Объ одной изъ такихъ обидъ вспоминаетъ, напр., г. Скабичевскій: одна сантиментальная романистка непремѣнно желала окончить романъ свой смертью героини отъ чахотки, а Салтыковъ нашелъ, что той будетъ гораздо лучше выйти замужъ за героя и потому взялъ и повѣнчалъ ихъ. Но такихъ случаевъ было очень мало; едва ли даже это не единственный случай. За то гораздо чаще приходилось слышать вотъ что, о чемъ также припоминаетъ г. Скабичевскій: что люди, не знавшіе о тѣхъ операціяхъ, какія производилъ Салтыковъ надъ произведеніями второстепенныхъ беллетристовъ, приходили нерѣдко въ удивленіе, отчего это тѣ самые писатели, которые подъ редакціей Салтыкова помѣщаютъ весьма недурные разсказы и повѣсти, въ другія изданія приносятъ вещи ниже всякой критики и даже совсѣмъ не удобныя для печатанія. А, съ другой стороны, сдѣлано также и такое еще наблюденіе, что писатели, печатавшіеся прежде въ «Отеч. Зап.» и бывшіе вполнѣ приличными, значительно измѣнились къ худшему, въ смыслѣ литературной выдержанности направленія и порядочности, послѣ того какъ стали писать въ другихъ изданіяхъ, т. е. послѣ того какъ вышли изъ подъ вліянія извѣстной литературной атмосферы.

Но въ то время какъ Салтыковъ исправлялъ второстепенныхъ и начинающихъ беллетристовъ, онъ совсѣмъ не трогалъ произведеній большихъ талантовъ и тѣхъ уста-

новившихся уже писателей, которые постоянно писали въ «Отеч. Запискахъ». Въ этихъ произведеніяхъ онъ ничего не измѣнялъ, хотя между ними случались вещи слабыя или спѣшно написанныя, которыми онъ оставался недоволенъ и за которыя роопталъ на авторовъ. И не исправлялъ онъ такихъ произведеній вовсе не потому, что не могъ,—онъ могъ и поправлять ихъ, и совсѣмъ не принимать,—а потому, что считалъ себя нравственно не вправѣ вмѣшиваться и какъ бы учить людей, уже установившихся, которые сами за себя отвѣтственны. Еслибы дѣло касалось направленія, и основная мысль произведенія слишкомъ противурѣчила журналу, то это другое дѣло: тутъ онъ не замедлилъ бы снестись съ авторомъ относительно необходимыхъ измѣненій или возвратилъ бы рукопись, а собственно литературную сторону, т. е. исполненіе, пріемы, слогъ и проч. своимъ дѣломъ не считалъ. Невмѣшательство это простиралось иногда даже дальше литературной стороны,— до мысли, съ которою Салтыковъ былъ не согласенъ, лишь бы только она не шла въ разрѣзъ общему направленію и при условіи, чтобы статья была подписана авторомъ, т. е. чтобы отвѣчалъ за нее онъ самъ и не принимали ее за редакціонную.

Не касалась рука Салтыкова также всѣхъ статей второго отдѣла, которымъ завѣдывалъ не онъ, а ближайшіе его сотрудники, а равнымъ образомъ и не беллетристическихъ статей перваго отдѣла. Здѣсь онъ опять строго соблюдалъ невмѣшательство въ то, что̀ принадлежало другимъ. Во второмъ отдѣлѣ ему принадлежали только переводные романы, печатавшіеся въ приложеніи, а остальное все читалось, выбиралось, отдавалось въ типографію и исправлялось не имъ. Онъ только прочитывалъ редакторскую корректуру и смотрѣлъ, чтобы не было нецензурныхъ мѣстъ, да и то, если таковыя встрѣчались въ статьяхъ постоянныхъ сотрудниковъ, не вымарывалъ ихъ безъ ихъ вѣдома и согласія. Онъ обыкновенно только отмѣчалъ и указывалъ имъ сомнительныя мѣста, а иногда и то, что̀ ему почему-либо не нравилось или казалось не-

удобнымъ. Равнымъ образомъ и ему указывали тѣ изъ сотрудниковъ, кому посылались корректуры всего журнала, то, что̀ имъ казалось сомнительнымъ и неподходящимъ въ его отдѣлѣ и въ его статьяхъ. И какихъ бы то ни было обидъ и недоразумѣній при этомъ никогда не возникало. Онъ не только умѣлъ избѣгать ненужнаго вмѣшательства, но и довѣрять людямъ, и не только довѣрять, но и уступать. Это рѣдкія черты характера, которыя говорятъ не только объ его умѣ, но и объ его искреннемъ сердцѣ.

Какъ ничего не измѣнялъ онъ въ статьяхъ постоянныхъ сотрудниковъ не потому, чтобы не могъ измѣнять, такъ и исправлялъ онъ столь усиленно начинающихъ и второстепенныхъ беллетристовъ вовсе не потому, что могъ дѣлать съ ними, что хотѣлъ, а потому, что это было лучше въ разныхъ смыслахъ, лучше какъ для журнала, такъ и для нихъ самихъ. Вмѣсто недовольства, котораго можно было бы ожидать, еслибы мотивы были иные, онъ привлекъ къ журналу и сгруппировалъ вокругъ него цѣлую группу беллетристовъ, благодаря чему, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, ни прежде, ни послѣ, не было такой богатой беллетристики, какъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Иногда ее упрекали въ избыткѣ мужика, но тѣмъ не менѣе постоянно всѣ читали, не исключая и тѣхъ свѣтскихъ людей, которые дѣлали подобные упреки. И создано это было главнымъ образомъ Салтыковымъ, потому что остальные либо никакого касательства къ беллетристикѣ не имѣли, либо помогали ему только совѣтомъ да предварительнымъ просмотромъ рукописей, когда таковыхъ скоплялось слишкомъ много въ редакціонномъ портфелѣ. Я сказалъ бы даже больше, что создано это было исключительно Салтыковымъ, еслибы раньше него не обращалъ особаго вниманія на беллетристику Некрасовъ и если бы ему не помогалъ въ томъ же направленіи Елисеевъ, который, хотя и не имѣлъ непосредственнаго касательства къ беллетристикѣ, но отлично понималъ важное ея значеніе для публики и журнала, и, кромѣ того, посто-

янно сглаживалъ неровности и шероховатости его характера по отношенію къ пишущей братіи, особенно къ начинающимъ писателямъ, не знавшимъ еще Салтыковскаго прямодушія и манеры говорить. Тѣмъ не менѣе, если начало дѣла принадлежало Некрасову, а поддержка Елисееву, то дальнѣйшее его развитіе и непосредственныя старанія принадлежатъ Салтыкову. Онъ больше всѣхъ вложилъ труда и заботъ въ беллетристику «Отечественныхъ Записокъ».

Повторяю, работать такъ, какъ работалъ Салтыковъ, не всякій можетъ. Работа для него превратилась не только въ обычное занятіе, но и въ какую то непреодолимую потребность. Онъ не могъ не писать: ни какія нибудь дѣла, ни усталость и желаніе отдохнуть, ни знакомства и отношенія, ни даже сама болѣзнь не могли удержать его отъ этого. Сплошь и рядомъ совсѣмъ больной онъ садился къ письменному столу и писалъ своимъ медленнымъ, сжатымъ почеркомъ страничку — другую, сколько могъ. Я засталъ его разъ пишущимъ на подоконникѣ, во время переѣзда на дачу, когда въ кабинетѣ все было уже уложено и столъ былъ чѣмъ-то загроможденъ; а за границею онъ ухитрялся иногда писать даже на маленькомъ кругломъ столикѣ, урывая нѣсколько минутъ между прогулкою и завтракомъ или между ванною и обѣдомъ. У него одна работа кончалась, другая начиналась, а иногда двѣ—три работы шли рядомъ; случалось, что раньше начатыя работы иногда откладывались на нѣсколько лѣтъ, а болѣе позднія печатались безостановочно, и тогда, по окончаніи ихъ, онъ снова брался за какую нибудь оставленную работу. Зависѣло это отъ разныхъ причинъ: и отъ бо̀льшей своевременности и необходимости позднѣе начатыхъ работъ, и отъ того, что онѣ имъ сильнѣе овладѣвали, такъ что оставить ихъ было не такъ-то легко. Иногда онъ жаловался на то, что работа затягивается и надоѣла ему, а разстаться съ нею все таки не могъ. Такъ напр., жаловался онъ на «Пошехонскую старину», которую кончалъ уже совсѣмъ больной, незадолго передъ

смертью, а между тѣмъ задумывалъ новое большое произведеніе и даже сдѣлалъ къ нему приступъ. Вотъ что говорилъ онъ мнѣ:

— Началъ я «Пошехонскую старину», дѣйствительно, съ удовольствіемъ, а потомъ надоѣла она мнѣ ужасно, просто измучила... Образы за образами поднимаются и лѣзутъ въ голову, а возиться съ ними и скучно, потому что все это уже давно извѣстно, и тяжело, потому что я вѣдь опять точно переживаю то время. А тутъ еще боленъ... Право, иногда кажется, что не кончу. Впрочемъ, нисколько объ этомъ не жалѣю: у меня на всякій случай окончаніе есть, всего-то въ одну страничку. Если самъ не успѣю написать, такъ пусть другой кто-нибудь напишетъ и скажетъ, что авторъ предполагалъ кончить свою исторію зимнимъ помѣщичьимъ весельемъ, пошехонскимъ раздольемъ. А вотъ о чемъ жалѣю, — продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы,—для этого стоило-бы начать снова жить: я задумалъ новую большую вещь—«Забытыя слова».

И онъ разсказалъ программу этой новой интересной работы. Салтыковъ вообще очень любилъ говорить о томъ, что предполагалъ писать, и развивать планы задумываемыхъ имъ работъ, причемъ вспоминалъ разныхъ лицъ, разныя обстоятельства и случаи, о которыхъ должна была идти рѣчь, любилъ также читать рукописи. Насколько публично читалъ онъ не хорошо, настолько же съ удовольствіемъ можно было слушать его въ кабинетѣ. Читалъ онъ просто, безъ всякой манеры, безъ удареній, безъ интонаціи и вообще безъ всякой искуственности, но увлеченіе предметомъ невольно передавалось и вамъ. Не знаю, были ли у Салтыкова вещи, написанныя сразу. Вѣроятно, были, но тѣ, которыя онъ мнѣ читалъ, были въ нѣсколькихъ варіантахъ или, лучше сказать, редакціяхъ, т. е. были написаны разъ, потомъ поправлены, измѣнены и переписаны. Помню, одно изъ «писемъ къ тетенькѣ» было въ двухъ редакціяхъ, а сказка о киселѣ—въ трехъ. Надъ этою крошечною сказкою Салтыковъ долго сидѣлъ и говорилъ

о ней съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ и о самоотверженномъ зайцѣ и бѣдномъ волкѣ, которыя тоже читалъ, только уже не въ рукописяхъ, а въ корректурѣ. Съ какою скромностью онъ выслушивалъ замѣчанія и принималъ или отвергалъ ихъ! Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ совершенную противуположность другимъ писателямъ, которые ни единою строчкою изъ написаннаго не поступятся. Относительно своихъ статей онъ всегда испытывалъ робость, что у него плохо вышло, и всегда, бывало, спрашиваетъ:

— Скажите пожалуйста, а мою статью вы просмотрѣли? Ничего у меня вышло? Кажется, плохо?

На замѣчанія онъ никогда не обижался. Хотя и рѣдко приходилось ихъ дѣлать, но приходилось; а по тому вниманію, съ какимъ онъ выслушивалъ обыкновенно высказываемыя мнѣнія, лучше всего можно было видѣть, до какой степени онъ дорожилъ тѣмъ, что̀ писалъ, и интересовался всякимъ искреннимъ отзывомъ другихъ о написанномъ. Эта строгость къ себѣ и привычка спрашивать остались у него до самой смерти.

Салтыковъ вполнѣ искренно не довѣрялъ своему огромному таланту и думалъ, что онъ только трудомъ и можетъ брать. Онъ, вообще, скептически относился къ всемогуществу таланта, особенно если талантливые люди были слишкомъ проникнуты самоувѣренностью и думали выѣзжать на одномъ только талантѣ, безъ труда и знаній. Признавая ихъ талантливость, онъ однако же довольно часто иронизировалъ надъ ними, когда представлялся какой нибудь поводъ, говоря: «это геніальныя натуры, которыхъ простые смертные даже понять не могутъ. Я тоже не понимаю, потому что я не геніальный писатель», и съ гордостью добавлялъ: «за то я работникъ». Если онъ работалъ для журнала изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, если онъ не любилъ, чтобы произведенія его залеживались, то это не мѣшало ему тщательно обдумывать ихъ, по нѣскольку разъ переписывать и передѣлывать рукописи. Работникъ онъ, дѣйствительно, былъ замѣчатель-

ный. Вотъ что самъ онъ говоритъ въ одномъ наброскѣ, найденномъ въ его бумагахъ:

„Я никогда не могъ похвалиться ни хорошимъ здоровьемъ, ни физическою силою, но съ 1875 г. не проходило почти ни одного дня, въ который я могъ бы сказать, что чувствую себя изрядно. Постоянные болѣзненные припадки и мучительная восприимчивость, съ которою я всегда относился къ современности, положили начало тому злому недугу, съ которымъ я сойду въ могилу. Не могу также пройти молчаніемъ и *непрерывнаго труда: могу сказать смѣло, что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ, и только когда мнѣ становилось ужъ очень тяжко, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытье*".

Смотря на Салтыкова, нельзя было не удивляться, какъ ему не мѣшаютъ работать посѣтители. Ни пріемныхъ и непріемныхъ дней, ни особыхъ пріемныхъ и непріемныхъ часовъ, какъ у другихъ, у него не было. Положимъ, что къ нему не во всякое время ходили; но утромъ, часовъ съ 11 и до обѣда, его всѣ и всегда могли застать и шли къ нему совершенно свободно. Случалось иногда заходить къ нему и вечеромъ, и опять никто не говорилъ, что онъ не принимаетъ или что его дома нѣтъ, и опять приходилось кого-нибудь встрѣчать у него. Правда, что онъ не со всѣми и не всегда бывалъ любезенъ; но надо же войти въ положеніе человѣка, которому мѣшаютъ писать, которому нѣсколько разъ приходится отрываться отъ рукописи и заниматься разговорами, можетъ быть совсѣмъ изъ другой области, чѣмъ та, о которой онъ думалъ, а сплошь и рядомъ и совсѣмъ для него не интересными.

Одни дѣловые разговоры по журналу, продолжавшіеся обыкновенно не долго, и тѣ могли докучать и въ общей сложности отнимали не мало времени. Каждый знаетъ, бывало, когда онъ занятъ, и думаетъ ограничиться нѣсколькими словами и нѣсколькими минутами, а проговоритъ полчаса-часъ; а тутъ, смотришь, и еще кто нибудь пришелъ. Однажды я зашелъ къ нему такимъ образомъ «на минутку» и засталъ его очень сконфуженнымъ:

— Представьте, какая штука со мною сейчасъ вы-

шла,—сказалъ онъ здороваясь, — просто опомниться не могу, такъ стыдно... Ждалъ я вчера къ себѣ Боткина: третьяго дня письмо ему написалъ и просилъ посмотрѣть меня; а онъ вчера не пріѣхалъ. Сегодня же, какъ нарочно, съ самаго утра гости: то одинъ, то другой; то по цѣлымъ мѣсяцамъ глазъ не кажутъ, а тутъ вдругъ всѣ соскучились!.. Мнѣ же, право, не здоровится, и я совсѣмъ сегодня былъ не расположенъ къ визитнымъ разговорамъ, а думалъ писать. Наконецъ, всѣ посидѣли, поговорили и распрощались; только было я къ столу, какъ вдругъ опять кто-то приходитъ. Вижу Ратынскій... такъ мнѣ стало досадно, что я отвернулся къ окну.—«Здравствуйте», говоритъ. Я подалъ руку, поздоровался.—«Какъ, говоритъ, ваше здоровье?»—Да ничего, какъ видите.— «Погода, говоритъ, нынче хорошая».—Ну, и слава Богу, говорю, съ чѣмъ васъ и поздравляю. — «Гуляли-ли?» — Нѣтъ, не гулялъ. Еще что-то спросилъ, я также коротко отвѣтилъ. Сидимъ и молчимъ. Я тутъ вотъ и въ окно смотрю, а онъ на вашемъ мѣстѣ. И прошло такъ должно быть съ полчаса. Наконецъ, по всей вѣроятности, это ему наскучило, и онъ поднимается и начинаетъ прощаться:—«я, говоритъ, къ вамъ лучше въ другое время заѣду». Тутъ только я взглянулъ, и можете себѣ представить мое удивленіе: передо мною былъ вовсе не Ратынскій, а Боткинъ. Каково положеніе! Какъ я раньше его не узналъ, — просто понять не могу. Если ужъ въ лицо не смотрѣлъ, такъ по походкѣ, по голосу, наконецъ по вопросамъ можно было узнать. Совсѣмъ про него забылъ. Но хуже всего то, что ничего ему не сказалъ, что принялъ его за Ратынскаго. Неловко какъ-то было. Такъ онъ и уѣхалъ. Что теперь обо мнѣ онъ можетъ подумать? Совсѣмъ, скажетъ, человѣкъ съ ума сошелъ, или отнесетъ это къ тому, что я обидѣлся за то, что онъ вчера же не пріѣхалъ, а я, право, объ этомъ и не думалъ, потому-что знаю, какъ онъ бываетъ иногда занятъ. Къ тому-же онъ всегда ко мнѣ такъ любезенъ и внимателенъ. Никогда я его такъ не принялъ-бы. Думаю письмо ему написать...

Не знаю, писалъ-ли что нибудь Салтыковъ Боткину или какъ нибудь иначе объяснился,—лично или черезъ знакомыхъ,—знаю только, что отношенія Боткина къ нему, вслѣдствіе этого случая, не перемѣнились, да дѣло и не въ этомъ, а въ томъ, что ему нерѣдко мѣшали работать и приводили его въ дурное настроеніе, и что, не смотря на это, онъ все таки не запиралъ своихъ дверей и ухитрялся много работать.

У Салтыкова было два рода знакомствъ и отношеній: чисто домашнія и литературныя, которыя онъ весьма резонно раздѣлялъ и никогда не смѣшивалъ, и не смѣшивалъ, я думаю, не столько во огражденіе домашней жизни, сколько во огражденіе литературы отъ всего ей сторонняго и чуждаго. Литература была для него, особенно въ тотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, главнымъ фокусомъ и факторомъ его жизни. Онъ считалъ ее не только важнымъ и серьезнымъ дѣломъ, но едва ли не самымъ важнымъ и серьезнымъ изъ всѣхъ земныхъ дѣлъ. Онъ видѣлъ въ ней высшее служеніе обществу и собственное личное призваніе, называлъ ее даже «вѣчнымъ дѣломъ» и вообще былъ связанъ съ нею самымъ тѣснымъ образомъ, какъ нравственно, такъ и матеріально, потому что, volens-nolens, она являлась и источникомъ существованія, источникомъ, подверженнымъ многимъ случайностямъ и переполненнымъ терніями. Литература занимала въ его жизни такое большое мѣсто и играла такую роль, что остальные интересы отступали на задній планъ. Вотъ что самъ онъ говоритъ въ наброскѣ, который мы цитировали выше: «наконецъ, закрытіе «Отеч. Записокъ» и болѣзнь сына окончательно сломили меня. Недугъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ» и т. д. А въ «Приключеніи съ Крамольниковымъ», изображающемъ его собственное душевное состояніе въ это время, читаемъ слѣдующее: у кореннаго пошехонскаго литератора Крамольникова «не было никакой иной привязанности, кромѣ общенія съ читателемъ... Въ этой привязанности къ отвлеченной личности было что-то исключительное, до бо-

лѣзненности страстное. Цѣлые десятки лѣтъ она одна питала его и съ каждымъ годомъ дѣлалась все больше и больше настоятельною. Наконецъ пришла старость, и всѣ блага жизни, кромѣ одного, высшаго и существеннѣйшаго, окончательно сдѣлались для него безразличными и ненужными» и все разнообразіе жизни и весь интересъ ея сосредоточились «въ одной свѣтящей точкѣ», т. е. въ литературѣ и въ томъ же общеніи, при ея помощи, съ читателемъ». Затѣмъ въ одномъ изъ «Писемъ къ тетенькѣ» Салтыковъ говоритъ, что литература ему особенно дорога потому, что на ней съ дѣтства были сосредоточены всѣ его упованія:

„Весь жизненный процессъ этого замкнутаго, по волѣ судебъ, міра былъ моимъ личнымъ жизненнымъ процессомъ; его незащищенность—моей незащищенностью; его замученность—моей замученностью; наконецъ его кратковременныя и рѣдкія ликованія — моими ликованіями. Это чувство отождествленія личной жизни съ жизнью излюбленнаго дѣла такъ сильно и принимаетъ съ годами такіе размѣры, что заслоняетъ отъ глаза даже широкую, не знающую береговъ жизнь“.

Не совсѣмъ конечно заслоняетъ, потому что Салтыковъ смотрѣлъ на литературу прежде всего какъ на отраженіе жизни, считалъ, что общеніе съ жизнью «всегда было и всегда будетъ цѣлью всѣхъ стремленій литературы» и, сообразно съ этимъ, возлагалъ на нее и великія упованія, и большую отвѣтственность. Литература представлялась ему однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ воздѣйствія на общество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣломъ, имѣющимъ не минутное только и скоропреходящее значеніе, а соприкасающимся «съ идеею о вѣчности», дѣломъ въ своемъ родѣ *единственнымъ*, гдѣ «мысль человѣческая можетъ оставить прочный слѣдъ». Вотъ что говоритъ онъ въ «Кругломъ годѣ» нѣсколькимъ безшабашнымъ соотечественникамъ, мечтающимъ въ Ниццѣ объ искорененіи литературы:

„Милостивые государи! Вамъ, конечно, не безъизвѣстно выраженіе: scripta manent. Я же, подъ личною за сіе отвѣтственностью, присовокупляю: semper manent, in secula seculorum! Да, господа, литература не умретъ!.. Все, что мы видимъ во-

кругъ насъ, все въ свое время обратится частью въ развалины, частью въ навозъ. — одна литература вѣчно останется цѣлою и непоколебленною. Одна литература изъята изъ законовъ тлѣнія, она одна не признаетъ смерти. Не смотря ни на что, она вѣчно будетъ жить и въ памятникахъ прошлаго, и въ памятникахъ настоящаго, и въ памятникахъ будущаго. Не найдется такого момента въ исторіи человѣчества, при которомъ можно было бы съ увѣренностью сказать: вотъ моментъ, когда литература была упразднена. Не было такихъ моментовъ, нѣтъ и не будетъ. Ибо ничто такъ не соприкасается съ идеею о вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ".

Затѣмъ далѣе читаемъ:

„Я страстно и исключительно преданъ литературѣ; нѣтъ для меня образа достолюбезнѣе, похвальнѣе, дороже образа, представляемаго литературой; я признаю литературу всецѣло со всѣми уклоненіями и осложненіями, даже съ московскими кликушами".

Допуская въ литературѣ заблужденія, такъ какъ сама же литература, къ вящшему выясненію истины, и исправляетъ ихъ, Салтыковъ вѣрилъ, что московское кликушество, со всѣмъ его обскурантизмомъ, со всею его непреднамѣренною и преднамѣренною злобою и ложью, не выдержитъ открытой и равной борьбы съ истиной, что все низменное и темное исчезнетъ, пройдетъ и «однѣ только усилія честной мысли останутся незыблемыми». Таково, говоритъ онъ, мое глубокое убѣжденіе, и «не будь у меня этого убѣжденія, этой вѣры въ литературу, въ ея животворящую мощь, мнѣ было-бы больно жить». Не менѣе сильно любовь къ литературѣ сказалась и въ маленькой предсмертной припискѣ Салтыкова въ письмѣ къ сыну, гдѣ онъ какъ-бы завѣщаетъ ему эту любовь, говоря: «паче всего люби родную литературу, и званіе литератора предпочитай всякому другому».

Не мудрено, что Салтыковъ жертвовалъ литературѣ и здоровьемъ, и связями, и отношеніями. Самъ онъ мнѣ разъ говорилъ, что литература была причиною того, что онъ перессорился съ большинствомъ своихъ родныхъ и прежнихъ знакомыхъ, что бывшее его начальство товарищи и сослуживцы начали на него коситься, когда увидѣли,

что онъ всецѣло отдался литературѣ, да еще отрицательнаго направленія. Связей своихъ съ высшимъ обществомъ онъ впрочемъ и самъ не поддерживалъ. Въ началѣ онѣ какъ-то сами собою держались, а потомъ, хотя и не совсѣмъ прекратились, но все болѣе и болѣе ослабѣвали. Съ одними онъ разошелся принципіально, съ другими лично, какъ человѣкъ строгій и не любившій компромиссовъ, третьимъ, замѣтивъ съ ихъ стороны охлажденіе, не хотѣлъ кланяться: слишкомъ не соотвѣтствовало это его натурѣ.

— Я ни у кого не заискиваю,—говорилъ онъ съ достоинствомъ,—никому не кланяюсь и ни у кого не бываю; ко мнѣ еще, по старой памяти, кое-кто заходитъ, да и то рѣдко.

У него было нѣсколько человѣкъ хорошихъ знакомыхъ, по большей части стоявшихъ близко къ литературѣ и относившихся къ ней совсѣмъ иначе, которыми онъ и ограничивался. Это были знакомства постоянныя, многолѣтнія, которыми онъ дорожилъ, которыя не налагали на него узъ высшаго свѣта, не стѣсняли и не заставляли казаться въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Съ нимъ не считались визитами, онъ могъ рѣже бывать, чѣмъ у него бываютъ, могъ ѣхать въ обыкновенномъ пиджакѣ, въ которомъ ходилъ каждый день, могъ, садясь за карты, ворчать сколько ему угодно, и т. д. А затѣмъ у него были знакомства чисто литературныя, какъ прежнія, такъ и новыя, которыя создавались «Отечественными Записками». Но все таки, благодаря своимъ прежнимъ связямъ въ высшемъ служебномъ мірѣ, онъ получалъ обыкновенно очень рано свѣдѣнія о недовольствѣ на журналъ и литературу вообще, о томъ, что ей предстоитъ впереди и что проэктируется на будущее время. Можно было также иногда встрѣтить у него, помимо литературныхъ и обычныхъ знакомыхъ, и кого нибудь изъ людей совершенно иного круга. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ напр., къ графу Лорисъ-Меликову, котораго онъ раньше зналъ и который былъ хорошъ съ Некрасовымъ,

онъ еще хорошо относился, но нѣкоторыя знакомства его положительно тяготили. Помню, напр., какъ онъ былъ недоволенъ и сердился, узнавъ, что къ нему собирается съ визитомъ Треповъ. Знаменитый петербургскій градоначальникъ, послѣ отставки, жилъ одно время въ одномъ съ нимъ домѣ, на Литейной, познакомился на прогулкѣ съ его дѣтьми и выразилъ желаніе и съ нимъ познакомиться, сказавъ, что думаетъ зайти для этого на дняхъ...

— Скажите пожалуйста, для чего это нужно? волновался Салтыковъ. Что я съ нимъ буду говорить?! Онъ литературой никогда не занимался, а я по полиціи никогда не служилъ, что же у насъ общаго? Если просто посмотрѣть на меня, любопытства ради, такъ не настолько я интересенъ. Онъ навѣрное видалъ многихъ.... интереснѣе меня....

Въ расположеніи своемъ къ людямъ Салтыковъ былъ очень постояненъ; но разъ это расположеніе, какъ личное чувство, сталкивалось съ вопросомъ о нелицепріятномъ и самоотверженномъ служеніи литературѣ, такъ ему становилось очень непріятно. Въ отрывкахъ изъ его писемъ къ Н. К. Михайловскому, напечатанныхъ въ «Русской Мысли», находимъ между прочимъ такого рода строки по поводу нѣкоторыхъ помарокъ, сдѣланныхъ имъ въ статьѣ Михайловскаго:

„Я утромъ ждалъ васъ, но не дождался. Впрочемъ корректуры съ моими помѣтками у васъ... Будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ эти уступки... Я зачеркнулъ, между прочимъ, и упоминаніе объ Анненковѣ. Если хотите, возстановите его, но онъ мой пріятель, и я какъ-то не возвысился еще до того, чтобы оставить отца и матерь и прилѣпиться къ журналу“.

Тоже самое было и со мною, по поводу Кавелина. Кавелинъ выпустилъ книжку о крестьянскомъ вопросѣ. Я написалъ рецензію, гдѣ не похвалилъ его и особенно подчеркнулъ политическую неопредѣленность его взглядовъ, стремленіе всегда стать на какую-то такую высоту, съ которой всегда получается двоякое рѣшеніе вопроса:

и такъ, и этакъ. Получаю отъ Салтыкова письмо. Прихожу и вижу у него на столѣ корректуру.

— У меня, говоритъ, есть къ вамъ большая просьба, которую, собственно говоря, я не вправѣ былъ бы дѣлать, потому что совершенно согласенъ съ вашимъ отзывомъ. Намъ иначе и нельзя относиться къ кавелинской эквилибристикѣ, но тутъ вопросъ чисто личный, мой: не ссорьте меня пожалуйста съ нимъ... Человѣкъ онъ, право, не дурной, а ужъ это такъ онъ по профессорски устроенъ. Я ужъ и такъ для литературы порвалъ рѣшительно всѣ свои прежнія отношенія: у меня вѣдь изъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ осталось всего на всего два-три человѣка. Пусть же хоть они останутся! Сдѣлайте мнѣ пожалуйста эту уступку: не будемъ печатать эту рецензію.

Разумѣется, я согласился. Говоря это, Салтыковъ возвышалъ тонъ, и я ясно видѣлъ, что онъ и конфузится, и сердится, что у него остается нѣчто, съ чѣмъ жаль и трудно разстаться. Хотя это нѣчто было такое маленькое, естественное и обыкновенное, что не стоило бы о немъ даже и говорить, такъ какъ у каждаго писателя есть отношенія и лица, которыя онъ щадитъ, но его это ужъ безпокоило.

Слишкомъ цѣльная у него была натура, тяготившаяся всякими компромиссами. И при этомъ, очевидно, ему и въ голову не приходило искать какихъ бы то ни было оправданій, а прямо рѣшалось, что онъ не поднялся до извѣстной высоты, до которой иные возвышаются. Ужъ онъ ли, кажется, не оставилъ многаго, ради журнальной дѣятельности и правды; но разъ являлось обстоятельство, мѣшавшее цѣльности понятія, онъ не могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ. Послѣдовательность и строгость къ себѣ позволяли ему прилагать такую же мѣрку и къ сотрудникамъ. Больше всего онъ сердился за недостаточное усердіе и вниманіе къ журналу. Большинство сотрудниковъ, и я въ томъ числѣ, были значительно моложе М. Е., а потому онъ относился къ намъ иногда какъ

старшій къ младшимъ; но обиднаго въ такихъ отношеніяхъ ничего не было, такъ какъ вы сейчасъ же убѣждались и въ его искреннемъ къ вамъ расположеніи, и— весьма не рѣдко — и въ правотѣ. Самъ онъ, какъ я уже говорилъ, вкладывалъ въ журналъ всю душу и перенесъ въ дѣло чисто служебную привычку къ аккуратности и пунктуальности. Требовалъ того-же и отъ другихъ.

— Вы какъ слѣдуетъ никто не работаете, — обыкновенно говорилъ онъ,—и относитесь къ дѣлу спустя рукава. Вы все думаете, что мы вѣчно будемъ жить. Придется-же когда нибудь и вамъ самостоятельно вести журналъ... Дѣло это вовсе не шуточное. Это большое дѣло, а для васъ все равно

— Изъ чего-же это вы заключаете?

— Какъ изъ чего, слѣпой я что ли? Никогда посовѣтоваться не придете, каждый что вздумаетъ, то и пишетъ. Я еще, право, удивляюсь; какъ у насъ книжки болѣе или менѣе согласно составляются... Да и работаете то какъ: напишете листъ съ четвертью и думаете, что въ предѣлахъ земныхъ совершили все земное. Я больше васъ пишу.

— Не всякій такъ можетъ работать, какъ вы.

— Пріучайте себя.

— Да ужъ поздно пріучать то.

— Почему?

— Да потому, что мы ужъ не дѣти.

— А старики, да? Изъ васъ кто старше,—N? Позвольте узнать, сколько ему лѣтъ?

— Почти сорокъ.

— Ахъ, какой удивительный возрастъ! Я въ 40 лѣтъ только началъ работать какъ слѣдуетъ.

Иной разъ просто нельзя было не разсмѣяться, но на это всегда слѣдовало замѣчаніе, что «смѣяться мы умѣемъ», и приводился какой нибудь такой аргументъ, который долженъ былъ показать, что смѣшного тутъ ничего нѣтъ.

— Вотъ вы смѣетесь, а не угодно ли посмотрѣть *вотъ* (онъ показывалъ обыкновенно чью-нибудь всю перема-

ранную корректуру, надъ которою сидѣлъ). Меня одни наши переводчики замучили своими переводами.

— Почему же вы сами это дѣлаете и не поручите кому нибудь? Вѣдь никто изъ насъ не отказывается...

— Потому, что желанія не вижу. Я не знаю, согласитесь вы на это, или нѣтъ. Это—работа египетская, каторжная.

Мы пробовали брать у него редакторскія корректуры, но это было безполезно, потому что онъ все равно надъ ними сидѣлъ, поправляя слогъ, измѣняя абзацы и т. п., и сидѣлъ не надъ исправленными уже формами, а надъ тѣми, которыя и ему посылались одновременно съ нами. Такой ужъ это былъ безпокойный и заботливый человѣкъ.

V.

Салтыковъ, какъ писатель и семьянинъ.

Внѣшнія особенности произведеній Салтыкова.—Разнообразіе фигуръ въ его сатирахъ.—Заразительный юморъ его личныхъ разсказовъ.—Умѣнье подмѣчать въ людяхъ ихъ скрытые недостатки и снимать съ лицемѣровъ маски.—Мѣткость его характеристикъ.—Отвращеніе Салтыкова къ скабрезностямъ.—Кое-что изъ воспоминаній о немъ С. Южакова, Н. Михайловскаго, А. Скабичевскаго и Я. Абрамова.—Соединеніе суровости съ деликатностью.—Одинаковость обращенія со всѣми людьми.—Денежныя отношенія Салтыкова къ сотрудникамъ журнала. Семейная заботливость и родительская нѣжность.

Хотя критическая оцѣнка произведеній Салтыкова не входитъ въ нашу задачу, но мы не можемъ все таки не сказать о нихъ нѣсколькихъ словъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что прикладывать къ нимъ какую либо изъ установившихся критическихъ мѣрокъ — довольно трудно. Онъ до того перетасовывалъ всѣ роды и виды литературы:—поэзію съ публицистикой, эпическое повѣствованіе съ сатирой, трагедію съ комедіей и т. д.,—что, читая его сочиненія, затруднительно сказать, что̀ именно передъ вами, а между тѣмъ впечатлѣніе получается сильное, цѣльное и живое. У него сплошь и рядомъ нѣтъ никакой внѣшней архитектуры, а между тѣмъ есть произведенія, которыя, по глубинѣ мысли, яркости красокъ и силѣ художественнаго впечатлѣнія, могутъ быть сопоставлены съ произведеніями лучшихъ европейскихъ писателей и съ образцами всемірной литературы. Онъ совершенно игнорировалъ установившіяся рамки и формы и руководился больше всего овладѣвавшими имъ въ данное

время идеями и тѣми возвышенными цѣлями, которыхъ желалъ достигнуть; поэтому произведенія его выходили въ высшей степени своеобразными. А потому, при оцѣнкѣ ихъ, лучше всего руководствоваться ихъ идейнымъ содержаніемъ и тѣмъ непосредственнымъ, живымъ впечатлѣніемъ, какое онѣ производятъ на читателя. Мы найдемъ у Салтыкова цѣлыя коллекціи сознательныхъ и безсознательныхъ лицемѣровъ, лгуновъ, жестокосердыхъ людей, самодуровъ, безличныхъ «чего изволите», съ національными чертами, и т. д.; а вмѣстѣ съ тѣмъ найдемъ также не менѣе богатую коллекцію униженныхъ и оскорбленныхъ, то сохраняющихъ еще въ душѣ чувство недовольства и надежды на нѣчто лучшее, то совсѣмъ уже задавленныхъ жизнью и не протестующихъ, а молча несущихъ гнетъ или молча же ждущихъ, когда наступитъ на ихъ улицѣ праздникъ, чтобы безъ всякой пощады и состраданія мстить своимъ притѣснителямъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ Анфиса Порфирьевна относительно мужа въ «Пошехонской старинѣ» Врядъ ли у кого либо изъ другихъ писателей окажется такое обиліе и разнообразіе фигуръ, какъ у Салтыкова. Все слабое и угнетаемое, начиная съ дѣтей, надъ которыми производятся всевозможныя эксперименты и которыя въ защиту себя ничего сказать не могутъ, и кончая крѣпостною подневольною массою, находило въ немъ горячую защиту, а все стѣснявшее жизнь, напротивъ, встрѣчало недремлющаго противника. Его сатира часто была единственнымъ возмездіемъ злу и апелляціей къ разуму, чести и совѣсти. Иногда онъ повторялся, что̀ и самъ признавалъ, когда его въ этомъ упрекали; но повтореній у него всетаки немного и не такъ ужъ онѣ буквальны и безъинтересны, чтобы ставить ихъ ему на счетъ. Объяснялъ онъ это очень просто и вполнѣ естественно, а именно тѣмъ, что онъ всегда былъ занятъ исключительно злобами дня, къ которымъ пріурочена была вся его литературная дѣятельность и которыя втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ тоже повторялись съ удручающимъ

однообразіемъ. Есть для этого и другія объясненія, лежащія въ самыхъ условіяхъ журнальной работы; наконецъ Салтыкову приходилось иногда возвращаться къ сказанному съ цѣлями полемическими.

Кто зналъ лично М. Е., тотъ, при чтеніи его сочиненій, получаетъ особое удовольствіе, потому что писалъ онъ часто то. что говорилъ, и писалъ совершенно также, какъ говорилъ (только лирическихъ отступленій да подробностей въ разговорѣ обыкновенно не встрѣчалось), такъ что точно видишь его передъ собою и слышишь его голосъ.

А видѣть его всегда было интересно. Смотря по состоянію здоровья и настроенію, онъ въ редакціи или говорилъ только о текущихъ дѣлахъ по журналу и коротко, какъ бы нехотя, отвѣчалъ на вопросы, или начиналъ что нибудь разсказывать: по большей части какіе нибудь слухи и новости, имѣвшіе общественное значеніе, проэкты разныхъ мѣропріятій, касавшіеся преимущественно литературы, причемъ нерѣдко можно было слышать обычный его возгласъ: «каково положеніе!» Настоящее всегда связывалось и сопоставлялось съ прошлымъ, такъ что можно было услышать отъ него и воспоминанія, какъ изъ своей прежней жизни, такъ и изъ жизни нѣкоторыхъ лицъ высшаго общества, изъ которыхъ одни были его товарищами по школѣ, а съ другими—какъ, напр., съ гр. Д. А. Толстымъ—судьба свела его потомъ, по выходѣ изъ школы. Продавши подмосковное имѣніе, Салтыковъ купилъ небольшое имѣніе подъ Петербургомъ *) и пытался тамъ хозяйничать, но испытывалъ только неудачи. Эти неудачи, въ связи съ самымъ способомъ пріобрѣтенія имѣнія, тоже неудачнымъ, были темою цѣлаго ряда живыхъ и интересныхъ разсказовъ, которые потомъ

*) Подмосковное имѣніе Салтыкова находилось въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Для покупки его, онъ занялъ у матери 20 т. руб., изъ которыхъ 16 т. выплатилъ ей самой, а остальныя 4 т., послѣ ея смерти, по завѣщанію, кому-то изъ сонаслѣдниковъ. Второе имѣніе находилось въ 16 верстахъ отъ Ораніенбаума.

вошли въ «Монрепо». Монрепо это въ концѣ концовъ также было продано, принеся хозяину только убытки. Нерѣдко Салтыковъ начиналъ также разсказывать что нибудь такое, надъ чѣмъ нельзя было не смѣяться, особенно глядя при этомъ на его почти всегда серьезное лицо. По большей части эта была дѣйствительность, изукрашенная его фантазіей. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ присутствовавшіе хохотали самымъ неудержимымъ образомъ, самъ же онъ никогда громко не смѣялся, а только изрѣдка улыбался, да и то въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда добродушно разсказывалъ что нибудь комическое про знакомыхъ или когда предметъ, о которомъ шла рѣчь, былъ незначителенъ и только забавенъ. Смѣшить — вовсе не было его цѣлью; напротивъ, онъ всегда боялся прослыть писателемъ «по смѣшной части» и даже въ разговорѣ оставался иногда недоволенъ тѣмъ, что смѣются, хотя могъ бы ужъ, кажется, привыкнуть къ этому и допускать, что нельзя не смѣяться, слушая смѣшныя вещи. Зависѣло это отъ совершенно своеобразныхъ свойствъ его разсказа и столь же своеобразнаго отношенія къ тому, о чемъ онъ говорилъ: онъ часто возмущался и негодовалъ, но въ то же время придумывалъ для предмета негодованія одно положеніе смѣшнѣе другого, и чѣмъ онъ больше останавливался на такомъ предметѣ, тѣмъ, кажется, неистощимѣе становилась его фантазія. Это было чисто личною его особенностью, чисто личнымъ оружіемъ, какъ хоботъ у слона, какъ зубы и когти у медвѣди, оружіемъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и которое пускалъ въ ходъ чисто рефлективно, хотя въ то же время и не безсознательно, а постоянно держа его подъ контролемъ и руководствомъ разума.

Онъ не могъ спокойно и хладнокровно относиться къ тому, что было безсмысленно, безсовѣстно, фальшиво, надменно, цинично, словомъ, что возмущало его чувство и не мирилось съ логикой, и сейчасъ же реагировалъ на это, какъ могъ и умѣлъ, какъ находилъ лучше и цѣлесообразнѣе. Людей и предметы, которые въ этомъ отри-

цательномъ смыслѣ обращали на себя его вниманіе, онъ всегда почти освѣщалъ со стороны совершенно неожиданной, самой прозаической, характеризовалъ ихъ необыкновенно мѣтко нѣсколькими штрихами и открывалъ въ нихъ какую нибудь новую глупость или гадость, которыхъ вы, можетъ быть, и не подозрѣвали. Къ такимъ скрытымъ и приличія ради прикрытымъ глупостямъ и гадостямъ онъ былъ особенно безпощаденъ и вытаскивалъ такихъ людей на свѣтъ, безъ всякой церемоніи, во всей ихъ наготѣ, въ наиболѣе показной и неудобной для нихъ формѣ: смотрите, молъ, какая это гадина, какая скотина! Онъ сердился при этомъ на нихъ, но до злобной вражды и ратоборства съ ними рѣдко доходилъ, а по большей части смотрѣлъ на нихъ съ извѣстной высоты общечеловѣческаго и своего личнаго достоинства. Это была, съ одной стороны, настоящая мѣра вещей, а, съ другой, если хотите, извѣстная доля душевной мягкости и художественной объективности.

Рисуя ужаснѣйшихъ злодѣевъ и негодяевъ, онъ или указывалъ причины и условія, сдѣлавшія ихъ такими, или искалъ способовъ воздѣйствія на нихъ, пробужденія въ нихъ стыда или по крайней мѣрѣ страха передъ судомъ дѣтей и потомства, вообще, вѣрилъ въ возможность просіянія злодѣйской души и не могъ понять своею человѣческою душою злодѣйства темнаго и совсѣмъ безпросвѣтнаго. Можетъ быть въ отношеніи истины и самаго взгляда на такого рода отрицательныя явленія это было неправильно, но за то это поддерживало въ немъ вѣру въ человѣческую природу и спасало отъ разочарованія.

По всей вѣроятности это и подало поводъ въ 70-хъ годахъ одному критику посмотрѣть на его смѣхъ, какъ на смѣхъ больше для смѣха, потому будто бы и не особенно обидный тѣмъ, на кого онъ направленъ. Какою это было ошибкой со стороны талантливаго критика—нечего, конечно, и говорить. Салтыковъ опровергъ это всею своею какъ прежнею, такъ и въ особенности послѣдующею дѣятельностью, опровергъ цѣлымъ рядомъ произведеній,

возбуждающихъ не смѣхъ только и совсѣмъ смѣха не возбуждающихъ. Были вещи, надъ которыми Салтыковъ не смѣялся, которыя точно подавляли его, и надъ которыми и другіе тоже не смѣялись, когда онъ о нихъ говорилъ или разсказывалъ. И такихъ вещей было не мало. Были также вещи, надъ которыми онъ не смѣялся по другимъ причинамъ, чтобы не дать оружія въ руки врагамъ, чтобы даже какъ-нибудь косвенно не поддержать реакціонныхъ усилій, или надъ которыми хоть и смѣялся въ частной бесѣдѣ, но никогда не напечаталъ о нихъ ни строчки, не смотря на то, что могъ бы создать пресмѣшныя вещи. Повторяю: смѣхъ никогда не былъ для него цѣлью, а былъ только средствомъ. Но если бы даже онъ ограничился только смѣхомъ, только приклеиваніемъ позорныхъ ярлыковъ и надѣваніемъ дурацкихъ колпаковъ на людей, которые этого заслуживали, то и это было бы ужъ большою заслугою: общественный смѣхъ есть признакъ сознанія и критическаго отношенія къ тому, что считалось дотолѣ выше какихъ бы то ни было сомнѣній, что незаслуженно пользовалось авторитетомъ и злоупотребляло имъ. Можно указать случаи, когда смѣхъ Салтыкова достигалъ именно той цѣли, какую онъ имѣлъ въ виду; можно указать также и людей, которые до самой смерти ходили, а другіе и теперь еще ходятъ и будутъ ходить съ его ярлыками.

Въ мужскомъ обществѣ и тѣмъ болѣе въ своемъ кружкѣ Салтыковъ въ выраженіяхъ не стѣснялся, и замѣчательно, что это никогда не производило дурного впечатлѣнія и не носило дурного характера, какъ у другихъ. Вотъ ужъ именно: то же слово, да не такъ молвится. Вы ясно видѣли, что говоритъ это человѣкъ несомнѣнно нравственный, который дѣлаетъ нецензурныя сравненія только потому, что такъ короче и изобразительнѣе выходитъ, что, наконецъ, самому предмету, о которомъ онъ говоритъ, наиболѣе приличествуетъ именно такая форма выраженія. Отчасти это можно видѣть и въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, гдѣ тоже попадаются иногда кое-какія сло-

вечки и положенія, соотвѣтствующія нескромному характеру и свойствамъ дѣйствующихъ лицъ, но гдѣ вы все-таки не найдете скабрезности. Салтыковъ не терпѣлъ вообще скабрезности и порнографіи, особенно въ литературѣ. Одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ «Отеч. Записокъ» (С. Н. Южаковъ) разсказываетъ о немъ, между прочимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, почему онъ однажды не принялъ повѣсть начинающаго автора, и какъ не могъ удержаться, когда тотъ пришелъ за отвѣтомъ, чтобы не сказать въ его присутствіи случившимся тутъ же сотрудникамъ: «вѣдь вотъ авторъ — совсѣмъ юноша... а мнѣ, старику, было стыдно читать его повѣсть, столько скабрезности». Скабрезность всегда его шокировала даже у извѣстныхъ писателей и въ хорошихъ произведеніяхъ.

Мы знали Салтыкова главнымъ окразомъ въ литературныхъ его отношеніяхъ, и въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, лучшею для него характеристикой можетъ служить тотъ удивительно единодушный взглядъ на него, какой высказали всѣ писавшіе о немъ сотрудники. Не могу не привести нѣсколькихъ строкъ изъ воспоминаній своихъ бывшихъ товарищей, какъ для того, чтобы показать ихъ сходство, такъ и для того, чтобы самому избѣжать повтореній.

Н. К. Михайловскій говоритъ, что Салтыковъ часто былъ рѣзокъ, раздражителенъ, несдержанъ въ выраженіяхъ и что внѣшность его только усиливала это впечатлѣніе: рѣзкая перпендикулярная складка между бровей на прекрасномъ открытомъ лбу, сильно выпуклые глаза, сурово и какъ-то непреклонно смотрѣвшіе прямо въ глаза собесѣднику, грубый голосъ, угрюмый видъ, «но иногда это суровое лицо все освѣщалось такою почти дѣтски-добродушной улыбкой, что даже люди, мало его знавшіе, но попадавшіе подъ свѣтъ этой улыбки, понимали, какая наивная и добрая душа кроется подъ его угрюмою внѣшностью. О тѣхъ, кто его близко зналъ, нечего и говорить. Онъ не могъ не поворчать въ разговорѣ съ кѣмъ бы то ни было... но всѣ знали, что это только воркотня и что

въ концѣ концовъ она ни чѣмъ не отзовется на дѣлѣ и дѣйствительныхъ отношеніяхъ... Это былъ истинно добрый человѣкъ, всегда готовый помочь нуждающемуся словомъ и дѣломъ. Мелкихъ же чувствъ мстительности, подозрительности, соперничества въ немъ не было даже самыхъ слабыхъ слѣдовъ».

А. М. Скабичевскій сообщаетъ: въ обществѣ ходили баснословные слухи о мнимыхъ суровости, жестокости и даже бранчивости, съ какими Салтыковъ будто бы обращался съ людьми не только близкими, но и совершенно незнакомыми, которыхъ въ первый разъ видѣлъ. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, начинающіе авторы, впервые являвшіеся къ нему съ своими начинаніями, сильно потрухивали и робѣли. «Но эти слухи крайне преувеличены. Дѣйствительно, его лицо носило по большей части суровое и нѣсколько даже мрачное выраженіе, и въ нервномъ голосѣ очень часто слышались ноты болѣзненной раздражительности, что могло пугать каждаго непривычнаго человѣка. Но все это не мѣшало ему быть человѣкомъ, въ сущности, крайне добрымъ, съ мягкимъ и даже нѣжнымъ сердцемъ, неспособнымъ отказывать въ чемъ-либо людямъ и, вообще, оставаться безучастнымъ къ ихъ нуждамъ». «Часто случалось, говоритъ онъ дальше, что къ нему обращались за авансомъ сотрудники, забравшіе не мало уже денегъ и потерявшіе, повидимому, всякое право на новые авансы. Салтыковъ выходилъ изъ себя въ такихъ случаяхъ. Грозный голосъ его начиналъ раздаваться по всѣмъ комнатамъ редакціи: «это невозможно!—кричалъ онъ—это чортъ знаетъ что такое!.. Мы и безъ того роздали безвозвратно до 30 тысячъ! Что же съ нами будетъ наконецъ, чѣмъ же это кончится?» и т. д. И кончалось всегда тѣмъ, что... онъ бралъ листъ бумаги и писалъ ордеръ въ контору о выдачѣ сотруднику суммы, которую тотъ просилъ». Равнымъ образомъ и состоявшіе при редакціи конторщики, метранпажи и другіе служащіе нисколько его не боялись и прямо говорили: «что намъ Михаилъ Евграфовичъ! Онъ только такъ кричитъ, а мы

его нисколько не боимся». Однажды при Скабичевскомъ онъ съ ужаснымъ гнѣвомъ напустился на ментранпажа за то, что тотъ слишкомъ скоро набралъ весь отданный въ типографію матеріалъ для книжки и явился за новымъ. — «Чего вы торопитесь, — кричалъ онъ — ѣдите вы что-ли рукописи? Ему не успѣешь дать рукопись, ужъ у него и готово. Да что вы въ недѣлю хотите набрать книжку, что-ли?... Набрали, такъ и ждите теперь, а отъ меня вы больше ничего раньше недѣли не получите, ничего!..» Понятно, что, слушая такую распеканцію, метранпажъ еле удерживался отъ смѣха, потому что она въ сущности была ему похвалою. Но Салтыковъ, дѣйствительно, сердился въ это время.

«Страхъ, который внушалъ Салтыковъ робкимъ людямъ, — говоритъ г. Скабичевскій, — происходилъ главнымъ образомъ отъ двухъ его достоинствъ: отъ крайняго прямодушія и нервнаго отвращенія ко всему фальшивому и неискреннему. Какъ только онъ видѣлъ что-либо подобное, его сейчасъ же начинало коробить, онъ не могъ не высказать человѣку въ глаза того впечатлѣнія, которое тотъ на него производилъ, и высказать со всѣмъ тѣмъ саркастическимъ остроуміемъ, которымъ онъ былъ надѣленъ. Не гнѣвъ его былъ страшенъ, а скорѣе тѣ шуточки, которыми онъ способенъ былъ уничтожить собесѣдника... Но за то если Салтыковъ усматривалъ въ человѣкѣ природный умъ, честность и искренность, онъ дѣлался съ такимъ человѣкомъ крайне мягокъ, деликатенъ, любезенъ и вполнѣ откровененъ».

Я. В. Абрамовъ также опровергаетъ разные нелѣпые слухи, ходившіе относительно Салтыкова, и говоритъ, что онъ является въ его воспоминаніяхъ «чрезвычайно мягкимъ, добрымъ и глубоко-симпатичнымъ человѣкомъ», что онъ всегда встрѣчалъ въ немъ «внимательнаго и заботливаго человѣка», интересовавшагося какъ его занятіями, такъ и «матеріальнымъ положеніемъ», и что таково же, насколько онъ могъ замѣтить, «было его отношеніе и ко всѣмъ другимъ сотрудникамъ». То же или почти то же

самое говоритъ и г. Южаковъ. То же самое, разумѣется, сказалъ бы и я, и не знаю — сказалъ-ли бы лучше, а потому посмотримъ на черты его характера, менѣе подчеркнутыя и не такъ рѣзко бросавшіяся въ глаза.

Не смотря на свою прямоту и суровость, онъ былъ въ отношеніи сотрудниковъ и людей, которыхъ зналъ или которые ему казались искренними, замѣчательно деликатенъ. Я уже указывалъ выше, какъ онъ умѣло велъ редакторское дѣло, не оскорбляя литературныхъ самолюбій, едва-ли не самыхъ болѣзненныхъ въ мірѣ, съ которыми ему приходилось постоянно встрѣчаться. А между тѣмъ въ то же время онъ всегда указывалъ людямъ ихъ ошибки и промахи, нисколько не стѣснялся высказывать непріятныя истины прямо въ глаза. Дѣлалось это, не смотря на кажущуюся внѣшнюю рѣзкость, въ такой сердечной, чисто товарищеской формѣ, что люди не обижались, а если и обижались, то чувствовали себя не вправѣ сердиться: на его сторонѣ была правда и самое задушевное доброжелательство. Человѣкъ чувствовалъ, что его не желаютъ вовсе оскорбить или какъ бы то ни было унизить, а просто говорятъ ему то, что слѣдуетъ и чего отъ другихъ онъ во вѣки вѣковъ не услышитъ и ни за какія сокровища не купитъ. Еслибы Салтыковъ оказался не правъ и кому нибудь незаслуженно причинилъ обиду, то это навѣрное долго его мучило бы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣчто подобное происходило, или когда онъ только предполагалъ, что человѣкъ могъ обидѣться, онъ всегда извинялся передъ нимъ и говорилъ: «вы пожалуйста на меня не сердитесь», «пожалуйста извините, но, право, я не хотѣлъ васъ обидѣть». Морщился онъ при этомъ, непріятно было ему сознавать свою неправоту, но тѣмъ не менѣе извинялся всегда съ самымъ чистымъ серцемъ, потому что сердце у него было дѣйствительно чистое, чуждое какихъ либо дурныхъ чувствъ противъ ближняго. Послѣ каждой горячности и крупнаго разговора онъ обыкновенно становился очень мягокъ, точно смотрѣлъ: не обидѣлъ-ли кого и не нужно-ли загладить обиду.

Въ обращеніи съ людьми Салтыковъ былъ совершенно одинаковъ, какъ бы ни была велика разница въ ихъ общественномъ положеніи: былъ-ли передъ нимъ богачъ или бѣднякъ, графъ, князь, генералъ или простой мѣщанинъ и разночинецъ въ длинныхъ сапогахъ и ситцевой рубахѣ,—со всѣми онъ говорилъ одинаково. Онъ различалъ людей только по ихъ достоинствамъ и внутреннимъ качествамъ, когда узнавалъ ихъ ближе: одни ему нравились, однихъ онъ любилъ или уважалъ и относился къ нимъ замѣчательно хорошо, другихъ, наоборотъ, совсѣмъ не уважалъ и не любилъ, и скрыть этого уже никакъ не могъ. Его такъ и тянуло или посмѣяться и сказать что-нибудь непріятное такому человѣку, или уйти отъ грѣха, уйти отъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое тотъ на него производилъ. Были нѣкоторые посѣтители и посѣтительницы, заходившіе иногда въ редакцію по какому-нибудь дѣлу, которыхъ онъ просто не выносилъ и при одномъ появленіи которыхъ сейчасъ же замолкалъ, начиналъ на нихъ коситься и всячески избѣгать разговора.— «Не угодно-ли вамъ поговорить (съ нимъ или съ нею)», «примите пожалуйста чашу сію, а я просто не могу»,— говаривалъ онъ иногда кому нибудь изъ сотрудниковъ, или начиналъ спрашивать:—«какъ вы думаете, скоро они уйдутъ?»

Не могу не разсказать, какъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣснялся возвращать рукописи. Помню,разъ черезъ меня поступила въ редакцію рукопись одной моей знакомой писательницы, человѣка очень скромнаго и малоизвѣстнаго. Это было въ самомъ началѣ моего сотрудничества въ «От. З.». Я въ то время жилъ въ Лѣсномъ и не каждый разъ бывалъ въ редакціи; а потому въ назначенный срокъ, черезъ двѣ недѣли, сказалъ знакомой, чтобы она сама зашла за отвѣтомъ. Салтыковъ никакого отвѣта ей не далъ, а сказалъ только, что желаетъ видѣть меня и что черезъ меня же и дастъ отвѣтъ. Нѣсколько дней я былъ занятъ и въ городѣ не былъ, а потому не былъ и у него. Въ воскресенье получаю отъ него

письмо: непремѣнно проситъ пріѣхать завтра въ редакцію. Пріѣзжаю, отводитъ меня въ сторону и говоритъ:

— Послушайте, должно быть эта ваша знакомая—очень хорошій человѣкъ. Это по разсказу видно, но что дѣлать: разсказъ-то вѣдь плохъ, не по мысли, а въ литературномъ отношеніи. Она тутъ была въ прошлый понедѣльникъ. Отказать—языкъ не поворачивается: можетъ быть она нуждается и надѣялась на эту работу: въ разсказѣ у нея такое знакомство съ нуждой, что вѣрно она сама ее испытала или испытываетъ... А, съ другой стороны, и намъ тоже какъ-то неловко слабыя вещи принимать. У насъ ихъ и безъ того достаточно. Сдѣлайте для меня такое одолженіе: снимите съ меня эту тягость и скажите ей объ этомъ какъ-нибудь такъ, чтобы она не обидѣлась. Когда знаешь человѣка, то это какъ-то лучше выходитъ. А если ей деньги нужны, то можно будетъ выдать: что нибудь другое напишетъ, можетъ быть удачнѣе выйдетъ.

Вспоминаю также случай деликатности со мною, тоже отчасти касавшійся денежнаго вопроса. Вышла разъ на меня проруха: написалъ я рецензію о сочиненіи Чичерина о нѣмецкихъ соціалистахъ—К. Марксѣ и Лассалѣ. Рецензія эта, не смотря на то, что была чисто теоретическою, не понравилась въ цензурѣ.... Прошло года три или четыре, Чичеринъ какъ-то опять проявился на московскомъ небосклонѣ съ вышеуказаннымъ сочиненіемъ и кандидатурою на должность московскаго городского головы, а я, не прельщаясь надѣлавшею тогда эфекта его рѣчью, расширилъ свою рецензію въ статью и пустилъ ее подъ другимъ названіемъ, надѣясь, что черезъ такое значительное время она пройдетъ. Книжка была послана въ цензуру и срокъ ей истекалъ, по обыкновенію, къ редакціонному дню, какъ это приноравливалось для удобства раздачи гонорара и новыхъ книжекъ сотрудникамъ и для соображенія матеріала, имѣющаго войти въ слѣдующую книжку. Прихожу я въ редакцію, ничего не подозрѣвая; Салтыковъ любезенъ,

какъ-то даже особенно ласковъ и говоритъ, что книжка вышла; тоже повторяютъ и другіе; тоже говоритъ и конторщикъ, раздавая деньги сотрудникамъ.— «Получите — говоритъ — и вы». Я получилъ сколько причиталось и росписался. Спрашиваю: а гдѣ же книжка, нельзя ли получить экземпляръ?— «Сейчасъ, говоритъ—ее принесутъ». Затѣмъ посидѣли нѣкоторое время, поговорили о текущихъ дѣлахъ, приходили посѣтители, словомъ все шло своимъ чередомъ, и я ничего не замѣчалъ. Наконецъ Салтыковъ распрощался и уѣхалъ, а какъ только онъ уѣхалъ, такъ вдругъ откуда-то появилась и книжка. Смотрю, моей статьи въ ней нѣтъ.... Салтыковъ, не желая меня огорчать или, лучше сказать, видѣть моего огорченія, просилъ всѣхъ не говорить мнѣ объ этомъ, пока онъ не уйдетъ изъ редакціи. Онъ по себѣ зналъ, насколько это огорчительно, а съ другой стороны и статья ему нравилась. Мнѣ дѣйствительно было очень непріятно и жаль статью, а затѣмъ и положеніе мое относительно гонорара вышло довольно неловкимъ: я уже получилъ разъ деньги за исключенную рецензію, а теперь вторично получалъ въ сущности за ту же самую работу, которая также не пригодилась журналу. Выходило такъ, какъ будто я обладаю какой-то сказочной цѣнностью, которая другому не дается и постоянно ко мнѣ же возвращается. Къ тому же, денежное мое положеніе было вовсе не плохимъ: кромѣ платы за статьи, я получалъ еще отъ редакціи хорошее жалованье. Видя, что конторщикъ уже ушелъ, я, когда возвращался домой, зашелъ въ контору и предложилъ ему деньги обратно, но получилъ въ отвѣтъ, что онъ сдѣлать этого никакъ не можетъ, потому что Салтыковъ приказалъ не брать отъ меня денегъ: — «не велѣлъ—говоритъ—сказывать вамъ, что статья исключена и книжку не велѣлъ показывать, покуда денегъ не получите, а потомъ денегъ назадъ не велѣлъ брать». Значитъ, онъ и тутъ уже распорядился. Говорилъ я ему потомъ объ этомъ раза два, но онъ и слушать не хотѣлъ, повторяя только одно: «ахъ, какъ это скучно, право. Вѣдь и

во второй разъ вы работали надъ статьею, не сама же она написалась, слѣдовательно не о чемъ тутъ и говорить; если же не хотите брать денегъ или у васъ ихъ такъ много, что некуда дѣвать, такъ отдайте кому-нибудь». Положеніе мое въ данномъ случаѣ было впрочемъ вовсе не исключительнымъ: всѣ статьи, разъ принятыя редакціей, оплачивались, хотя бы почему-нибудь—по независящимъ или инымъ причинамъ—и не были напечатаны.

Вообще, въ денежныхъ вопросахъ и дѣлахъ съ пишущею братіею Салтыковъ былъ гораздо болѣе щедръ, чѣмъ это могло показаться по скромности его личныхъ потребностей и тѣмъ случаямъ, когда онъ начиналъ ворчать при выдачѣ нѣкоторыхъ авансовъ. Онъ при этомъ легко могъ производить впечатлѣніе человѣка скупого и прижимистаго, и относительно непроизводительныхъ тратъ, предметовъ роскоши и безтолковаго разбрасыванія и раздачи денегъ дѣйствительно былъ прижимистъ. Не походилъ онъ также и на поэта, живущаго постоянно въ эмпиреяхъ и не знающаго счета въ деньгахъ. Онъ былъ просто, по крестьянски, домовитымъ человѣкомъ, желалъ, чтобы трудъ его не пропадалъ, чтобы въ домѣ у него былъ достатокъ, чтобы ни отъ кого ему не зависѣть и никому не кланяться, чтобы и самому въ старости не нуждаться и умереть съ увѣренностью, что и семья тоже не будетъ нуждаться. И все это на почвѣ труда, энергіи и бережливости. Желалъ онъ того же и другимъ, и мало того, что желалъ, а считалъ это даже необходимымъ для каждаго и безпокоился, когда кому нибудь не удавалось достигнуть хоть самаго небольшого довольства, или сердился, когда видѣлъ, что человѣкъ живетъ безтолково и не думаетъ о будущемъ. Онъ постоянно выдавалъ авансы, и авансы значительные; мало того, самъ даже предлагалъ иногда денегъ, когда узнавалъ, что люди нуждаются, и предлагалъ людямъ, которыхъ мало зналъ, лишь бы только они были писателями и изъ писаній ихъ было видно, что они люди порядочные.

Я только что указалъ одинъ такой примѣръ отно-

сительно знакомой моей писательницы, хотя она предложеніемъ и не воспользовалась. Другой такой же примѣръ разсказываетъ г. Абрамовъ про себя: Салтыковъ совсѣмъ его еще не зналъ и въ первый разъ видѣлъ (только одна первая статья его тогда была напечатана въ «От Зап.»), а между тѣмъ, узнавъ изъ разговора, что онъ ѣдетъ съ небольшою суммою въ дальнюю дорогу, самъ предложилъ ему «порядочный авансъ», какой тотъ самъ назначилъ. Навѣрное были и можно припомнить еще подобные же случаи. Г. Абрамовъ совершенно вѣрно говоритъ, что если не всѣ, то почти всѣ сотрудники «прибѣгали постоянно къ этимъ авансамъ, а нѣкоторые такъ и не выходили изъ долговъ», что «кажется, не проходило редакціоннаго дня безъ того, чтобы кто-нибудь не обращался за авансомъ» и что «отказа никогда не было». Салтыковъ не любилъ только безконечныхъ авансовъ, какъ называлъ онъ тѣ случаи, когда человѣкъ, не давая долго статей, чуть ли не каждый мѣсяцъ атаковалъ его просьбами, и не любилъ также слишкомъ маленькихъ выдачъ, которыя только усложняли счеты. Арендуя «От. Зап.», онъ могъ бы получать отъ изданія гораздо больше, еслибы, подобно другимъ издателямъ, меньше думалъ объ интересахъ пишущихъ. Онъ всегда порицалъ маленькіе гононары, существующіе въ нѣкоторыхъ изданіяхъ для людей начинающихъ и малоизвѣстныхъ, и всегда назначалъ плату не низшую, а высшую, чѣмъ въ другихъ журналахъ, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, плата эта повышалась. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гонорары «От. Зап.» достигали очень большихъ размѣровъ. Нѣкоторые сотрудники получали больше, чѣмъ Салтыковъ: я помню время, когда ему расчетъ производился по 200 р. за листъ, а другіе получали по 250 р. Потомъ это сравнялось. Случайныя статьи извѣстныхъ писателей также иногда оплачивались дороже. Въ числѣ сотрудниковъ всегда было нѣсколько человѣкъ, которые получали постоянное жалованье. Въ случаѣ болѣзни или какихъ-либо житейскихъ передрягъ жалованье это сохранялось долго за ними или выдавалось

ихъ семьямъ. Долги сотрудниковъ, когда ихъ положеніе было плохо, постоянно смарывались. Когда «Отечественныя Записки» закрылись, то многіе оказались должными журналу, и всѣ эти долги были уничтожены; кромѣ того почти всѣ, кто постоянно работалъ для журнала и жилъ текущею работою, получили по нѣскольку сотъ рублей, что̀ дало имъ возможность перебиться до пріисканія новой работы.

Въ домашней жизни Салтыковъ былъ замѣчательно заботливымъ семьяниномъ и нѣжнымъ отцомъ, хотя тоже часто ворчалъ и на жену, и на дѣтей. Отношеніе его къ семьѣ отлично обрисовывается въ коротенькомъ предсмертномъ письмѣ къ сыну. Вотъ полный текстъ этого письма:

„Милый Костя, такъ какъ я каждый день могу умереть, то вотъ тебѣ мой завѣтъ: люби мать и береги ее; внушай то же и сестрѣ. Помни, что ежели вы не сбережете ее, то вся семья распадется, потому что до совершеннолѣтія вашего еще очень-очень далеко. Старайся хорошо учиться и будь безусловно честенъ въ жизни. Вотъ все. Любящій тебя отецъ. Еще: паче-всего люби родную литературу, и званіе литератора предпочитай всякому другому“.

Въ письмѣ къ В. И. Лихачеву, вскрытомъ послѣ смерти, но приготовленномъ еще въ октябрѣ 1887 года, когда, вслѣдствіе усилившихся припадковъ болѣзни, Салтыковъ почувствовалъ, вѣроятно, что смерть была недалеко, также съ замѣчательною заботливостью и предусмотрительностью говорится о семьѣ и дѣтяхъ. Онъ проситъ В. И. Лихачева, какъ «будущаго попечителя» дѣтей, оградить ихъ отъ всякихъ случайностей, высказываетъ желаніе, чтобы сынъ, по выходѣ изъ лицея, поступилъ на службу, предусматриваетъ даже такія подробности, какъ устройство ему каникулъ, въ томъ случаѣ, если семьѣ понадобится лѣтомъ отправиться за границу, и говоритъ въ заключеніе: «вообще, я умоляю обратить вниманіе на мою семью». Выдержки изъ этого письма приведены въ матеріалахъ для его біографіи, собранныхъ К. К. Арсеньевымъ.

Не менѣе интересны также письма его къ дѣтямъ, писанныя весной и лѣтомъ 1880 и 1881 гг., когда они

съ матерью были за границей, а онъ оставался временно въ Петербургѣ. Сыну его въ 1880 г. было около 9 лѣтъ, дочери — около 7.

„Доношу вамъ, говорится въ письмѣ отъ 12 мая, 1880 г.,— что безъ васъ скучно и пусто. Когда вы были тутъ, то бѣгали и прятались въ моей комнатѣ, а теперь такая тишина, что страшно. И еще доношу, что куклы ваши здоровы и въ цѣлости. Имъ тоже скучно, что никто ихъ не ломаетъ. А еще доношу, что сегодня Арапка (только что оперившаяся канарейка), когда я вошелъ въ игральную, сѣлъ сначала мнѣ на плечо, а потомъ забрался на голову, и не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ уже сходилъ. Вотъ такъ сюрпризъ. Что же касается до Крылатки, то она еще совсѣмъ голенькая, но мать начинаетъ уже летать отъ нея. Ни конфектъ, ни апельсиновъ послѣ вашего отъѣзда въ Петербургѣ ужъ нѣтъ; всѣ уѣхали слѣдомъ за вами въ Баденъ. Я думаю, что вы ужъ возобновили съ ними знакомство. Будьте умники и учитесь. Пишите ко мнѣ что вздумается, но непремѣнно пишите. Я буду прятать ваши письма, и когда вы будете большіе, мы станемъ вмѣстѣ ихъ перечитывать. Цѣлую васъ обоихъ крѣпко-на-крѣпко. Какъ только можно будетъ, прилечу. Не забывайте папу“.

Въ другихъ письмахъ Салтыковъ пишетъ:

„Дѣла наши въ томъ же положеніи. Куколка лежитъ въ кроваткѣ и почиваетъ; Арапка летаетъ совсѣмъ какъ большой; Бенка (отецъ канареечнаго семейства) обходится съ нимъ совсѣмъ какъ съ товарищемъ... А я все кашляю, и все на старый манеръ, даже новаго ничего выдумать не могу. И скучно мнѣ очень, что не слышу больше вашего дѣтскаго милаго шума“ (17 мая, 1880 г.). „Совѣтую тебѣ (дочери) писать по линейкамъ. Ты еще маленькая, и надо привыкать писать прямо. Попроси маму, чтобы она васъ по нѣмецки говорить пріучала: теперь вы легко научитесь, а потомъ будетъ очень трудно. Я всѣ дни сижу дома и скучаю. И дѣлать ничего не хочется. Птицы тоже скучаютъ безъ васъ и одичали. Арапка совсѣмъ дикій сдѣлался и даже не ночуетъ въ клѣткѣ, а забирается на карнизъ на печку“ (20 мая, 80 г.). „Имѣю честь доложить вамъ, что Крылатка вышелъ изъ гнѣзда, а мадамъ (канарейка—мать) опять начала нести яйца. Крылатка — премиленькій, весь въ Бенку: желтенькій, съ сѣрымъ хохолкомъ и сѣрыми крылышками. Лизина кукла все почиваетъ; никакъ разбудить нельзя“ (80 г., безъ числа)... „Костя! пересталъ ли ты вертѣться? Смотри, пріѣду, увижу, что ты вертишься и заплачу. Мадамъ уже три дня какъ сидитъ на яйцахъ, но сколько яицъ—не знаю, потому что какъ ни придешь, а она все си-

дитъ. Скучно она, бѣдная, лѣто проводитъ" (безъ числа же, 80 г.). „Сегодня madame вывела одного маленькаго, а другое яйцо еще цѣло. Какъ назвать новорожденнаго?.. Коверъ твоей куклы, Лиза, цѣлъ и спрятанъ отъ моли; ты можешь быть спокойна. Я очень радъ, что ты мнѣ сама, безъ диктовки, пишешь. Такъ и впередъ дѣлай. Мнѣ хочется знать, что ты думаешь" (9 іюня, 80 г.). „Я скоро пріѣду и буду часа полтора каждый день читать и заниматься съ вами. Вижу, что вы извольничались безъ меня и никто васъ не наказываетъ. А я буду съ вами ходить и покупать ягоды и шоколадъ пить—вотъ и наказанье"... „Объ какихъ куклахъ вы мнѣ пишете? Какія я могу вамъ привести отсюда—не лучше ли купить тамъ или въ Парижѣ, гдѣ куклы красивѣе и дешевле. Я думаю, что вы и сами, подумавши, согласитесъ съ этимъ. Лиза! ты хоть и не поцѣловала меня въ письмѣ, но я знаю, что это не нарочно случилось и что ты непремѣнно сейчасъ же объ этомъ вспомнила и мысленно поцѣловала меня. И я тебя, дружокъ, крѣпко цѣлую". (безъ числа, 80 г.).

Остальныя письма относятся къ 1881 году. Въ одномъ изъ нихъ, отъ 22 мая, Салтыковъ обращаетъ вниманіе сына на почеркъ:

„Буквы у тебя выходятъ пузатенькія, съ ножками и рожками. Надо получше писать, потому что члену литературнаго фонда безъ этого стыдно глаза въ свѣтъ показать. Лиза гораздо пріятнѣе пишетъ и надо ее догонять. Очень я радъ, голубчики что вамъ хорошо живется. Гуляйте и пользуйтесь случаемъ, чтобы по нѣмецки научиться. Научитесь — будете родителей за границей выручать, потому что родители ваши по нѣмецки не мастера говорить. А мнѣ здѣсь очень скучно; цѣлые дни на своемъ мѣстѣ сижу и все молчу или кашляю".

Въ двухъ другихъ письмахъ разсказывается дѣтямъ сказка о похожденіяхъ канареекъ—Бепки, поступившаго въ гимназію, Арапки, вышедшей замужъ за чижа, и т. д.

Въ перепискѣ этой достаточно видна душевная нѣжность Салтыкова, которой многіе конечно и не подозрѣвали въ такомъ мрачномъ и суровомъ на видъ ворчунѣ. Онъ не только былъ нѣжный отецъ, но еще и баловникъ, дѣлавшій такія вещи, какихъ другіе отцы не дѣлаютъ, напр. шалости маленькаго сына, бывшаго сначала въ гимназіи, сплошь и рядомъ находили въ немъ защитника, а гимназическое начальство порицалось за мелочность и придирчивость; или, напр., затрудняется дочь въ

сочиненіяхъ, и онъ вдругъ самъ пишетъ ей сочиненіе и получаетъ она за это сочиненіе плохой баллъ.

Я. В. Абрамовъ разсказываетъ «въ Недѣлѣ» (№ 19, 1889 г.), какъ онъ однажды былъ у него съ покойнымъ А. Я. Гердомъ, директоромъ женской гимназіи, въ которой училась его дочь, и какъ онъ, когда кончился разговоръ о сборникѣ въ память Гаршина, о которомъ они приходили поговорить, началъ добродушно подсмѣиваться надъ преподаваніемъ въ этой гимназіи русскаго языка и исторіи: «Какія у нихъ тамъ темы для сочиненій даются»,—говорилъ онъ, кивая на Герда,—«не угодно ли написать сочиненіе о пустынѣ и морѣ! Да ни одна изъ ученицъ не видѣла отродясь никакой пустыни, а вмѣсто моря видѣла только Маркизову лужу (устье Невы)—вотъ и сочиняй. А то не угодно ли описать Аничковъ мостъ!» И Салтыковъ разсказалъ анекдотъ, какъ будто бы ученицы цѣлаго класса явились на Аничковъ мостъ изучать его для сочиненія и смутили этимъ стоявшихъ у моста городовыхъ. «Я самъ уже попробовалъ написать сочиненіе для вашего свирѣпаго учителя,—продолжалъ Салтыковъ обращаясь къ Герду,—и ничего, слава Богу, получилъ за свое сочиненіе тройку!» Учителя исторіи Гердъ взялъ подъ свою защиту и вступилъ въ горячій споръ о цѣляхъ преподаванія исторіи, но кончилось тѣмъ, что Гердъ ушелъ въ полномъ восторгѣ отъ Салтыкова и съ увлеченіемъ разсказывалъ потомъ о своемъ свиданіи съ нимъ.

VI.

Салтыковъ, какъ мірской человѣкъ.

Товарищеская складка. — Редакціонныя собранія. — Заботливость относительно „своихъ“ и радость за ихъ успѣхи. — Случай съ иногороднимъ сотрудникомъ. Отношеніе къ слабѣющимъ литературнымъ силамъ. - Работа за троихъ. — Чувство одиночества. — Два слова о „міросозерцаніи“ Салтыкова. — Можно-ли было его обвинить въ неотзывчивости. — Скромность его домашней жизни. — Несправедливые нападки на Салтыкова проницательныхъ читателей.

Въ заключеніе мнѣ хочется отмѣтить одну чисто народную черту характера Салтыкова: онъ былъ артельнымъ, мірскимъ человѣкомъ, не въ смыслѣ мірского времяпрепровожденія или какихъ-либо развлеченій, совершенно для него чуждыхъ, а въ смыслѣ склонности жить и дѣйствовать артелью, міромъ, постоянно принимать близко къ сердцу общественные интересы. Это типъ на Руси вполнѣ опредѣленный и сохранившійся еще до сихъ поръ: изъ него выходятъ порицатели общественной неправды и пороковъ, ходоки, заступники и вообще радѣтели о мірѣ, личная жизнь которыхъ неразрывно соединяется съ мірскою, которые не мыслимы безъ міра такъ-же, какъ растеніе безъ земли и птица безъ воздуха. У него и обличье было чисто русское: схожія лица встрѣчаются и среди помѣщиковъ, и у крестьянъ сѣверныхъ губерній; только такого прекраснаго выраженія глазъ не скоро найдешь. По первому внѣшнему впечатлѣнію онъ легко могъ показаться нелюдимомъ, но чѣмъ больше вы его узнавали и ближе къ нему присматривались, тѣмъ для васъ становилось оче-

виднѣе, что въ немъ сильно развито общественное чувство, что онъ именно не мыслимъ безъ міра, что его даже нельзя представить себѣ въ одиночку: прежде всего безъ извѣстнаго кружка близкихъ людей одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, затѣмъ безъ извѣстнаго круга читателей, который служилъ мысленнымъ продолженіемъ этого кружка и который онъ постоянно имѣлъ въ виду, и наконецъ безъ заботъ объ общественномъ благѣ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Заботы объ общественныхъ интересахъ достаточно видны изъ его произведеній, изъ которыхъ каждое имѣло общественное значеніе; но немногимъ конечно извѣстно, насколько въ непосредственныхъ, литературныхъ отношеніяхъ Салтыковъ былъ заботливымъ, вѣрнымъ и прекраснымъ товарищемъ, насколько мало стремился онъ преобладать, властвовать и подчинять себѣ людей и насколько самъ умѣлъ подчиняться, насколько заботился объ единодушіи и общемъ тонѣ работъ, насколько расположеніе его къ людямъ, съ которыми свела его судьба, было прочно и насколько онъ дорожилъ ими и цѣнилъ ихъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ даже нѣсколько пересаливалъ, какъ зачастую пересаливаютъ (что впрочемъ совершенно естественно) всѣ вообще общественники, артельщики и даже люди политическихъ партій, считающіе дороже и выше всего свою общину, свой монастырь, свою ближайшую среду и относящіеся къ остальному міру, если не съ предубѣжденіемъ раскольниковъ, то во всякомъ случаѣ какъ къ чему-то чужому: это вотъ свои, а то чужіе; это нашъ, а то чужанинъ. Нашъ можетъ быть и съ нѣкоторымъ изъяномъ, да молодецъ и человѣкъ вѣрный, а тотъ—кто его знаетъ, что такое, можетъ быть и нѣчто хорошее, а можетъ быть и плохое.

Какъ умнаго человѣка, это не приводило его къ крайности, къ заключенію, что только и свѣта въ окошкѣ, что у насъ; напротивъ, онъ часто порицалъ свое, отлично зналъ его слабыя стороны и всегда стремился привлечь къ журналу все новое, маломальски даровитое и чест-

ное, признавалъ порядочность и заслуги другихъ, какъ на литературномъ, такъ и на иныхъ поприщахъ, извинялъ и тамъ ошибки и слабости, лишь бы только не было неискренности, лжи, ренегатства и вилянья хвостомъ ради какихъ-либо низменныхъ цѣлей и выгодъ, но отношеніе къ своему все-таки было несомнѣнно предпочтительное передъ постороннимъ. За своихъ онъ всегда готовъ былъ постоять, а сознаніе, что и со своими можно постоять за общія убѣжденія доставляло ему большое удовольствіе. Къ постороннимъ людямъ онъ вообще относился какъ-то искоса, если можно такъ выразиться: не любилъ, напр., когда посѣтители, приходя въ редакцію, долго засиживались и разговаривали. Вообще, стороннихъ онъ не жаловалъ и, наоборотъ, очень любилъ, чтобы сотрудники «От. Зап.» всегда приходили, и чѣмъ больше собирался кружокъ, тѣмъ онъ становился довольнѣе и одушевленнѣе. Какъ только кого-нибудь не доставала, такъ сейчасъ же начинались вопросы: почему не пришелъ, здоровъ ли и т. д., а когда замѣчалъ, что человѣкъ какъ будто уклоняется отъ посѣщеній, то всегда узнавалъ: не разсердился ли онъ и не обидился ли на что нибудь. Я какъ сейчасъ слышу его слова: «Отчего вы прошлый разъ не были? Что же это мы всѣ врозь будемъ писать .. право, разъ въ недѣлю не трудно ходить». А еслибы кто нибудь изъ постоянныхъ сотрудниковъ, участвовавшихъ въ чтеніи рукописей и въ текущихъ отдѣлахъ, вздумалъ не ходить, то тутъ навѣрное была бы цѣлая исторія, и Салтыковъ и самъ замучился бы, и его замучилъ бы вопросами, записками, объясненіями, а въ концѣ концовъ, вѣроятно, поссорился бы. Его безпокоило уже то, когда кто нибудь изъ сотрудниковъ переѣзжалъ жить изъ Петербурга куда-нибудь въ провинцію, даже въ какое нибудь изъ ближайшихъ петербургскихъ предмѣстій, вродѣ Лѣсного. По его мнѣнію, настоящій писатель долженъ жить въ Петербургѣ, потому что, живя въ провинціи, нельзя принимать такъ близко къ сердцу происходящихъ явленій.

— Это, говорилъ онъ, ужъ я по себѣ знаю; да и по другимъ тоже: вотъ X живетъ въ деревнѣ—много онъ пишетъ? А Z, какъ переѣхалъ въ деревню, такъ чортъ знаетъ что сталъ писать.

Ему просто было нужно, чтобы всѣ собирались, говорили, совѣтывались, чтобы онъ видѣлъ, что журналъ есть общее и близкое всѣмъ дѣло. Въ отрывкахъ изъ его писемъ къ Н. К. Михайловскому, напечатанныхъ въ «Русской Мысли», не мало фактовъ глубокой его привязанности къ журналу и заботливости о сотрудникахъ; обо всѣхъ онъ думаетъ, неудачниковъ жалѣетъ, говоритъ о важности работы въ общемъ тонѣ и въ своемъ мѣстѣ, а по поводу неодобреннаго имъ полемическаго фельетона одного изъ сотрудниковъ высказываетъ, что «подобные шаги должны быть рѣшаемы сообща, чтобы можно было и впослѣдствіи поддержать полемику, а не отступать», и т. д.

Послѣ его смерти одинъ мало знавшій его писатель высказалъ, что онъ будто бы имѣлъ привычку обо всѣхъ заглазно дурно отзываться. Это неправда. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ привычку на многихъ ворчать (въ томъ числѣ и на себя), по поводамъ иногда самымъ незначительвымъ, но и въ глаза, и за глаза всегда высказывалъ одно и то же, хотя можетъ быть и не въ одинаковыхъ выраженіяхъ, причемъ сплошь и рядомъ въ глаза высказывался гораздо рѣзче, потому что терялъ самообладаніе. Мнѣ приходилось слышать его воркотню чуть ли не обо всѣхъ и каждомъ изъ сотрудниковъ, но я положительно не помню случая, когда дѣло касалось бы чьей-нибудь чести и добраго имени.

Вы сейчасъ же чувствовали, что это вовсе не злословіе, а скорѣе доброжелательство и забота объ общемъ литературномъ интересѣ, что это только слишкомъ строгая точка зрѣнія и нервное отношеніе къ тому, что онъ не нелюбитъ, а именно любитъ и считаетъ своимъ. Дурно отзывался онъ только о тѣхъ, кто этого заслуживалъ, но въ большинствѣ случаевъ онъ уже не могъ спокойно видѣть и говорить съ такими людьми или только съ вели-

кимъ трудомъ выносилъ ихъ. Въ воркотнѣ же его противъ своихъ я никогда не могъ усмотрѣть обиды: то онъ начнетъ, по поводу неакуратности и небрежности работъ, увѣрять, что «у насъ все пишутъ загадочныя, поэтическія натуры», то про сотрудника, путающаго свои денежные счеты, начнетъ говорить: «это у насъ министръ финансовъ», и т. д.

За то рѣдко, бывало, кто такъ скоро замѣтитъ, какъ онъ, когда кто нибудь въ редакціонные дни былъ скученъ или просто не въ своей тарелкѣ. По большей части прямо онъ объ этомъ не спроситъ, точно стыдится показаться экспансивнымъ или боится неделикатности вмѣшательства, а кого нибудь другого непремѣнно спроситъ: «скажите пожалуйста, что это N такой скучный,—боленъ онъ что ли? А какъ дѣла его?» Вообще, войти въ положеніе человѣка, понять это положеніе и отнестись къ нему сочувственно—было для него положительно какою-то потребностью. Иногда думаешь, что онъ останется безучастнымъ, а онъ тутъ-то именно и распахнетъ свою душу. Иногда думаешь, что онъ разсердился, а онъ тутъ-то именно и покажетъ себя настоящимъ человѣкомъ. А какое искреннее удовольствіе доставляла ему каждая написанная кѣмъ нибудь хорошая работа: какія восторженные отзывы дѣлалъ онъ, напримѣръ, объ «Устояхъ» Златовратскаго, которые ему очень нравились, о «Власти земли» Успенскаго, не смотря на то, что съ нѣкоторыми конечными его заключеніями былъ не согласенъ. Онъ положительно становился даже какъ-то гордъ въ такія минуты, гордостью чисто общественною: «дескать, все-таки мы впереди», хотя преобладающимъ чувствомъ было конечно не это, а чисто художественное и идейное удовольствіе, какое онъ получалъ. За то какъ онъ оставался недоволенъ, когда кто-нибудь изъ сотрудниковъ отдавалъ статью и появлялся въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ». Это было для него настоящею обидою, особенно если онъ дорожилъ сотрудникомъ: «зачѣмъ да почему, если недоволенъ чѣмъ, то отчего не сказать? какъ это идти въ чужое мѣсто, да что про насъ

скажутъ? Скажутъ, что мы разгоняемъ людей» и т. д. Случалось это впрочемъ довольно рѣдко, такъ какъ всѣ знали, насколько это Салтыкову непріятно.

Въ «Отеч. Запискахъ» было нѣсколько человѣкъ провинціальныхъ и иногородныхъ сотрудниковъ, которыхъ мы и въ глаза не видали и съ которыми велъ переписку и сношенія онъ самъ. Это были преимущественно беллетристы и этнографы, писавшіе не постоянно, а отъ времени до времени присылавшіе свои разсказы, повѣсти и очерки. И ими тоже Салтыковъ очень дорожилъ, что можно видѣть изъ той аккуратности, съ какою онъ извѣщалъ ихъ о полученіи рукописей, когда онѣ пойдутъ, что въ нихъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, измѣнить, и т. д. и постоянно старался удержать ихъ въ журналѣ. Помню, какъ одинъ изъ этихъ сотрудниковъ разъ огорчилъ его: онъ ему только что написалъ, что прибавляетъ ему полистную плату,—(вмѣсто 75 р.—100 р.),—а тотъ, до тѣхъ поръ ничего не говорившій о высшей платѣ, написалъ, что желаетъ получать по 130 р. за листъ. Позвалъ меня М. Е. къ себѣ и разсказалъ и о своемъ неудовольствіи, и о невозможности исполнить такое требованіе.

— Очень это мнѣ непріятно, говорилъ онъ: молодой еще человѣкъ, у насъ же началъ писать, мы же съ нимъ возимся, а онъ какъ на лавку какую-то смотритъ: дескать, сами прибавили, такъ и еще прибавите. Да мы наконецъ и не можемъ всѣмъ столько платить. Въ исключительное же положеніе, право, его ставить нельзя: конечно онъ не дурно пишетъ, но такъ пишутъ всѣ; тогда придется и другимъ прибавлять...

Я сказалъ, что и на меня этотъ случай производитъ также непріятное впечатлѣніе и что я вообще привилегированныхъ платъ и положеній не люблю.

— Ну, я очень радъ, что не одинъ я такъ смотрю, сказалъ Салтыковъ прощаясь.

Но каково-же было мое удивленіе, когда въ первый же редакціонный день я услышалъ отъ него:

— А, знаете, я написалъ X, что согласенъ на его при-

бавку: пусть по его будетъ. Не ловко какъ-то: можетъ быть у него какіе нибудь расчеты съ этимъ связаны.

Никто не долженъ былъ уходить, пока не расходился во взглядахъ съ журналомъ.

Нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ были людьми не особенно даровитыми, и Салтыковъ возился съ ними, исправлялъ ихъ рукописи, подкрашивалъ, но никогда не отказывалъ, точно по пословицѣ: «чѣмъ дитя несчастнѣе, тѣмъ матери милѣе». Не менѣе интересно также его отношеніе къ писателямъ слабѣющимъ. Это одинъ изъ драматическихъ моментовъ въ писательской жизни: вслѣдствіе возраста, или какихъ-либо другихъ внутреннихъ причинъ, иногда только временныхъ, человѣкъ вдругъ начинаетъ утрачивать интересъ, живость мысли и впечатлительности, начинаетъ писать мало или вяло и шаблонно, точно лапти плести. Это состояніе характеризуется выраженіями: «сталъ исписываться», «сталъ слабѣть», «не можетъ идти въ уровень съ жизнью» и т. п.; но опредѣленія эти сплошь и рядомъ бываютъ ошибочны: человѣкъ иногда нисколько не старѣетъ и не слабѣетъ, а просто устаетъ работать, или переживаетъ какой-нибудь временный душевный процессъ. Но какъ-бы тамъ ни было, а сотрудники болѣе живые и энергичные выдвигаются въ это время впередъ, начинаютъ больше работать, разбирать темы и вообще дѣйствовать, а тотъ понемногу отстаетъ и переходитъ въ задніе ряды. На моей памяти были такіе примѣры, и Салтыковъ сейчасъ же это замѣтитъ, ободритъ человѣка, придумаетъ или попроситъ другихъ пріискать ему работу, такъ что тотъ иной разъ и не подозрѣваетъ, кто о немъ думаетъ, и, смотришь, человѣкъ опять входитъ въ колею и начинаетъ работать нисколько не хуже прежняго, да и не хуже другихъ.

Я не могу сказать, чтобы я пользовался какимъ нибудь особеннымъ расположеніемъ М. Е., я былъ простымъ рядовымъ сотрудникомъ, и потому-то—тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ могу утверждать, что отношенія эти были больше чѣмъ обыкновенными дѣловыми хорошими отно-

шеніями, что это были именно отношенія мірскія, когда вы чувствовали, что составляете часть чего-то цѣлаго, на что можете опираться, и сознавали, что васъ не вышвырнутъ въ одинъ прекрасный день, какъ изъ машины винтъ негодный, на улицу. Случались конечно между Салтыковымъ и нами, сотрудниками, недоразумѣнія и пререканія, но все это необыкновенно скоро кончалось, и если ему принадлежало начало неудовольствія, то въ большинствѣ случаевъ ему-же принадлежалъ и конецъ: онъ говорилъ при первомъ же случаѣ или даже нарочно ѣхалъ къ обидѣвшемуся и говорилъ, что «такъ и жить нельзя, если ничего сказать нельзя», и совершенно забывалъ о своемъ недовольствѣ, забывалъ дѣйствительно безъ остатка, такъ что недоразумѣнія эти были чисто домашними и никакихъ послѣдствій не имѣли. Вообще, нужно правду сказать, мы тяготились слушать его воркотню, обижались за его порою рѣзкое слово, за которымъ не было дурного чувства и которое только выражалось въ рѣзкой формѣ, не принимали въ соображеніе его нервности, болѣзненности и огромныхъ трудовъ, которые на немъ лежали. Положимъ, что онъ самъ ихъ на себя накладывалъ, но мы все таки гораздо меньше его работали и гораздо больше жили другою жизнью. Мы стѣснялись ходить къ нему, а вслѣдствіе этого онъ часто чувствовалъ себя одинокимъ, и это его ужасно обижало и причиняло ему нравственную боль.—«Я одинъ, всѣ меня забыли, никто ко мнѣ не ходитъ, или ходятъ только по дѣлу»,—вотъ его постоянныя жалобы въ послѣдніе годы. Одинъ-же жить онъ положительно не могъ; онъ не только не любилъ единолично рѣшать разные общіе вопросы, но ему просто необходимо было съ кѣмъ нибудь предварительно поговорить и посовѣтоваться: «Если вамъ не о чемъ совѣтоваться, если вы все такъ счастливо рѣшаете, то мнѣ нуженъ совѣтъ». Прежде онъ всегда и больше всего совѣтовался съ Г. З. Елисеевымъ. Кажется, было достаточно и одного такого опытнаго и дальновиднаго совѣтчика, но онъ въ то же время совѣтовался также и съ Н. К.

Михайловскимъ, заступившимъ мѣсто Некрасова; но и этимъ не довольствовался, а совѣтовался и съ другими. Обычная его фраза: «какъ вы думаете, а?» всѣмъ вѣроятно памятна. Когда Елисеевъ заболѣлъ въ 1881 году и долженъ былъ на долго отправиться за границу, а Михайловскій выѣхалъ изъ Петербурга, то положеніе его стало особенно труднымъ. Въ послѣдніе два года передъ закрытіемъ «Отеч. Зап.» чаще другихъ ходили къ нему: я, А. Н. Плещеевъ (бывшій секретаремъ редакціи) и А. М. Скабичевскій, и все таки онъ постоянно жаловался: «вы знаете, что я никуда почти не могу самъ ѣздить, потому что боленъ; поэтому надо ко мнѣ чаще ходить. Развѣ я виноватъ, что боленъ?.. А у меня между тѣмъ никто не бываетъ». Ему нужны были не просто знакомые, которыхъ у него было достаточно, а именно литературные и изъ литературныхъ свои люди, причастные къ журналу. Если литература была для него дорогою областью, то они въ ней были наиболѣе дорогими людьми, около которыхъ постоянно вращалась его мысль. Это я говорю на основаніи многихъ фактовъ.

— Что это мы съ вами встрѣтились, точно *чужіе*, — сказалъ онъ разъ, послѣ того какъ мы нѣсколько лѣтъ не видались и какъ самъ же онъ, вмѣсто того чтобы какъ слѣдуетъ поздороваться, сталъ сначала выговаривать мнѣ за то, что я ему не писалъ.

Не чужіе, а свои были ему всѣ, кто работалъ въ «Отеч. Запискахъ».

Иногда сущія недоразумѣнія и неумѣнье самого Салтыкова выразить то, что онъ хотѣлъ, были причиною, что къ нему нѣкоторые неохотно шли. Помню, напримѣръ, такой случай. Говорю я одному изъ сотрудниковъ, про котораго онъ часто вспоминалъ, почему онъ не зайдетъ къ нему, а онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Какъ я къ нему пойду... Представьте, прихожу въ послѣдній разъ: «Ну, здравствуйте, садитесь», говоритъ, какъ вдругъ въ это время кто-то позвонилъ, а онъ и говоритъ: «А вотъ и еще чортъ кого-то принесъ».

Я глубоко убѣжденъ, что Салтыковъ не хотѣлъ этого сказать, что сорвавшаяся у него фраза не только не имѣла отношенія къ собесѣднику, но даже и къ тому, кто вновь пришелъ, а просто выражала досаду, что помѣшаютъ поговорить съ человѣкомъ, котораго онъ хотѣлъ видѣть; между тѣмъ фраза вышла такой неудачной, что произвела обиду. Помню такой еще случай. Однажды я пришелъ къ нему какъ-разъ послѣ многолюдной компаніи знакомыхъ (не литературныхъ), которая только что ушла отъ него, и услыхалъ отъ него слѣдующее:

— Боюсь, какъ бы эти господа на меня не обидѣлись... Представьте: то не ѣдутъ, не ѣдутъ цѣлые мѣсяцы, а тутъ вдругъ всѣ сразу пожаловали, сидятъ и разговариваютъ между собою, хохочутъ, а я слушай. Ну, вотъ я и сказалъ имъ это, а они вдругъ взяли шапки да уѣхали. Право же, я не хотѣлъ имъ ничего обиднаго сказать, а просто хотѣлъ только выразить, что гораздо лучше они сдѣлали бы, если бы не сразу пріѣзжали, что мнѣ пріятнѣе было бы видѣть ихъ порознь и чаще, самому говорить съ ними, чѣмъ слушать ихъ разговоры между собою.

Припомню еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ его со стороны, о которой говорю, со стороны склонности жить и дѣйствовать міромъ. Онъ это исповѣдывалъ не только лично, но и предъявлялъ къ другимъ, и предъявлялъ не только при ихъ жизни, но даже послѣ смерти. Когда умеръ Некрасовъ и завѣщалъ похоронить себя въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, то надо было видѣть, какъ Салтыковъ сердился за это на покойника.

— Вотъ видите, — говорилъ онъ на панихидѣ, — не захотѣлъ со всѣми на Волковомъ кладбищѣ быть, а выдѣлиться захотѣлъ. Я, дескать, такая величина, что не хочу со всѣми лежать. А не все ли равно гдѣ лежать; между тѣмъ для общества это значеніе имѣетъ. Онъ вотъ и при жизни такой же былъ: все одинъ, все въ особенку да въ тихомолку.

И нѣсколько разъ Салтыковъ повторялъ на разные лады тоже самое. Видимое дѣло, что это его очень огор-

чало и что онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ это «такой умный человѣкъ и могъ сдѣлать такое распоряженіе». Потомъ онъ сталъ даже иронизировать надъ Некрасовымъ...

Словомъ, и послѣ смерти нужно быть со своими.

Еще фактъ: пришелъ я къ нему незадолго передъ смертью и засталъ его въ самомъ тяжеломъ состояніи: сидѣлъ онъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, закрывъ глаза, ничего не говорилъ и тяжело дышалъ. На измученномъ лицѣ лежали слѣды страданія жизни, уступающей смерти. Смотрѣть даже было тяжело. Поздоровавшись, я посидѣлъ минутъ пять и спросилъ: не обременяю ли его своимъ приходомъ?

— Нѣтъ, сказалъ онъ, пожалуйста посидите и разскажите что-нибудь, а мнѣ трудно говорить.

Что же, думаю разсказать ему? Ничего для него нѣтъ интереснѣе литературы, а потому сталъ разсказывать объ устраивающемся литературномъ вечерѣ, въ которомъ принимаетъ участіе и Н. К. Михайловскій. Какъ только произнесъ я его имя, такъ Салтыковъ вдругъ открылъ глаза и сердито сказалъ:

— И зачѣмъ онъ съ ними связывается?.. Тамъ и писателей-то, кромѣ него, нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—сказалъ я и назвалъ нѣсколько старыхъ, извѣстныхъ фамилій.

— Какіе же это писатели, это просто.... (тутъ было сказано обычное крѣпкое словечко). Свои не должны были смѣшиваться съ кѣмъ попало.

Въ печати безъ направленія и направленія зазорнаго нѣсколько разъ говорилось, что будто бы у Салтыкова не было опредѣленнаго міросозерцанія, что онъ не былъ человѣкомъ партіи и будто бы билъ иногда своихъ. Уже въ самомъ соединеніи этихъ опредѣленій есть противорѣчія: если онъ не былъ партійнымъ человѣкомъ и не имѣлъ опредѣленнаго міросозерцанія, то какъ могли быть у него свои, и, наоборотъ, если у него были свои, то, значитъ,

онъ принадлежалъ къ извѣстной группѣ (велика она была или мала—это все равно) и имѣлъ извѣстное міросозерцаніе. Міросозерцаніе Салтыкова было очень широкимъ и въ то же время очень опредѣленнымъ. Юность его приходится на сороковые годы, когда въ русской литературѣ образовалось два теченія—западническое и славянофильское. Онъ воспитывался на статьяхъ Бѣлинскаго и, будучи по природѣ русскимъ и оставаясь имъ до самой смерти, примкнулъ навсегда къ западникамъ, т. е. сталъ желать для отечества того, что на западѣ было выработано жизнью хорошаго. Примкнулъ онъ однако не къ большинству западниковъ, занимавшемуся популяризированіемъ нѣмецкой философіи, а къ небольшому кружку. прилѣпившемуся къ Франціи, къ Франціи не Гизо и Луи-Филиппа, а къ Франціи Фурье, Сенъ-Симона, Луи-Блана и Жоржъ Занда. «Оттуда,—говоритъ онъ,—лилась на насъ вѣра въ человѣчество, шло все доброе, любвеобильное и желанное, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не назади, а впереди насъ» («За рубежомъ»). Онъ еще въ лицеѣ читалъ этихъ авторовъ и увлекался ими, и когда потомъ въ Вяткѣ собирался писать «Объ идеѣ права» и біографію Беккаріи, когда писалъ «Краткую исторію Россіи» и ставилъ въ заслугу Іоанну Грозному его борьбу съ боярствомъ на почвѣ мѣстнаго управленія и учрежденіе судныхъ старостъ и цѣловальниковъ, «чтобы лишить областныхъ правителей возможности грабить народъ», когда, участвуя въ служебныхъ командировкахъ, ревизіяхъ и комиссіяхъ, высказывался даже въ офиціальныхъ бумагахъ за свободу личности, экономическое благосостояніе народа, вредъ полицейскаго всевластія и бюрократической централизаціи и стоялъ за необходимость общественнаго контроля и мѣстнаго самоуправленія, то во всемъ этомъ уже сказывались соціально-политическія идеи этихъ писателей, не просто на вѣру взятыя, а продуманныя и согласованныя съ русской дѣйствительностью. Идеи эти какъ нельзя болѣе гармонировали съ его чисто русскими общинными склонностями.

Онъ и въ послѣдніе годы, будучи уже старикомъ, много разъ вспоминалъ въ разговорѣ объ этихъ писателяхъ, хотя съ практической стороною ученій Фурье (напримѣръ съ устройствомъ фаланстеровъ, и т. п.) далеко не былъ согласенъ. Признавая и высоко цѣня общія положенія, всю практическую часть онъ ставилъ въ зависимость отъ времени, развитія и желанія людей и скептически относился къ возможности разъ навсегда придумать формы жизни. Какъ русскій народъ, выработавъ общинный порядокъ и храня его, какъ главную основу своего быта, остановился на извѣстномъ разстояніи отъ перехода въ коммунизмъ и отъ поглощенія общиной личности, такъ и онъ—и инстинктивно, и путемъ высшаго процесса мысли—также остановился на извѣстномъ разстояніи отъ категорическихъ формъ, которыя могли бы быть придуманы на вѣчныя времена, остановился во имя той же свободы личности, предоставляя ей самой устраиваться въ подробностяхъ. Истина несомнѣнно здѣсь, въ этой сторонѣ говорилъ онъ, — но можно ли назвать формы жизни, придуманныя хотя бы и великими людьми, окончательными? Прекрасныя, справедливыя и удобныя для данной эпохи, не превратятся ли онѣ въ прокустово ложе для будущаго? Въ частномъ письмѣ къ одному изъ писателей, отрывокъ изъ котораго приводитъ г. Арсеньевъ въ «Матеріалахъ для біографіи Салтыкова», онъ говоритъ:

„Мнѣ кажется, что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость. Что же касается до практическихъ идеаловъ, то они такъ разнообразны, что останавливаться на этихъ стадіяхъ — значитъ добровольно стѣснять себя. Я положительно увѣренъ, что большее или меньшее совершенство этихъ идеаловъ зависитъ отъ большаго или меньшаго усвоенія человѣкомъ тайнъ природы и происходящаго отсюда успѣха прикладныхъ наукъ... Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною и остаются только неумирающія общія положенія. Это дало мнѣ поводъ задаться болѣе скромною миссіей, а именно спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія, какъ неотъемлемаго права всякаго человѣка, и

обратиться къ тѣмъ современнымъ основамъ, во имя которыхъ эта свобода изслѣдованія попирается".

Чѣмъ обстоятельства, въ какихъ приходилось дѣйствовать Салтыкову, были труднѣе, тѣмъ, само собою разумѣется, приходилось дольше стоять на общихъ положеніяхъ, тратить больше силъ и времени на подготовительную работу, «на корчевку старыхъ пней», какъ онъ выразился однажды въ разговорѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ, и отодвигать положительный идеалъ дальше; но тѣмъ не менѣе онъ никогда не упускалъ его изъ вида, и все его отрицаніе клонилось къ осуществленію и уясненію этого идеала, къ водворенію въ жизнь общихъ положеній, которыя самымъ тѣснымъ образомъ съ нимъ соединялись и входили въ него.

Когда говорятъ, что Салтыковъ будто бы не щадилъ своихъ и бранилъ и смѣялся надъ всѣми одинаково, то для этого нужно представлять доказательства, которыхъ обыкновенно не представляютъ, потому что ихъ трудно найти, но еслибы что-либо подобное и было найдено въ его сочиненіяхъ, то это еще ничего не доказывало бы, потому что и свои могутъ ошибаться и заблуждаться и заслуживать порицанія, а еще чаще чужіе могутъ взять ваши идеи, особенно наиболѣе слабыя, и компрометировать ихъ неудачнымъ примѣненіемъ или прямо искажать и предавать поруганію однимъ своимъ прикосновеніемъ. Человѣкъ съ меньшимъ умомъ и практической выдержкой могъ бы очень много написать про своихъ и про молодое поколѣніе, тѣсно съ ними соприкасавшееся. Много было смѣшного, ошибочнаго, претендующаго и лично оскорблявшаго Салтыкова, но онъ никогда не терялъ самообладанія. Сколько смѣшного разсказывалъ онъ, напримѣръ, про одну фельдшерицу, отправившуюся, по земскому приглашенію, на борьбу съ сифилисомъ; но зная, что этотъ фактъ частный, и боясь, что имъ могутъ воспользоваться противники женскаго образованія,--и не подумалъ смѣяться надъ нимъ печатно. Сколько непріятныхъ писемъ и объясненій ему приходилось имѣть съ молодежью, но зная,

что передъ нимъ не все молодое поколѣніе, а только наиболѣе нетерпѣливыя единицы, — ни строки дурной не написалъ о молодомъ поколѣніи и сохранилъ къ нему любовь и вѣру. Надо было знать, насколько непосредственно могли раздражать нѣкоторые факты и положенія. Одно время (въ серединѣ 70-хъ годовъ) положеніе Салтыкова было просто нестерпимымъ: съ одной стороны, на него постоянно были недовольны такъ называемыя сферы и цензура, а съ другой, его бранили молодежь и публика за то, что онъ недостаточно послѣдователенъ, не то пишетъ и не то дѣлаетъ, что нужно и т. д. Это уже потомъ ему стали посылаться многочисленные адресы, а вначалѣ читатель къ нему былъ очень строгъ, порою просто даже безмилосерденъ. Такъ напр. его постоянно звали читать въ пользу чего-нибудь, участвовать въ литературныхъ вечерахъ, онъ отказывался его бранили, не желая знать никакихъ извинительныхъ причинъ и объясняя отказъ исключительно нежеланіемъ и его неотзывчивостью къ добру. Между тѣмъ, онъ часто не могъ читать просто по болѣзни, не говоря уже о томъ что для него появляться на эстрадѣ и читать публично было чистою мукою.

— Вотъ вы посидите да послушайте, какъ я кашляю — говорилъ онъ иногда приглашающимъ,—тогда и увидите, могу ли я читать.

Кашель Салтыкова дѣйствительно, продолжался иногда минутъ 5—10 подъ рядъ и не давалъ ему слова сказать. Но отвѣчать такъ и представлять такіе аргументы можно было только въ спокойномъ, хорошемъ настроеніи, а въ другое время можно было говорить просто: «не могу, не пойду», а такъ какъ говорилъ онъ это, по обыкновенію, сердитымъ тономъ, то это также ставилось ему въ счетъ. Затѣмъ Салтыкова считали чуть ли не милліонеромъ и постоянно осаждали просьбами о пожертвованіяхъ на разныя благотворительныя цѣли. Онъ давалъ сколько могъ, а иногда и отказывалъ, и опять его бранили, какъ за отказъ, такъ и за то, что не охотно-де раскошеливается и ворчитъ сначала при этомъ. Состояніе Салтыкова было

очень невелико и поправилось только за послѣдніе годы, когда возросла подписка на «Отеч. Записки» и когда стали расходиться его сочиненія отдѣльными изданіями. Служилъ онъ по необходимости, работалъ въ литературѣ также далеко не по одной только охотѣ. Въ «От. Запискахъ» онъ получалъ сначала не особенно много для семейнаго человѣка его круга, живущаго въ Петербургѣ; а въ «Современникѣ», дѣла котораго въ то время были не блестящи, онъ имѣлъ только 150 р. въ мѣсяцъ и самъ говорилъ мнѣ, что долженъ былъ какъ волъ работать и перебиваться рецензіями. Это и заставило его искать опять мѣста и вторично поступить на службу, до послѣдней отставки. О семьѣ своей онъ дѣйствительно думалъ, желая оставить ей обезпеченіе, но въ личной своей жизни, повторяю, отличался большою скромностью: даже больной, онъ не имѣлъ отдѣльной прислуги; кабинетъ его, гдѣ онъ главнымъ образомъ и жилъ, отличался замѣчательною простотою, и т. д. Опасаясь «полуголодной старости», онъ работалъ до самой смерти и имѣлъ полное право написать слова, которыя мы приводили уже выше: «могу смѣло сказать что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ и только когда мнѣ становилось ужъ очень тяжко, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытье». Въ 1888 г., когда я его спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Увѣряю васъ что каждый день ложусь съ неувѣренностью что проснусь утромъ

И тѣмъ не менѣе и въ это время работалъ. Однимъ словомъ, матеріальное положеніе Салтыкова въ то время, о которомъ мы говоримъ, вовсе не было такимъ блестящимъ, какъ объ этомъ думали осаждавшіе его просьбами. На нѣкоторыя просьбы онъ почти никогда не отказывалъ, хотя также считалъ нужнымъ поворчать.

Я. В. Абрамовъ разсказываетъ, какъ они съ Гердомъ ходили просить его принять участіе въ литературно-художественномъ сборникѣ «Памяти В. М. Гаршина», т. е. попросту, чтобы онъ далъ что нибудь даромъ въ сборникъ,

выручка съ котораго предназначалась на доброе дѣло, въ память покойнаго. Нужно замѣтить, что В. М. Гаршинъ былъ сотрудникомъ «Отеч. Записокъ». На нашу просьбу, говоритъ Я. В. Абрамовъ, Салтыковъ отвѣтилъ самымъ рѣшительнымъ отказомъ: «не могу и не могу!... У меня глаза болятъ... Я писать ничего не могу... Да и что тамъ за сборникъ такой! Что это за манера—только умретъ писатель, сейчасъ ему въ догонку сборникъ!» Гердъ замѣтилъ, что было бы очень пріятно, еслибы каждому умершему писателю «въ догонку» посылалась товарищами книга, сборъ съ которой шелъ бы на хорошее дѣло; но Салтыковъ и слышать ничего не хотѣлъ: «и что выйдетъ изъ вашего сборника? продолжалъ онъ. Вотъ противъ меня букинистъ Клочковъ,—у него всѣ сборники, и вашъ тамъ же будетъ... Да и гдѣ мнѣ писать?» — «Я зналъ, говоритъ Абрамовъ, чѣмъ кончится вся эта тирада, и потому ждалъ молча. Но А. Я. Гердъ, незнакомый съ пріемами Салтыкова, сконфуженно поднялся и сталъ извиняться за причиненное нашимъ визитомъ безпокойство, обнаруживая намѣреніе уйти. Едва Салтыковъ это замѣтилъ, какъ тотчасъ же перемѣнилъ тонъ: «Да что вы это? Куда вы? Да неужто вы думаете, что я откажусь отъ общаго дѣла?... Я дамъ все, что могу. Вотъ у меня есть кое-что, берите что хотите! Самое лучшее — возьмите вотъ эти сказки». И онъ подалъ нѣсколько не напечатанныхъ своихъ произведеній. Исполнять же всѣ просьбы благотворительныхъ обществъ, кружковъ, разныхъ дамскихъ комитетовъ и т. д. очень трудно. Въ этомъ отношеніи у насъ дѣло стоитъ, вообще, довольно любопытно: когда, напр., писатель дѣлаетъ изданіе, то получаетъ всегда массу просьбъ пожертвовать изданіе или прислать «по удешевленной цѣнѣ». Пишутъ библіотеки, больницы, школы и т. д., не исключая и частныхъ лицъ. Во многихъ мѣстахъ заведены для этого даже спеціальные, печатные бланки. Еслибы писатель удовлетворилъ всѣ просьбы, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко могло бы случиться, что ему самому ничего не осталось бы; но нерѣдко онъ даже не можетъ самъ

распоряжаться своимъ изданіемъ, такъ какъ издаетъ его не онъ, а другое лицо, которому онъ его продалъ. Между тѣмъ, этого знать не хотятъ или никакъ понять не могутъ и пишутъ претензіи, выговоры, упреки за то, что слово не согласуется съ дѣломъ, что на словахъ одно, а на дѣлѣ другое и т. д. Салтыкову не мало приходилось выслушивать подобныхъ упрековъ, и я знаю случаи, когда онъ самъ покупалъ свои же сочиненія, чтобы послать кому-нибудь.

Но этого рода упреки были еще не такъ обидны, какъ упреки другого рода, упреки чисто принципіальные и нравственные, которые также приходилось выслушивать, по поводамъ сплошь и рядомъ самымъ неосновательнымъ. Такъ, напримѣръ, его звали на студенческія сходки. Я воображаю Салтыкова на студенческой сходкѣ. Этимъ онъ, впрочемъ, не обижался, но когда ему приходилось выслушивать упреки за литературную дѣятельность, когда ее неправильно истолковывали относительно направленія и молодого поколѣнія и въ особенности когда упреки шли со стороны самой молодежи, то это его очень огорчало. Я знаю случай, когда Салтыковъ, получивъ одно такое несправедливое и рѣзкое обвинительное письмо, заплакалъ. И тѣмъ не менѣе онъ никогда не обмолвился не только дурнымъ, но даже просто раздражительнымъ словомъ противъ молодого поколѣнія, какъ таковаго. При его нервности и раздражительности, такая выдержка говоритъ только объ его большомъ умѣ и прочности его убѣжденій. Я увѣренъ, что не одно, а нѣсколько молодыхъ поколѣній придутъ на Салтыковскую могилу и вспомнятъ его добрымъ словомъ. Это одинъ изъ замѣчательныхъ людей эпохи преобразованій, которая цѣликомъ отразилась въ его произведеніяхъ, со всѣми нашими недугами и слабостями.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разсказы. А. Ликидэ. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ — 1 р., въ переплетѣ—1 р. 25 к

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Вриичанинова. Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ переп. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Съ 53 рисунк. Ц. 2 р. Въ перепл.—2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл.—2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. 45 рис. Въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ. А. Арсеньева. Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разсказы. А. Нольде. 28 рис. Въ папкѣ 1 р. Въ пер. 1 р. 50 к

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Азбелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 200 рисунковъ на 10 листахъ Ц. 1 р. „Объясненія" къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ИСКРЫ БОЖЬИ. Біографическіе очерки А. Островинской. Цѣна 1 р. 25 к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ Составилъ В. Острогорскій. Съ 20 портретами. 2 изд. Ц. 50 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ пап.—1 р. 50 к., въ переп.—1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флёри. Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Доррить, 10) Два города. Цѣна каждаго романа—40 к. Въ папкѣ 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. С. Ворисгофера. Съ 73 рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер.—2 р. 50 к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап.—2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. С. Ворисгофера. Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгофера. Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ ред. Ф. Павленкова. Съ 55 рис. Ц. 2 р. Въ пер. 2 р. 50 к

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова. 358 рис. Ц. 2 р., въ переп.—2 р. 75 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Люкаса. Съ франц. Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл.—2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисун. Ц. каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ переплетѣ—2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ перепл.—2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э. Кандеза. 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ—2 р 25 к., въ переплетѣ—2 р. 50 к.

---

15 іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпуститъ дешевое изданіе сочиненій Лермонтова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Апрѣля 1891 г.

Учебныя руководства и пособія.

КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. И. Рывачева. Съ 197 рисун. Ц. 1 р. 50 к.
ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ. А. Заблоцкаго. Съ 300 чертежами. Ц. 60 к.
КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГІИ И КЛИМАТОЛОГІИ. Профес. Лѣсного Инстит. Д. Лачинова. Съ 122 рис. и 6 карт. Ц. 2 р.
ОСНОВАНІЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГІИ. В. Селезнева. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. Гано. Переводъ Ф. Павленкова и В. Черкасова. 7-е изд. Ц. 4 руб.
ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. А. Гано. Перев Ф Павленкова, Съ 604 рис. Ц. 2 р.
КРАТКАЯ ФИЗИКА. М. Герасимова. Съ 335 рисун. и 214 задачами. Ц. 1 р.
ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ. Н. Вальберха и Ф. Павленкова. Съ 50 рис. Ц. 40 к.
УЧЕБНИКЪ ХИМІИ. А. Альмедингена. 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ. В. Потоцкаго. Съ 143 фиг. Ц. 40 к.
ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ. Бурдонъ Сандерсона. Переводъ д-ра Фридберга Переработанъ русскими профессорами. Въ 2-хъ частяхъ со многими рисунками. Цѣна въ одной книгѣ 5 р.
СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. Лубенца. 7-е изданіе. Ц. 40 к. Тотъ же „Сборникъ" по частямъ: Годъ I—12 к. Годъ II—15 к. Годъ III—20 к.
САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. Т. Лубенца Ц. 15 к.
УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для город. училищъ. И. Плетенева. Съ рис. Ц. 30 к.
МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. С. Житкова. 3-е изд. Ц. 75 к.
СБОРНИКЪ АРИѲМ. ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". С. Житкова. Ц. 40 к.
СБОРНИКЪ САМОСТОЯТ. УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИѲМЕТИКѢ. Задачникъ для учениковъ. С. Житкова. 2-е изд. Ц. 25 к.
ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. А. Кузнецова. изд 2-е. Ц. 1 р.
НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова. Съ 800 рис. 10-е изд. Ц. 20 к.
ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ", Ф. Павленкова. 7-е изд. Ц. 15 к.
РОДНАЯ АЗБУКА. Ф. Павленкова, 7-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
АЗБУКА-КОПѢЙКА. Ф. Павленкова. 7-е изд., 12 стр. 100 рис. Цѣна 1 к.
НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. Ф. Павленкова. 1) „КЪ РОДНОМУ СЛОВУ" Ушинскаго (400 рис.) 2) „КЪ АЗБУКѢ БУНАКОВА" 460 рис.). 3) КЪ „ПЕРВОЙ УЧЕБНОЙ КНИЖКѢ" Паульсона (430 рис.). 4) КЪ „РУССКОЙ АЗБУКѢ" Водовозова (470 рис.). 5) ОБЩІЯ НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

НАШЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Барона Н. А. Корфа. 35-е изд. съ 200 рис. Ц. 75 к.
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. А. Тарнавскаго. Для низш учебн. заведеній и млад. классовъ гимназій, Съ 125 рисунками. 4-е изд. Ц. 60 к.
НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА. Н. Бучинскаго. Ц. 30 к.
ЗЕРНЫШКО. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Т. Лубенца. 1-я книга Ц. 30 к. 2-я книга. Ц. 40 к.
РУКОВОДСТВО къ „ЗЕРНЫШКУ". Лубенца. Ц. 50 к.
ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. Т. Лубенца. 2-е изд. Ц. 5 к.
РУКОВОДСТВО КЪ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ" Т. Лубенца, Ц. 15 к.
КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ А Карюкова. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя, обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
РУССКОЕ СЛОВО. А Павлова. Хрестоматія для гор. училищъ Ц. 1 р.
РУКОВОДСТВО къ „РУС. СЛОВУ". Ц. 60 к.
АЗБУКА ДОМОВОДСТВА и ДОМАШНЕЙ ГИГІЕНЫ. Сост. М. Клима. Ц. 75 к.
300 ПИСЬМЕН. РАБОТЪ Задачи для упражненій въ письмѣ для 3-хъ отдѣленій начал. школы. Н. Корфа. Ц. 15 к.
ПЕРВОНАЧ. ПРАВОПИСАНІЕ. Диктовки и грам. правила. Н. Корфа. Ц. 12 к.
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. М. Герасимова. Съ 96 рис. Ц. 50 к.
СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. М. Савицкаго. Ц. 40 к.
ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГІИ. Поля Бера. Переводъ подъ ред. проф И Мечникова. 345 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к., въ переп. 1 р 50 к.
КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. М. Сіязова. Съ 118 рис. Цѣна 50 к.
СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССКОМУ ПРАВОПИСАНІЮ. Разиграева: 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знак. препинанія. Ц 35 к.
ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.
ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ. Григоровича. 5-е изд. 52 портрет. Ц. 2 р.
ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. А Колтановскаго. 279 рис. Ц. 75 к.
РИСОВАНІЕ АКВАРЕЛЬЮ А. Квоаги Перев. съ франц. О. Кочетовой. 120 политип. и 6 акварел. Ц. 1 р. 50 к.
ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическіе совѣты Ф. Шубелера. Съ 130 рис. Ц. 60 к.
НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. Корнеля. 11-е изданіе, съ 10-ю раскраш. карт. и 82 рис. Цѣна 1 р. 25 к.